

Три телеги, гора чемоданов, - с таким грузом глупо идти через «зеленый коридор». Но моя храбрая мать направилась именно туда, глаза горят, на лице смешались эмоции испуганной невесты и отчаянного партизана. Надо потом, когда придет в себя, сказать, чтобы она перестала разговаривать с акцентом, это просто смешно. Митя смотрит вокруг внимательно, даже презрительно – и надо же, я чувствую будто отвечаю перед ним за свою несчастную страну, за Шереметьево. Двенадцатилетнему педанту трудно объяснить, что здесь стало чище и толковее. По сравнению с тем что было - уже почти хорошо. Не буду я ему ничего объяснять.

- Мам, я не хочу здесь жить!

- Можно же попробовать? Хотя бы ради меня...

Мы идем, с трудом тащимся мимо таможенников, и вдруг я чувствую, что страх, от которого я отвыкла (приобретя некоторые другие, верно, но этот советский, я полагала, погиб) – безотчетный страх при виде людей в форме – вдруг вернулся. Боюсь привлечь их своим внутренним беспокойством, хотя если начнут ворошить наш багаж, то ничего интересного, кроме дамских шмоток, книг и утвари не найдут. Но таможенники улыбаются друг другу, пусть и не нам – хорошо, что не нам, а то мама опять сморозит что-нибудь. Нас должны встречать? Или я что-то неправильно поняла.

- Ты говорила, что Танечка пришлет за нами машину?

- Обещала.

- И что, долго нам здесь торчать? - Маме, как всегда, все обязаны. Терпения никакого. Нас со всех сторон обступили сумрачные мужчины в кепках и без: «далеко ехать?», «машину недорого», «машину нужна?».

- Мне здесь не нравится! Все равно я вырасту и уеду, учиться буду дома, – Митя паршивец, уже разговаривает басом, но капризничает, и к тому же по-английски. Услышав его, таксисты и водилы обступают нас плотнее.

Мои потерянно стоят рядом с горой чемоданов. Я и сама растерялась, но спокойно, спокойно... Раз я приняла это решение, значит, должно хватить сил отвечать за него. Пусть я отвыкла от Москвы и, возможно, поотстала, пусть набью много шишек, но ожидать эти испытания мне любопытно. Здесь я имею на них право. Я также имею право получать полноценные призы. Десять лет у меня постоянно было чувство, что я

претендую на чужое. Надо перестать уговаривать себя, потому что это признак сомнения, а сомневаться уже поздно: приехали.

Наверное, я подумала правильную мысль, потому что в этот момент увидела огромного парня с табличкой в руках, на которой написано «Ирина». Подлетела к парню как к родному:

- Добрый день. Ирина – это я. Вы от Татьяны?

- Здравствуй.

Смотрит он на меня без пиетета, и понятно почему. Его ботинки такие изящные, стоят...э...э... баксов двести пятьдесят – или какие у них тут цены? А я в джинсах и в кроссовках. В скором будущем придется отучаться одеваться удобно.

- Где ваши вещи? – сурово спросил шофер.

- Вон там. Пойдемте.

Оценив наш караван, он невежливо присвистнул.

- Как вас зовут, молодой человек? – строго спросила моя мать, сверкнув очками. Она стала здорово похожа на задиристую американскую пенсионерку.

- Антон.

- Антон, вы должны нам помочь погрузить все это в машину.

Заметно, что ему трудно нас классифицировать: с одной стороны, похожи на бедных родственников в спортивной одежде, с другой стороны – властные манеры моей матери явно произвели на него впечатление.

Но Антон быстро пришел в себя:

- Думаете, я на камазе приехал? Одной машиной тут не обойтись. Придется вызывать подкрепление.

Он набрал на мобильном номер:

- Татьяна Юрьевна, это Антон, я в Шереметьево. Здесь ваши знакомые, да, все в порядке. Но в мою машину их вещи не войдут. Хорошо, сейчас.

Шофер вальяжным жестом протянул мне телефон.

- Привет, Танюш. Долетели нормально, – говорю я. - Подождем, конечно. До встречи. Спасибо тебе.

Шофер выслушал указания хозяйки и мрачно скомандовал:

- Оставайтесь здесь и дожидайтесь, пока прибудет джип охраны. Тогда погрузимся и поедем. – Последнюю фразу он произнес словно нехотя и уже на ходу, покидая нас.

- Не очень-то он любезен! – Не выдержала моя мать, когда мы остались одни.

- Под-креп-ление? Ма, русские хотят нас похитить? – Спросил Митя ехидно. Что за манера придуриваться в самый неподходящий момент.

Антон вернулся неожиданно быстро, его сопровождали еще двое. Через пять минут мы уже сидели в машине. Обе машины оказались огромными и богато отделанными.

Наверное, мы никогда на таких не ездили. Даже Ник никогда на таких не ездил: стоп, никакого Ника, его для меня не должно существовать в природе.

Ник в Москве уже больше года. Смешно: то я за ним в Штаты, теперь в Россию.

Моя путеводная звезда – добрый Ник. Я не выдержала испытания его благородством. Можно ли уничтожить человека благородством?

Даже Митька присмирел в просторном салоне. Смотрит в окошко, нахохлившись словно попугайчик. Митька, я понимаю тебя, сама здесь иностранка. Все стало другим: дороги, люди и небо выглядят иначе чем прежде.

- Ма! Это частная машина?

- Говори по-русски, пожалуйста.

- Я не хочу, - хорохорится Митька.

Рекламные щиты, блестящие автомобили - и огни, очень много огней. Всего этого в моей Москве не было. Мой город стал похож на полыхающий остров.

1.

В феврале 1986 года в квартире многоэтажного дома в одном из арбатских переулков ожидали гостей. Мать и дочь суетились в гостиной вокруг накрытого праздничного стола. Собака, той-пудель переросток по кличке Сева, не торопясь, но и не останавливаясь сопровождал каждое блюдо, переносимое из кухни на большой стол. Все было продумано и устроено не только нарядно, но и до известной степени изысканно. Кроме обычных советских деликатесов – красной икры, финского сервелата, селедки «под шубой», шпрот и салата «оливье», - стол украшали серебряные приборы, торт с маленькими свечками, два старинных бронзовых подсвечника.

Дочь зажгла свечи и потушила люстру, огни отразились в больших незашторенных окнах, перемигивались с огнями в соседних домах. Ирина смотрела на снежную улицу, на прохожих, которые торопились преодолеть ветер и поскорее пройти сквозь метель. Она задумалась о том, что ей пока трудно решить в свой день рождения: двадцать шесть лет - это еще молодость?

- И что вам сказал сегодня главный? – спросила Нинель Леонидовна, подыскивая на столе свободное место для хрустальной вазочки с тертой свеклой под майонезом.

- Мам, какая разница? Сказал, что у всех редакторов теперь вместо двух библиотечных дней в неделю будет один. Эля придет с Джоном, между прочим.

Для Нинель Леонидовны, как для любого советского человека, визит иностранца – не только ответственное мероприятие, но и волнующее приключение. Она даже всплеснула запачканными руками и забегала быстрее.

- Тогда почему ты не достала кольца для салфеток? Что стоишь, все должно быть комильфо, доча. Господи, я еще в фартуке!

- Какие кольца для салфеток, мама, он даже не поймет что это такое, на что их себе повесить. Пойду собой заниматься.

- Все-таки. Мы в данном случае представляем страну...куда же они делись, лежали в бархатном футлярчике...это для американца ты купила водку?

Ирина ответила из своей комнаты:

- Не только, для Олега тоже. Я его пригласила.

- Что?! Ты же обещала мне! – как большинству матерей в таких случаях, Нинель казалось, что чем чаще и громче выражать дочери свое отношение к Олегу, тем быстрее неподходящий ухажер растворится в пространстве, будто его и не было никогда. - Если не жалеешь себя, меня, то подумай хотя бы, что сказал бы твой покойный отец! Ты должна помнить, что твой папа пел в Большом театре! А этот безумный богемный субъект...

Нинель замерла посреди комнаты и сделала эффектный жест в сторону одной афиши, затем повела рукой к другой стене, где висели театральные плакаты и семейные портреты.

- Вот настоящее искусство, которому был верен твой отец!

Режиссуру подобных сцен Ирина знала не глядя.

- Ма, - подала она примирительную реплику из соседней комнаты, продолжая наносить румяна, - На этой неделе об их группе опять написали в «Собеседнике». Но дело не в этом, мне с ним интересно, понимаешь?

- Не надо! Я слышала эту музыку. Дым коромыслом! Если у вас это называется «играть на инструменте», - Нинель взглянула на напольные часы и вернулась к поискам колец для салфеток, – то я не знаю вообще, к чему мы все придем, – добавила она уже деловито.

Первой пришла Полина, недавняя знакомая Ирины – из тех девушек, жизнь которых в Москве в середине восьмидесятых казалась тайной и приключением. Полина щедра и образованна, встречается только с иностранцами в ресторанах и номерах «Метрополя» и «Интуриста» под надзором своих «кураторов».

- Дорогая. Ты моя красавица! – нежно прорычала Полина, протягивая к Ирине руки в тонких перчатках.

Нинель забыла о своих расстройках, столь эффектным и шумным было явление Полины с мороза: в огромной шубе, стриженная под мальчика, в сапогах на высоченных шпильках – это когда на улице снега по колено. Мощная волна драгоценных духов Полины докатилась до самой дальней стены квартиры. «Актриса!» - решила Нинель и восхитилась интеллигентностью манер потрясающей дамы. Полина преподнесла Ирине флакон французских духов «Ж'озе».

- Ж'озе, я решилась! – перевела Ирина и рассмеялась. – Значит пора решаться.

- Есть на что? – поинтересовалась Полина и прошла по комнате. При этом даже Нинель и Ирина не могли не оценить как у Полины все красиво выступает и движется под тонкими тканями.

Затем сразу пришли Эля и Джон, принесли подарки и продукты в нарядных пластиковых пакетах из «Березки». Эля, будучи человеком с амбициями, имела несчастье родиться в так называемой «неблагополучной семье», а потому привыкла рассчитывать каждый свой шаг и точно оценивать обстановку. Самый важный сигнал в данной ситуации Эля восприняла мгновенно – это был взгляд, который Джон, даже не успев осмотреться в незнакомой квартире, бросил на Полину.

- Джон, – громко и спокойно сказала Эля по-английски, развернула его спиной к комнате лицом к себе, – помоги мне снять сапоги. Пожалуйста, милый.

Только после отчасти трогательной возни с элькиными сапогами Джона повели знакомиться сначала с Ириной, потом с Нинель, которая все-таки забыла снять фартук. Царственной Полине американец смог лишь издали кивнуть, но рассмотреть ее внимательно, чего ему очень хотелось - постеснялся.

Олег вошел в квартиру вместе с Татьяной, университетской подругой Ирины. «Олег – он как всегда похож и на охотника и на волка одновременно, и конечно, не отказал себе в мелком удовольствии напугать нашу отличницу», - определила Ирина.

Женщинам Олег неизменно внушал сильные эмоции.

Пока Татьяна преподносила ей двухтомник Ахматовой и занудно объясняла про неправильно отредактированные строфы, Ирина искоса наблюдала за Олегом. Как он элегантно уклонился от предложенных ее матерью стоптанных тапочек, положил тяжелую кожаную куртку на кресло, осмотрел гостиную – он ни разу не был здесь – и мимоходом приласкал пуделя. Ирине показалось, что Олег слишком сухо кивнул ей в прихожей при встрече (не поцеловал), хотя сама она вряд ли смогла бы объяснить, каких именно поступков и жестов ждет от него. У Олега каждый день могло проявляться новое качество, иногда привлекательное, иногда не слишком.

Сегодня Ирина и Олег впервые встретились на семейном торжестве в ее доме, а не как любовники в его однокомнатной в Ясенево («библиотечные дни»), или словно подростки на даче его друга в Валентиновке, или совсем уж, в странных помещениях студийного, театрального пошиба.

Когда уйдут гости, он подойдет к ее матери и скажет: «Нинель Леонидовна, я люблю вашу дочь (поцелует матери руку), остаюсь в вашей семье, если принимаете». «Хоть он и не из Большого, но музыкант талантливый», - пошутит Ирина. «Ладно, новые времена – новые театры, - добродушно рассмеется мать, перетирая вымытую посуду, - молодой человек, раз мы теперь одна семья, то прошу, поддержите вазочку, спасибо...».

Тем временем Нинель проводила экскурсию по гостиной для Джона: происходило знакомство с семейными реликвиями. Нинель увлеклась рассказом о благородной истории своей семьи. Джон вежливо таращил глаза, Эля небрежно переводила. Полина тонко улыбнулась неточности перевода, Ирина тоже заметила эту неточность, как заметила она и другое: Татьяне было одиноко. Это раз. Второе: Олег инстинктивно шагнул к Полине, изобразив растерянность (*в этом обществе мы с вами оба – чужие*). Когда занимали места за столом, Эля следовала принципу «Джон сядет как можно дальше от этой особы», а Ирина оказалась между тихоней Татьяной и Элей. Олег галантно отодвинул стул и предложил Полине место рядом с собой, теперь они

непринужденно беседовали. Ирина могла расслышать ключевые слова: «последний концерт», «идеальный звук», «вторые гастроли в Чехословакии» - «ну и как Вам Прага?». Это еще не тяжелая артиллерия, определила для себя Ирина, но скоро могут грянуть и коронные аккорды. Пудель Сева тихонько побирался под столом, прикидывая, кто самый щедрый – и в конце концов пристроился к Полине, деликатно, но настойчиво трогая лапой ее ногу в шелках.

После первых тостов включили музыку. Джон пригласил Ирину на танец, протанцевал с ней и пошел в туалет. Олег и Полина не прерывали беседу.

Вечер стремительно проваливался.

Элька отозвала Ирину на кухню, спросила деловито:

- Где ты откопала эту путану? С ума сошла, Ирка, совсем дура, что ли?

- Она не путана. Работает моделью, по-моему, на Кузнецком. Или у Зайцева, точно не знаю. Мы на «Моде Италии» в Экспоцентре познакомились.

- Конечно, модель нашлась. У Зайцева привлекательные бабы не работают, там одни крокодилы, а эта красивая зараза, – Элька курила в форточку, не забывая бдительно следить за коридором, чтобы перехватить Джона, когда он выйдет из туалета.

- Дарлинг! Я здесь, - помахала она рукой американцу. – Иди сюда, ну иди же.

- Я купила у Полины несколько тряпок, один поклонник возит ей контейнерами. Не жадная, продает недорого. Вещи здорово на мне сидят, я тебе покажу, – оправдывалась Ирина.

- Си-дят...Джонни, постой с нами. Нам без тебя скучно, дарлинг! Что ж, подруга, сама виновата. Вот как ты есть рыба...

- Я не Рыба, я Водолей, - вяло отбивалась Ирина.

- Да не спорь ты. Рыба! Теперь смотри в оба. Еще лучше – учись у нее, как надо уводить чужого мужика, – снисходительно посоветовала Элька и потащила американца танцевать «быстрый танец».

Ирина на кухне опять смотрела в окно на огни, пробивавшиеся сквозь завесу метели, и с горечью думала о своих надеждах на сегодняшний вечер и еще о том, что она не способна действовать решительно и толково, как Элька. «Каменею в самый ответственный момент. Сама виновата, не подошла к нему – что же ему остается делать, приходится развлекать себя». Но бороться за внимание Олега почему-то не хотелось.

Нинель Леонидовна попыталась спасти положение, затеяв беседу, в которой все смогли бы принять участие; ведь собралась такая читающая, интеллигентная молодежь.

- Танечка, - громко спросила Нинель, - Какая у тебя тема диссертации? Джон, Эля, идите сюда и послушайте, вам будет интересно!

- Поэтика в американской литературе XIX века, – буркнула Татьяна невнятно.

- Пардон? – переспросил Джон.

- Поэзия, что ли? – подсказала Элька.

Оказавшись в центре внимания, Татьяна занервничала:

- Я же сказала – поэтика! – и стала собирать пустую посуду трясущимися руками.

- А кто конкретно, назовите имена героев вашей диссертации? Вы пишете что-нибудь о Бродском, например, о его исследованиях, касающихся этого периода? – спросил Олег, но Татьяна отвечать была не в состоянии. Она продолжала нервно греметь тарелками.

- Оставьте, еще не все доели, - спохватилась Нинель, – Давайте погасим свет и зажжем свечи! Ирочка, ты где?

- Надо зажечь свечи на пироге! – догадалась Эля. – Ну-ка подсчитаем, сколько лет сегодня исполнилось нашей Ирише: раз, два, три...Джон, дай зажигалку.

Олег молча достал зажигалку и отдал Эле, потом пошел на кухню к Ирине.

- Ты где, малыш? Без тебя скучно.

Ирина сидела на табурете, лицом к окну.

- Неужели?

- Пойдем. Может, все-таки потанцуешь со мной, а?

Олег встал между нею и окном, потом присел на корточки, взял ее руку и стал целовать холодные пальцы.

- Эй! Я здесь, малыш. А там пирог, нужно задуть свечки.

- Ничего не хочу.

Ирина рассчитывала выслушать ласковые слова и затем уступить. Но Олег неожиданно быстро встал, поцеловал ее в затылок, сказал сухо:

- Как знаешь. Ты что-то не в духе, да? Пойдем.

Ирине пришлось вытереть слезы, вернуться к гостям, дуть на свечки. Потом пили чай.

Ирина все-таки пошла танцевать с Олегом. Во время танца он прижался к ней, так что маленькая радость в этом вечере все-таки появилась. Полина пригласила американца на белый танец, и он не отказался. Получился короткий спектакль, который развлек всех: на Полину хотелось смотреть, но только Элька смотрела с ненавистью.

Татьяна втихую выговорила Нинель Леонидовне за то, что та открыла тему ее диссертации иностранцу.

- Что такое, детка, разве такие темы засекречивают? – удивилась Нинель.

- Но если мой отец узнает, что я общаюсь с американцем, то будет скандал! Неужели вы не понимаете, тетя Нель?

Отец Татьяны работал в «закрытом» институте на высокой должности парторга, и вся семья постоянно помнила о святом бремени секретности.

- Прости. Ой, прости, ужас! – Нинель, у которой от шампанского немного помутилось в голове, ясно пригрезился призрак государственной измены. - Но мне показалось, что Джон порядочный человек.

- Тише! – прошептала Татьяна.

Элька решительно вызвала Полину на кухню, и та спустя две минуты направилась в прихожую одеваться. Олег взял свою куртку и тоже вышел в коридор. Увидев это, Ирина бросилась в маленькую комнату и разрыдалась.

- Ну вот, - огорчилась Нинель, - все расходятся, а так ничего и не съели.

Музыка играла, свечи догорали, праздничный торт имел разоренный и неряшливый вид. Пудель Сева понял, что пора отправляться на кухню и поджидать там объедки с тарелок.

Верная Элька, прежде чем уйти, зашла к Ирине. Она умела утешать не жалея:

- Между прочим, сама виновата, Ир. Додумалась пригласить эту. Я-то ее обезвредила.

- Что ты ей сказала?

- Неважно. К Джону, во всяком случае, она больше не подойдет, это точно. Проститутка валютная, я знаю как с ними разговаривать.

- А про меня не подумала? Почему про Олега не сказала?

- Зачем? Не плачь, Ирка, может оно и к лучшему, что он за ней потянулся. За – сколько там – два года вашего романа ты ни дня не была спокойна. Сдался он тебе – ни профессии, ни будущего. Знаешь что? – воскликнула Элька преувеличенно бодрым тоном. - На коньках кататься умеешь?

- Издеваешься, да? Ты не ответила – они ушли вдвоем?

- Короче. Завтра в семь встречаемся в Парке Горького перед входом на каток. Мы с Джоном тебя приглашаем. Только попробуй не прийти!

Очутившись на катке среди громкой бравурной музыки и запаха мороза, Ирина подумала, что наверное от того, что она уступила Эльке и пришла сюда – хуже не будет.

- Эль, не знаю как ты, а я была на катке последний раз в восьмом классе. Вы катайтесь, я просто посмотрю на вас.

- Не пойдет. Идем переодеваться, а там я скажу тебе секрет. Хочешь, скажу сразу?

- Мне все равно. – Ирина чувствовала вялость. Единственное, чего хотелось – подышать морозным воздухом.

- Джон придет со своим другом. Это его шеф, главный архитектор строящегося здания посольства. Или просто архитектор, я точно не знаю. Джон говорит, что он

интеллектуал, умница. Этот мужик, Ник его зовут, просил Джона чтобы его с кем-нибудь познакомили. Он недавно приехал.

Нику оказалось на вид лет тридцать пять, он тоже плохо катался на коньках.

- Ты москвичка? – спросил Ник Ирину.

- Да, родилась в центре, и сейчас там живу. А ты?

- Я родился в Лондоне. Мой дед в начале века приехал в Лондон из Вильно.

- Почти русский!

- Знаю некоторые русские слова.

- Ну-ка скажи.

- Это очень смешно, боюсь, ты опять упадешь. От бабушки помню два слова: «пупок» и «рукимыть».

- Это три слова! «Руки», «мыть», и «пупок».

- Да? Я не знал... Мой дед был антикваром, я с детства играл у него в магазине разными штукавинами или рассматривал альбомы, - обстоятельно рассказывал Ник, - У моей семьи до сих пор маленькая галерея в центре Лондона. Мне все про тебя интересно, – проговорил он быстро и очень серьезно, и они приостановили свои попытки ковылять по льду на коньках.

- Ты очень красивая. Невероятно. Будешь встречаться со мной?

- Не знаю. Может быть. Наверное.

- Ты не девушка, а ходячий словарь вежливых выражений! «Наверное», «возможно». Скажи «разумеется». Пожалуйста.

«Вот она, радость», - поняла Ирина. За какой-то час она успела стать другой – не вчерашней, униженной. Бодрые мысли легко приходили из морозного воздуха, от движения. День рождения все-таки состоялся.

На Садовом кольце долго ловили такси, и хотя Элька запретила мужчинам разговаривать, водители еще издали понимали, что перед ними иностранцы – и запрашивали кто в три, а кто и в пять раз дороже. И только когда все замерзли, нашелся таксист, который согласился везти за три рубля, что было непомерно много за несколько минут дороги, но и ждать уже было невозможно.

В вестибюле гостиницы «Белград» гардеробщик, дядька с белесыми глазами, наклонился к Ирине через стойку и смотрел пристально.

- Доллары на продажу имеются? – очень тихо спросил он.

Она не знала, что ответить. Гардеробщик вдруг разозлился, глаза от ненависти сделались прозрачными.

- Чего молчишь-то? Что я, не вижу, что ты на работе?

Ирину парализовала злоба человека в одеянии лакея. От растерянности она продолжала молчать, но почему-то и не отходила.

- Уж я-то понимаю, кто иностранцы, а кто при них деньгу зашибает. Тоже мне, – дядька презрительно фыркнул, швырнул номерок на столешницу, и наконец отвернулся.

По-прежнему молча Ирина взяла номерок и подошла к Нику, который ждал ее перед дверьми ресторана. Легкость и беззаботность ушли.

Музыка со сцены звучала деликатно и томно. Какие бы тосты не произносились, о чем бы ни говорил Ник, он смотрел только на Ирину. После второй рюмки осмелился сказать несколько фраз по-русски, и оказалось, что его словарный запас не так уж мал. Эля не преминула это отметить: у нее была привычка всех сравнивать:

- Ник, а ведь ты говоришь по-русски гораздо лучше Джона.

- А почему парк, это место, где мы были на катке, - называется имени писателя Максима Горького?

- Центральный парк имени культуры и отдыха? Наверное, Горький очень любил отдыхать, - предположила Элька.

- Я теперь понимаю, для чего я немножко знаю русский, – сказал Ник, глядя в глаза Ирине.

- И я понимаю, для чего я выучила английский, - отозвалась она.

- Для чего?

- Чтобы разговаривать с тобой.

- Правда? – было видно, что Ник действительно обрадовался.
- А французский ты зачем выучила? – спросила Элька, она не выносила сантиментов и нежных сцен.
- Наверное, чтобы читать Элюара и Кокто, - ответила Ирина не только назло Эльке, но и из кокетства.
- Ты – необыкновенная девушка, - сразу отреагировал Ник. – Даже не верю, что ты согласишься потанцевать со мной.
Они танцевали до закрытия ресторана.

Напившаяся горьких капель Нинель увидела перед собой совершенно счастливое лицо Ирины. Это было так неожиданно и даже обидно, что некоторое время Нинель не могла произнести ни слова. Наконец, она пришла в себя:

- Где ты была? Почему так поздно? Почему вся красная? – выдала она серию сердитых вопросов.

Телефон звонил.

- Мамочка, - сказала Ирина, светло улыбаясь, - почему не берешь трубку?

- Ты что, выпила? Ну-ка поди сюда, – напряглась Нинель Леонидовна. Ей представилось самое худшее – дочь, не выдержав измены непутевого Олега, в одиночестве напивается в подъезде.

- Ма, ты меня обнюхать собираешься? Перестань.

- Между прочим, это звонит твой гитарист. Он считает, что мы с Севой тебя прячем.

Под журнальным столиком.

- Знаешь, - сказала Ирина мечтательно. - Я встретила очень хорошего человека.

- Это чудесно, доча, - Нинель вдруг осознала, сколь тяжким бременем в последние месяцы нависал над их уютной квартирой образ распущенного Олега. – Тогда мы сделаем вот так.

Она выдернула шнур из розетки.

- Хорошо, чудесно, - повторила Ирина. Она была готова рассказать матери о сегодняшней встрече, но Нинель вдруг почувствовала непреодолимую сонливость и умиротворение.

Еще недолго сопротивлялся февраль, потом пришла весна. Ирине же показалось, что весна в том году настала сразу, среди мороза. Жизнь обрела совершенно иной ритм и даже другое освещение: воздух стал легче и чище, а солнечный день увеличился невероятно. Все обрело смысл и новую ценность.

- Ты чудесная, просто чудесная, - повторял Ник. - Сейчас на земле таких женщин как ты живет всего несколько. А может быть только две. Или одна! Нет, я думаю две – ты и королева Великобритании.

- Ты любишь королеву?

- Елизавету? Нет, фу, я люблю тебя. О, Ирина, я люблю тебя.

Ее смущало, что с первого дня их знакомства Ник говорил самые откровенные слова, те слова, которые русские мужчины привыкли вынашивать, а русские женщины - ожидать месяцами и годами. Ирина боялась быть обманутой сладчайшими речами. Но такие приступы подозрительности посещали ее только в одиночестве, а оно в те месяцы случалось с ней нечасто.

Даже в родных ее переулках (*«здесь моя музыкальная школа», «сюда меня водили в детскую группу французского», «в этом доме живет моя школьная подруга»*) Ник умел видеть неожиданные нюансы, трактовать их свежо и непосредственно. Гость, новичок на этих тротуарах, он рассказывал Ирине, чем хорош ее родной город! Мог вдруг остановиться, потянувшись вверх, словно меряясь ростом с многоэтажным темным домом, схватить ее за рукав и забормотать:

- Пойдем скорее обойдем этот дом вокруг, нет, давай перейдем на другую сторону, чтобы увидеть его целиком. Нет, постой здесь, жди, не двигайся. Только никуда не уходи!

Ирина ждала, а Ник убежал вглубь двора, ему не терпелось рассмотреть окна,

выходящие во двор и «изнанку» здания, остатки убранства подъездов. Он возвращался запыхавшийся:

- Это роскошный «модерн» начала XX века. И там – ни одного одинакового окна, пойдем я тебе покажу. Ты знаешь, - говорил он волнуясь и радуясь, - в Москве таких зданий больше чем в Вене и даже, возможно, больше чем в Париже.
- Не может быть, – удивлялась Ирина, обнаруживая скептицизм, свойственный поколению, у которого советская гордость незаметно преобразовалась в постсоветское самоуничижение и пренебрежение к «своему». – Париж – и наша Москва. Не верю. А ты был в Париже, Ник?
- Я там два года учился.
- Неужели можно сравнивать Москву с Парижем? У нас вон улицы перестали убирать.
- Я не сравниваю. Сравнить города для меня все равно, что противопоставлять одну высокую гору другой. Но московский модерн – мое открытие. Я восхищен, Ирина, увидев здесь такое богатство. Нигде даже не читал об этом. Это ты мне все показала! Ты! – все лучшее Ник сразу безоговорочно приписывал Ирине. - Много написано о конструктивизме, а также про строительство при Сталине. Это «сталинское барокко», оно грандиозно, согласен, имперский размах впечатляет, - рассуждал Ник сам с собой, - но этот раскованный модерн Шехтеля! Я начал писать статью о московском модерне. Жаль только, что не могу фотографировать, здесь важны фрагменты, детали, подробности.
- У тебя нет фотоаппарата? Могу одолжить свой «Зенит», – предложила Ирина, и Ник решил, что она пошутила:
- Как ты сказала: «Зенит»? Но мне фотографировать – запрещено.
- А кто увидит? – оглянулась по сторонам Ирина. – Нет же никого вокруг.
- Нет, правила есть правила. Знаешь, только глядя на эти здания, я понял какая у вас была богатая страна, - говорил он, крутя головой на центральных улицах города.
- Была? А сейчас?
- Очень большая, – искренне задумался Ник. - Но взгляни еще раз на окна, вот отсюда. Каждое уникально, отличается, как и человеческая жизнь. Давай посчитаем, сколько видов на одном фасаде. А подумай, Ирина, что такое человеческое тело? Это ведь как окно для души. Через него душа являет себя в мир!

В одно воскресенье по просьбе Ника поехали смотреть на монумент «Рабочий и колхозница». Ник относился к этой скульптуре так, будто она одно из чудес света.

- А что здесь гениального? – решила наконец спросить Ирина, когда они оказались перед знакомыми с детства великанами недалеко от станции метро ВДНХ. – Мне она напоминает что-то про колхоз.
- Ты настолько привыкла к этому образу, что уже не видишь его масштаб. Это как люди, которые живут на берегу моря – они не только не любят им, но даже купаться не ходят.
- По-твоему, мы не воспринимаем эту скульптуру, потому что все здесь или рабочие или колхозники?
- Не-ет, не поэтому...Но я не думаю, что из кто-то парижан очень любит Эйфелеву башню. И вы тоже - уже растворили, разжевали это явление высотой 24 метра в своем сознании – и съели. Теперь монумент - часть большого организма, называемого Москва.

Они долго ходили по аллеям перед ВДНХ и рассматривали «рабочего и колхозницу» с разных точек, потом прошли в ворота выставки. Ирина стала показывать Нику фонтаны, павильоны выставки. Но имперский кич не произвел на него большого впечатления.

Ирина смотрела на него и спрашивала себя, отчего его реакции, способ отражать внешние сигналы действительности ей совершенно чужды? Она никогда не встречала таких людей среди друзей и знакомых. Может, у него это профессиональное? Он всегда обнаруживает личное отношение к проявлениям архитектуры: естественно, он

много знает об этом и потому много чувствует. Ей казалось, что Ник и другие выращенные «там» люди чувствуют иначе, ярче: любят без оглядки, видят и радуются мелочам, а также огромным домам и маленьким собачкам, обожают громоздкие статуи в чужих городах и придумывают или вспоминают о них истории, будто о близких родственниках. Они весь мир умеют воспринимать как свой собственный дом. Рядом с таким способом жить Ирина ощущала себя не очень настоящей и не очень живой. Она, как ей казалось, сперва пыталась сообразить, как именно ей *следует* прореагировать на явление или на раздражитель – и лишь потом обнаруживала свои эмоции. Но удобнее было вовсе не обнаруживать, так поступали многие. Беззащитный и радостный, Ник будто демонстрировал Ирине ее собственный футляр, жесткий и темный, хотя не тесный – привычный.

- Я понял, я вспомнил! – хлопнул Ник себя по лбу, когда они вышли из ворот ВДНХ и остановились на площади, глядя опять в сторону монумента «Рабочий и колхозница».
– Он ведь наверняка хотел, чтобы скульптура стояла над открытым пространством, над рекой или на горе.

- Кто это он?

- Архитектор Иофан, ведь именно он предложил эскиз статуи. Эти двое рождены чтобы парить, давать городу силу и полет. Вы, москвичи, не замечаете их, потому что засунули их непонятно куда. А ведь Иофан за образец взял группу «Тираноборцы Гармодий и Аристокитон» древнегреческого ваятеля Антенора. У Мухиной сначала герои были нагие. Потом уже товарищи заставили надеть на рабочего штаны, а на колхозницу соответственно – платье.

- У нас про это не рассказывают почему-то, – пожалала плечами Ирина, продолжая недоумевать, откуда все-таки у Ника столько эмоций по разным городским поводам.

Ник пригласил ее к себе в гости, в казенный дом, где у него была квартира. Ирина догадывалась, что ее визит не останется незамеченным «определенными органами». С другой стороны, рассудила она наивно, если они с Ником не замышляют ничего незаконного – просто зашли, чтобы посмотреть альбомы по живописи, то никакая власть не может возражать против этого. Она со спокойным сердцем отдала свой паспорт вахтеру на входе и так же спокойно забрала его при выходе спустя двадцать минут, встретив недоуменный взгляд дежурного: почему так быстро?

- Извини, пожалуйста, здесь такие идиотские порядки, – пробормотал Ник.

- Причем здесь ты, я же понимаю.

Но сильные эмоции Ирина испытала не от этого. И даже не от того что Ник, попытавшийся поцеловать ее сразу в коридоре, услышав мягкий протест, легко отпустил и попыток больше не возобновлял.

- Ник, так уютно...мне здесь нравится.

- Что ты, – удивился он, – обычная квартира. Не моя. Как это сказать...официальная.

Однако Ирина чувствовала атмосферу другого мира, которая проявлялась во всем, от планировки помещения до яркой кухонной тряпочки, чашки и пакета с орешками. Эти вещи сообщали о другой, нарядной жизни, все они до последнего гвоздя были удивительны. За торопливые минуты она не только успела восхититься оборудованием кухни и богатством библиотеки Ника, но и попыталась надышаться атмосферой красивых удобных вещей. И то, что человек из «того» мира ищет ее общества, становилось очень значительным. Выбор Ника возвышал ее в собственных глазах.

- Ты сам себе готовишь? – Ирине хотелось потрогать все устройства на кухне. – Да, здесь так много техники, что немудрено. И убираешься сам?

- Нет, приходит какая-то женщина. Она вытирает пыль и, мне кажется, просматривает бумаги. Я иногда специально пишу что-нибудь загадочное и бросаю в корзинку, иногда к вечеру мусор в корзине остается, а моей бумажки нет – на анализ унесли.

- Называется не «анализ», а «экспертиза». Здесь ты работаешь?

Кабинет был живописен: книги, альбомы и множество чертежных приспособлений, красивые ручки и фломастеры.

- Так много альбомов – Париж, Милан, Нью-Йорк. Ты бывал во всех этих городах? Даже

в Токио?

- Конечно, и ты когда-нибудь увидишь их.
 - Я не верю, Ник, - она поняла, что готова заплакать.
 - О, Ирина, не надо! Все будет хорошо, все!
- Ник не посмел ее обнять.

С Элькой после знакомства с Ником Ирина не виделась долго. Сначала болел Джон, простудился, потом Ник и Ирина увлеклись прогулками, беседами об искусстве, и никто им оказался не нужен. Но однажды Элька потребовала серьезной помощи: в тот день ей предстояло выбрать для себя дубленку в специальной секции ГУМа. Ирине пришлось уйти с работы в обеденный перерыв. Оказавшись в крикливой толпе на верхних этажах знаменитого магазина, она попеняла Эльке, прижатой к ней очередь; другой Иринин бок оказался втиснутым в перила.

- Ты меня выдернула, а мне книгу про свиноводство, перевод, надо кровь из носа сдать в производственный отдел на этой неделе.
- Иди ты со своим свиноводством, ты что, ни разу здесь не была?
- Откуда? Сюда что, всех пускают?
- Хочешь сказать, - промолвила Элька таким тоном, будто услышала страшную сказку, - этот самый Ник не дает тебе чеки «Внешторга»?
- С какой стати? – удивилась Ирина.
- Сегодня здесь должны быть югославские сапоги, португальские босоножки, туфли «Габор» и дубленки. Ему конечно ничего не нужно, а ты раздетая! Джон, например, прекрасно понимает, что без его помощи я не смогла бы по-человечески одеться. Соответствовать. Может, он жадный, твой Ник? Тогда бросай его сразу.
- У нас даже разговора не было на эту тему. Эль, а ты все это будешь сейчас покупать?
- Конечно. – Элька устремила взгляд вперед, на заветную дверь, глаза ее возбужденно блестели. - Но Ник меня удивляет.

Когда они очутились внутри секции, стало не до разговоров. Коробки с обувью, полки с джинсами, ряды пальто и дубленок. Ирина честно пыталась даже мысленно это все на себя не примеривать. Элька же действовала как всегда решительно, разве что несколько хаотично, бросалась от одного сокровища к другому. Слегка успокоилась, лишь надев пятую дубленку.

- Не слишком она длинная? – осведомилась Элька, поворачиваясь перед большим зеркалом.
 - Коротковата, на мой взгляд.
- Эля не обратила внимания на реплику подруги. Видно было, что эта коротенькая, расшитая по подолу дубленка ей нравится.
- У меня ноги красивые.
 - Это да.
 - Ир, скажи, ты с ним спала?

Ирина опешила: «Нет».

- Тогда все понятно, - протянула Элька безразличным ласковым тоном хирурга, осмотревшего пациента. При этом она продолжала медленно поворачиваться перед зеркалом, не отрывая взгляда от одной точки, подобно якутским шаманам, - с тобой, Ирка, тогда все ясно.

Если вопрос пришел в голову одному человеку, то непременно проявится еще кто-то, кому интересно то же самое. Позвонил давно не объявлявшийся Олег. Фоном разговора служило закулисье театра: Олега кто-то походя чмокал в щеку, он отвечал на приветствия, обещал подойти через две минуты и стрелял сигареты.

- Мы не виделись уже три месяца, - сказал Олег строго. - Не понимаю, что происходит, малыш, что с тобой случилось. Хватит капризничать, а? Неужели ты все еще переживаешь из-за того эпизода? Я был в депрессии, совершенно не осознавал, что делаю. Поэтому и пропадал. Искусство, знаешь, это же...искусство. Хорошо. Ты меня вынудила – я признаю, что невольно причинил тебе боль. Я хочу тебя увидеть. Что

еще? Нет, я спрашиваю, чего ты добиваешься?

Ирина представляла этот разговор много раз, и боялась, что ей будет жаль Олега, что будет трудно отказать ему в свидании. Но сейчас, слушая властные модуляции его голоса, она отметила, что ей лишь немного смешно, а больше – скучно.

- Олег, - сказала она просто. – Я встретила другого... человека и видеть тебя больше не хочу. Просто не хочу.

- Неправда. Этого не может быть. Ты моя женщина.

- Можешь не верить, имеешь право.

- Подожди, – вдруг закричал Олег, - я сказал, не отходи от телефона. Сейчас вернусь, только возьму сигарету и стул.

Ирина ждала.

- Ну, - сказал Олег после паузы веселым голосом, похоже, он не только нашел сигарету, но и успел хлебнуть пива. – Слушаю твою сказочку, малыш, про внезапную неземную любовь.

- Я не собираюсь разговаривать в таком тоне, - Ирине пришлось заговорить с интонациями учительницы. – Еще раз тебе повторяю, что познакомилась с хорошим человеком, интеллигентным. Он иностранец. Нам хорошо вместе. Говорю это лишь для того, чтобы ты понял, почему я не хочу больше встречаться с тобой.

- Так это тот америкашка, что был у тебя на дне рождения? Ты с ним теперь, за доллары?

- Во-первых, в тот вечер ты сам повел себя отвратительно. Во-вторых, ты не смеешь... я свободная, я... - Ирина все-таки разозлилась.

- А что я такого сказал? Смею я, смею. Ну ладно, извини. Хорошо, тебе наконец-то попался классный мужик. Богатый. Ты с ним спишь? – спросил он будничным тоном. «Ну вот, - подумала Ирина. – Других вопросов ни у кого не возникает».

- Если будешь хамить, я повешу трубку. Ты этого хочешь? – Она успокоилась. Просто надо дотерпеть, чтобы избавиться себя от его истерик в будущем.

- Нормальный вопрос. Мы же взрослые люди, все знаем, что каждая из вас спит и видит как бы залезть в постель к иностранцу. Ладно, хорошо, дорогая моя, – в голосе Олега появились угрожающие ноты. - Тогда ты должна знать: я уезжаю на Алтай. Один. И только мне – или высшим силам – решать, возвращаться оттуда или нет. Ясно? Ирина спокойно дождалась, пока в трубке раздадутся короткие гудки. Она представила как Олег в душном коридоре театра (стены и низкий потолок выкрашены черной краской) ударяет кулаком в хлипкую стену и повторяет свою клятву об одиноком паломничестве. Затем появляется знакомая актриса и спрашивает его, что случилось. Олег медленно поворачивает к ней бледное лицо, смотрит без тени улыбки, подбородок вздернут, уголки рта трагично опущены: «Так. В общем – ничего». «Все, хватит представлять его, - одернула себя Ирина. – Мы легко обходимся друг без друга».

То, о чем многие, включая Нинель Леонидовну, так беспокоились, произошло в скором времени. На майские праздники мать Ирины уехала на экскурсию по «Золотому кольцу». Четыре дня и три ночи: переезжать на автобусе из города в город, ночевать в гостинице.

Тридцатого апреля днем Ник с Ириной лазили по холмам Крутицкого подворья и выискивали среди развалин фрагменты храмов европейского образца. Им даже удалось обнаружить символику древнего европейского религиозного ордена. Потом дома на Арбате жарили курицу, обедали - и оказались на узкой кушетке в маленькой комнате.

Спустя полчаса после их первой близости Ник заговорил:

- Я чуть не умер. У меня никогда не было так сильно. Я люблю тебя, Ирина.

У нее было ощущение детской чистоты. Ник оказался гладким, нежным, и близость начисто лишалась привкуса греховности. Даже физиология его казалась импортно-вымытой, душистой, такие мужчины могут произрастать только среди тех самых красивых и умных вещей, в разумно обустроенных обжитых краях.

Два дня и две ночи в халатах, с пластинками, с бокалами вина. На улицу выходили только, чтобы погулять с собакой и купить хлеба. Сева питался курицей, был оживлен, спал у Ника на голове и гордился тем, что его не прогоняют.

- Ник, можно задать тебе один вопрос?

- Вопрос? Конечно, - Ник лежал в постели. Поверх одеяла Ирина поставила поднос со старинной чашкой.

- Любой? – застеснялась она.

- Спроси.

- Ты женат?

Ник рассмеялся, потом отпил чай из красивой чашки, даже полюбовался мимоходом на ее кузнецовское изящество. Ответил звонко как чмокнул:

- Нет.

Ирину обескуражили и пауза и смешок, предваряющий лаконичный ответ.

- Почему ты смеешься?

- Прости пожалуйста. Я угадал, о чем ты хочешь спросить, потому и засмеялся. Но я действительно холост, для меня это привычное состояние.

Ирине показалось, что после ночей, проведенных вместе, после всех откровенных обнаженных слов и совместных снов – он должен был произнести это иначе, не так обыденно, и в любом случае не насмешливо. Она понимала, что Москва для него – особая, отдельная жизнь, а она, скорее всего, временная подруга в этой особой жизни. Да, она якобы ни на что не претендует, но! – она сама не знала, что именно «но». И отправилась под душ.

Там Ирина смывала с себя трудноопределяемое настроение и представляла, что скажет выйдя из ванной: *«давай, знаешь что, давай будем только встречаться и ходить по городу. Я и дальше согласна быть твоим гидом, другом - пожалуйста, но на большее...»*, нет, поздно уже так говорить. *«Давай, Ник, может расстанемся – хотя бы на время, что я тебе – игрушка, я и так будь здоров сколько настрадалась в своей жизни и больше не хочу унижаться!»*, пожалуй нет, *«мне хорошо с тобой, спокойно, но мне неспокойно, как-то стало нехорошо»*, не очень логично получается. Пока что каждый шаг при тесном общении становился проблемой: как его накормить и особенно – как подать еду, какое постелить постельное белье. Вот сейчас, думала Ирина, стоя в халате перед зеркалом, - надо решить, краситься или нет, могу я показаться ему с мокрыми волосами и совсем без косметики? Американка, безусловно, наплевала бы на все, *«любите меня такой, какая я есть»*, русская же должна накраситься. Француженка? Накрасится, но сделает все так, что будет казаться, что она ничего не делала. Среди этих серьезных рассуждений Ирина услышала голос Ника, очень тихий:

- Ирина, не обижайся. Прошу тебя! Пойдем, полежи со мной еще...просто я обрадовался, что тебе интересно. О.Ирина, - сказал он, обняв ее, - какая нежность между нами.

Вечером, когда они проснулись на узкой кушетке, впечатанные друг в друга, Ник прошептал:

- Я вот не так образован, как ты...Не могу читать Элюара в оригинале.

- Бедненький Ник, да у тебя комплексы. – Ирина согнала Севу, заправила мягкие волосы Ника за уши, тихонько пригладила, - Как же ты будешь жить дальше?

- Зато я сообразительный. Попросил мою преподавательницу русского, она нашла переводы. Знаешь, какое стихотворение запомнилось мне больше других? *«К стеклу прильнув лицом как скорбный...страшш...ищу тебя за гранью ожидания, за гранью самого себя...»**. Не все слова понимаю, как там дальше?

*Перевод с французского М.Ваксмахера

- «Я так тебя люблю, что я уже не знаю, кого из нас двоих здесь нет».

- Повтори, пожалуйста. Такая красивая поэма.

- Стихотворение, не поэма. Ты сам повтори.

- «Я так тебя люблю...», - повторил Ник. – Нет, эта поэма не для нас. Мы ведь будем вместе.

То была ночь после Чернобыля: она поменяла все вокруг - и каждого.

Они побывали на «Аиде» в Большом. Спектакль назывался «валютный», на него ходили по «валютным билетам». Оказалось, что Ник запомнил все, что наговорила ему Нинель, и теперь в антракте изводил Ирину восторгами по поводу того, что они сейчас прогуливаются среди знаменитых стен, где выступал ее отец. Благородная многолетняя патина времени, аура настоящего искусства и все такое.

- Тебя это, наверное, очень волнует? – спрашивал Ник возбужденно.

- Да как тебе сказать. Конечно, - отвечала Ирина, обдумывая, каким образом деликатно на ходу скорректировать легенду, придуманную матерью.

- А в каких спектаклях он пел? В сегодняшней «Аиде», например, он исполнял какую-нибудь партию? – никак не мог успокоиться любознательный Ник.

«Доверчив словно малый ребенок, и восторженный», - определила Ирина:

- Что? Не помню... Честно говоря, папа не был... как это сказать... солистом. И Большой театр для него это эпизодично, что ли. В Советском Союзе ведь очень много других музыкальных театров. Одесский оперный, например.

В этот момент она увидела прямо перед собой Полину, красиво возвышавшуюся над ухоженной лысиной спутника. «Она стала невероятно похожа на Марлен Дитрих», - подумала Ирина испуганно. Подруга не дала ей времени для размышлений:

затрепетав тренированным телом и оттолкнувшись от своего европейца, она стремительно подплыла к ним:

- Что-то ты совсем пропала, не звонишь, – она чмокнула похолодевшую Ирину в щеку и тут же протянула руку Нику, - привет, я Полина.

- Очень приятно, - сказал Ник, улыбнувшись красавице и неловко пожав ее руку. Он представился.

- Как тебе «Аида»? Правда грандиозно, Ник? Обожаю эту увертюру.

- О да. Бодрая музыка, – Ник покосился на Ирину, и она поняла со стыдом, что он почувствовал ее трусливое оцепенение.

- Ты давно в Москве? – не отступала Полина.

- Семь месяцев.

- И надолго?

- Надеюсь надолго, - при ответе Ник наклонился и с улыбкой заглянул Ире в лицо, будто хотел сказать «мы оба надеемся».

- Нравится здесь? – продолжила интервью Полина, откровенно разглядывая Ника.

- Супер.

Наконец, внезапно и решительно как пикадор, Полина нанесла удар:

- Может, поужинаем как-нибудь? – спросила она непринужденно, умудрившись встать спиной к подруге и вплотную к Нику. В ее руке появилось запрещенное оружие – визитка с золотым обрезом. Ник спокойно сделал шаг назад, не торопясь взял визитку, вложил Ирине в ладонь и лишь тогда ответил:

- Спасибо, как-нибудь. Мы чаще ужинаем дома.

- Рада за вас, – на сей раз реплика предназначалась Ирине, будто внезапно оказавшейся поблизости. - А я здесь со своим старым другом, его зовут Ханс. Он австрияк. Эй, Ваня, давай сюда!

Ханс преданно встrepенулся.

Ник взял спутницу за локоть и бережно повел в зал. Полина на прощание изящно помахала пальцами в воздухе.

Вечером в ресторане «Берлин» Ник сделал Ирине предложение по правилам английского этикета. Деталей объяснения и вообще подробностей ужина Ирина не запомнила. Она частично потеряла способность понимать по-английски, и пока Ник говорил, спрашивал, протягивал руку, чтобы дотронуться до ее предплечья – Ирина наблюдала за чередой его движений и действий со стороны, как за фильмом на

иностранном языке, возможно, с субтитрами – потому что в конце концов, хоть и с опозданием, смысл фраз доходил до нее. На столе появилась бархатная коробочка, и оттуда было вынуто кольцо. Ник попросил Ирину дать ему руку, но не надевал кольцо, а смотрел тревожно и теребил ее пальцы. Она думала о том, что пальцы ее всегда ледяные, а маникюр скромный, почти мужской.

Всего этого быть не могло.

- Ирина, я спросил тебя.

В фильме наконец должен появиться звук, иначе – катастрофа; у него кино совершенно другие законы.

- Да, Ник.

- Я спросил: ты выйдешь за меня?

Теперь диалог напоминал сценку, разыгрываемую на уроках английского в спецшколе: такой ненастоящей и в то же время знакомой была эта лаконичная английская фраза. Требовалась ответная реплика:

- Да. Если это возможно.

- Невозможно, чтобы этого не было! – Ник очень осторожно надел ей кольцо на палец.

- А я, - сказал он, - надену кольцо во время нашей свадьбы.

- Ты знаешь, кому Элюар посвятил то, наше стихотворение? - спросила Ирина в такси. Ник не знал.

- Он написал его своей жене, русской женщине Елене Дьяконовой. Через много лет после расставания, она давно уже была женой другого. Ее второго мужа звали Сальватор Дали, а ее к тому времени Гала.

- Ты моя муза, моя Гала. Праздник мой. Только ты гораздо красивее. Мне она – ф-фу, совсем не нравится, глаза злые около переносицы. Я буду придумывать проекты и все их стану посвящать моей жене. Ирине. Мы вместе построим Вавилонскую башню, но не разъединительную, а наоборот, всех примиряющую.

Заснуть после такого вечера, да еще с кольцом на пальце - было невыносимо. Ирина решила обрадовать Эльку. Сначала Элька совсем не обрадовалась.

- Я приеду, Элька, жди меня через двадцать минут!

- С ума сошла? Два часа ночи! Завтра что, выходной? День международной солидарности?

В обшарпанный подъезд пятиэтажной панельной «хрущобы» и на пятый этаж, где жила подруга, Ирина впорхнула-впрыгнула. Осталось осторожно выманить Эльку из квартиры таким образом чтобы не проснулся пьяный Элькин отец. Ирина стучала тихо, погромче, стучала громко, потом один раз позвонила. Когда заспанная Элька в халатике открыла дверь, пропитой голос из глубины двухкомнатной квартиры уже орал: «Хулиганство! Спать людям не дают!».

- Папаша, успокойся, я сказала! – прошипела Элька. Она смотрела устало и строго, – Ну что?

- Я милицию вызову, ходю тут в ночи, - не унимался папаша.

- Вызывай, - рявкнула Элька, - давно они тебя не видели, соскучились уже, старый придурок.

Эля взяла Ирину за руку, провела в свою комнату, небольшую, но с балконом. Защелкнула замок на двери. Комната состояла из узкой кушетки, огромного шкафа, набитого нарядами, и трюмо с парадом парфюмерии и косметики - арсеналом, достойным стареющей актрисы.

- Ты откуда вообще? – поинтересовалась Элька.

- Мы с Ником ходили в оперу, потом ужинали в «Берлине».

- Сигареты есть? – перебила Элька и открыла дверь на балкон.

- Нет. Послушай, что расскажу.

- Ты что, и на пачку хороших сигарет его раскрутить не можешь?

- Да причем здесь, Элька! Я выхожу замуж, Ник сделал мне предложение, понимаешь? И опять Элька сначала – не обрадовалась.

- Ничего себе. Погоди. Так нет у тебя сигарет?

- Ага, растерялась от радости, а я-то как растерялась, представляешь? Поэтому и примчалась среди ночи, я совсем не могу поверить. Я тебя разбудила – а ты разбуди меня, Элька! Ой, прости, пожалуйста, какая же я дура. – Ирине стало стыдно, - А Джон пока тебе ничего такого не говорил?

- Нет.

- И кольцо не дарил? – Ирина чувствовала, что вопросы задает глупые, но не получалось по-другому.

- Какое уж там кольцо. Джон мыслит реально, как и я. Он не хочет никого обманывать: у специалистов такого уровня, как Джон и Ник, чтоб ты знала, берут подписку о том, что в тесные контакты с советскими они вступать не имеют права.

- В контакты... с кем?

- С советскими людьми, такими, как ты и я.

- Но мы совершенно открыто ходим в рестораны, в театр, нас же никто за это не арестовывает.

- Одно дело на катке или в театре за ручки подержаться и совсем другое – завести здесь жену, - мрачно изрекла Элька и так же мрачно зевнула – словно голодный лев. Ирина растерялась и пыталась сообразить: должны же быть исключения, она даже прямо сейчас может вспомнить счастливые исключения, она вспомнит обязательно.

- Но Ник так и сказал, - обрадовалась Ирина светлой мысли, – не сейчас, а когда закончится контракт, он уедет и вернется в Москву уже по туристической визе, привезет все необходимые документы, и мы сразу поженимся.

- В Грибоедовском загсе, - подсказала Элька.

- Точно.

- Продумал все, значит. Ну ладно. Тогда поздравляю, – Элька поднялась с кушетки и чмокнула Ирину в щеку. – Пойдем, провожу.

- Спасибо, я знала, что ты очень обрадуешься, Элька! – прошептала Ирина на прощание.

Возвращаясь от Эльки, Ирина ругала себя за неудачную идею – немедленно рассказать все подруге. Если бы выждать, то возможно и не было бы такой неловкости. Вдруг Джон одумается, посоветуется с Ником и тоже сделает предложение. У него нет никаких причин не жениться на такой смышленной толковой Эльке.

Ирина осторожно своим ключом открыла дверь квартиры, попыталась разуться тихо. Но включив свет закричала от неожиданности: между коридором и гостиной в проеме двери стояла Нинель в халате, с головой, перевязанной полотенцем и с будильником в руках. Сева честно сидел рядом, глаза у него были сонно прикрыты.

- Mamochka, почему...?

- Действительно, что такого, - Нинель высоко подняла большой круглый будильник и назидательно им потрясла, – полтретьего ночи, дочь домой не является, я не знаю жива ли она вообще, - каждую последующую фразу Нинель произносила на тон выше и громче, даже Сева открыл глаза, задрал голову и вопросительно стал смотреть в лицо старшей хозяйке, - и почему-то я не сплю сном молодого молотобойца. Совсем стыд потеряла – или у тебя его никогда не было?

Сева испугался, что чего-то не понимает: по его разумению, все как раз было в порядке – свои дома и в подъезде тихо.

- Ты же знаешь, я была с Ником.

- По-твоему, это способно меня утешить? Дочь гуляет с иностранцем, а я должна страдать и трястись от страха?!

- Мама, не надо трястись, все хорошо! Сева, иди сюда, поцелуй меня, детка.

Но Нинель за часы ожидания приготовила весь список:

- Почему ты вечно не такая как все, почему не занимаешься диссертацией? Странно одеваешься, встречаешься с американцем! Что у меня за дочь! Как тяжело мне было тебя тянуть, а ты теперь все портишь – и себе, и мне. Вчера, когда я написала заявление на путевку в санаторий, председатель профкома министерства так на меня

посмотрела, так посмотрела...а она, кроме этого, еще и зампредела парткома. Я сразу поняла, что она не считает меня достойной ехать в санаторий! Это стыд, такой позор, если бы твой отец, рано ушедший от нас...

- Мама, ты знаешь, сегодня вечером Ник сделал мне предложение.

Нинель трудно было затормозить сразу:

- Какое?

- Вот обручальное кольцо, теперь мы помолвлены, - Ирина подошла к матери и поцеловала ее. - Видишь, все как полагается.

Ирина сняла кольцо. Нинель взяла его в руки, включила торшер, надела очки. Сева прикинул, пойдет ли Ирина на кухню перекусить, затем безнадежно вздохнул и запрыгнул на разобранную постель хозяйки. Нинель все вертела кольцо, подносила его к переносице, шурилась близоруко, жалуясь время от времени:

- Теперь-то уж точно не дадут путевку. Что же за металл, тяжелое какое.

Ирина присела на постель к матери, поцеловала ее и сказала:

- Мама, ты увидишь весь мир, обещаю.

- Ох, доча, - вздохнула Нинель, - как же мне страшно. Ты же еще не знаешь, как бывает в жизни.

Спустя несколько дней Ирину пригласили в аскетично обставленный кабинет.

Беседовал с ней человек средних лет никакой наружности. Тон беседы удивил Ирину дружелюбием, слова были не только взвешенными и разумными, но и произносились весьма проникновенно. Красной нитью в беседе проходило: «Мы не настаиваем, Ирина Павловна, мы лишь советуем». Советовали быть разумной и осторожной, больше ничего. Ирина чувствовала, что ей очень хочется подробнее рассказать Безликому о том, какой Ник хороший и как искренне он хочет на ней жениться. Ирина изо всех сил сдерживалась чтобы не разоткровенничаться, но понимала, что еще немного, еще одна добрая выразительная пауза, еще несколько слов об искусстве и о французской поэзии, и она поведаст о своих сомнениях и надеждах. Но тут Безликий произнес:

- Я способен представить, что человеку столь образованному как вы, приятно беседовать с человеком, окончившим Гарвард. И не только Гарвард...и не только беседовать. Это так увлекательно – разговаривать о...о чем вы чаще всего разговариваете?

- Об архитектуре. О поэзии.

- Замечательно. А о вашем издательстве, например, речь не заходила?

Ирина опешила: в ее сознании Ник пребывал в одной части мира, а издательство – в совершенно другой. Причем место издательства было на задворках.

- У меня на работе сельскохозяйственная тематика! Не думаю, что это может быть кому-нибудь интересно.

- Внешнему миру интересны наши достижения во всех областях деятельности.

Фальшивое чувство взаимного доверия, до этого так странно и сладко взявшее Ирину за горло, отпустило. Ирина, отрезвев, вдруг поняла все – и то, что ничего не надо говорить, и то, как надо молчать. И даже то, что эта структура в настоящий момент не слишком опасна, поскольку у нее внутри, у структуры, завелась некая тяжелая болезнь. Безликий, каким-то чувством угадала Ирина, сейчас больше думает об этой болезни, чем о ней и о Нике.

- Вы намекаете на то, что Ник, в смысле Николас... - Ирина изобразила наивность.

- Не намекаю, я же сказал, только советую. Не хочу, чтобы у вас возникли проблемы, милая моя Ирина Пална.

- Но он увлечен лишь искусством!

Безликому надоело играть в словесный пинг-понг: он был профессионалом и не желал терять время.

- Ирина Пална. Ирина. Мне почему-то кажется, что мы поняли друг друга. Если вдруг вас что-то насторожит. Или покажется странным. Вот мой телефон. Обращайтесь всегда, с любыми вопросами, - произнес он в меру тепло, но и сухо.

Встал, давая понять, что разговор окончен. Подписал повестку, руки на прощание не

протянул.

Прошло лето, - стремительное, обманчивое своей уютностью: Ирине и Нику иногда казалось, что они семейная пара. Ник все чаще появлялся у них на Арбате. Нинель стала вести себя проще, естественнее. Сева быстро привык к сухому собачьему корму, который ему покупали в «Березке». Ирина приходила к Нику на квартиру, с удовольствием хозяйничала на кухне, правила статьи Ника об архитектуре. Они занимались любовью в его спальне: все-таки жених и невеста.

Единственное - Ник и Ирина не выезжали за город, даже в Загорск, где Ник побывал лишь однажды с официальной экскурсией от «Интуриста». Не хотели неприятностей, боялись рисковать, да и ждать до окончания контракта осталось всего полгода. Когда наступила поздняя, уже снежная осень, до свадьбы оставалось совсем недолго. Именно накануне зимы произошло происшествие, а вернее – тень происшествия, напомнившего о безликом человеке.

Ирина и Ник на Самотеке поймали машину, чтобы доехать до зоопарка. Ник настаивал, что надо навестить тигра, Ирина долго не соглашалась – не любила зоопарк, но в тот день согласилась. За рулем притормозивших «Жигулей» оказался ничем не примечательный крепкий парень: сначала он спокойно вел машину по покрытому льдом Садовому кольцу – и вдруг, перед самой Маяковкой, когда машина должна была направиться в тоннель, резко развернулся на двух колесах и на огромной скорости повернул на улицу Фадеева. Ник округлил глаза, но промолчал. Ирина стукнулась головой о панель машины и долго не могла сообразить что произошло; парень, вглядываясь в зеркало заднего вида, все увеличивал скорость.

- Вы что, почему свернули? – наконец проговорила Ирина.

- Случайно получилось, - ответил парень небрежно. Скорость приближалась к ста двадцати километрам. Внезапно он еще раз повернул, и Ирина ощутила уже не страх, а настоящую ярость от того, что незнакомец невозмутимо распоряжается направлением их пути и, возможно, их жизнью.

- Вы! Ненормальный какой-то! – закричала она. - Мы выходим. Остановите сейчас же! Ее окрик не произвел на водителя никакого впечатления: он продолжал бессистемно носиться по переулкам, хитроумно пересекать дворы и разворачиваться в самых неожиданных местах, не заботясь о состоянии пассажиров. Наконец, в районе Белорусской площади, снизошел до реплики:

- Девушка, за вами следят. Вы в курсе вообще? – сказал он насмешливо.

- Не говорите глупостей, - сердито ответила Ирина, но оглянулась: была метель, видимость плохая, казалось, что ни одной машины, кроме них, в этом переулке не было. - А я точно знаю, что за вами и этим вашим... немым... Иностранец, что ли? Ну, конечно. Шпионим помаленьку, мистер? Ничего-ничего, бывает, - парень добродушно рассмеялся.

- Да как вы смеете! У вас мания, бред какой-то, выпустите нас! – потребовала Ирина.

- Мне, кстати, эти приключения тоже ни к чему. Из-за вашей десятки потом объясняться с серьезными ребятами в штатском. Высадить бы вас, - проговорил парень и снова сделал разворот почти на сто восемьдесят градусов, машину занесло.

- Так в чем дело? Почему не высаживаете?

- Развлекаюсь, - миролюбиво сообщил парень. - И потом – не расстреляют, это точно, не те времена, ну а все остальное... Плевать мне на них, я человек свободный, каскадер и гонщик. С такой работы не увольняют. – При этих словах он умудрился еще прибавить скорости. - Думаете, я не вижу, что у вас любовь? В той машине, между прочим, тоже профессионал работает. Так что держитесь крепче – будем соревноваться, - добавил он будничным тоном. - Куда доставить-то просили? К зоопарку? Поехали к зоопарку, к слонам что ли.

«Насмотрелся боевиков на видео» - пыталась шутить Ирина, когда они, наконец, оказались перед воротами зоопарка. Их укачало. Они шли, держась за руки, и Ирина с

тревогой отметила, что Ник смеется уж очень старательно. Неужели он чего-то боится? Чтобы отвлечь друг друга, они преувеличенно удивлялись каждому встречному ребенку, спящему за стеклом зверю или изящному мостику.

- Знаешь Ник, у меня ощущение, что мы погуляем, а потом пойдем домой на воскресный семейный обед. Но вдруг вспоминаю, что для того, чтобы это стало настоящей правдой, надо еще долго ждать. И грустно сразу.

- Контракт у меня до Рождества, потом я уеду, ненадолго и вернусь с документами, - Ник остановился, чтобы поцеловать ее.

- П-постарайся п-побыстрее. П-пожалуйста, - стучала зубами Ирина.

- Сам боюсь тебя оставлять, ты такая, мне кажется – ни один не может пройти мимо тебя и не влюбиться.

Приморозило, было холодно, они долго-долго целовались посреди пустого зоопарка.

- Скажи честно, ты испугался?

- Чего?

- Ну, в машине. Каскадера этого.

- Да нет. Я же не замышляю ничего против вашего государства. Я хороший специалист – то есть надеюсь, что хороший. И все. С горечью должен тебе признаться, дорогая, что не представляю для ваших разведывательных служб никакого интереса. У вас в стране у самих прекрасная школа градостроительства. Так что скорее всего это какая-то ошибка. Видишь, и этот сумасшедший шофер увидел, что у нас любовь! Люди не могут не уважать любовь, пусть даже чужую.

- А мне кажется, что люди больше всего на свете ненавидят чужую любовь... Может, каскадер сам придумал? Насчет опасности?

- Ты ему понравилась, вот он и решил показать класс вождения. Завидую. И рад, что ты не оставила ему номер своего телефона. Знаешь, это место напоминает мне Лондон моего детства. Мама водила меня в зоопарк, мы с ней рисовали животных по воскресеньям. Больше всего я любил рисовать тигра.

Они искали и никак не могли найти тигра. Наверное, его увели в теплое помещение. Ирине стало грустно от вида животных, мерзнущих в клетках. Она думала, что как и они, должна сидеть и ждать, что решат власти: можно ей выйти из зоопарка или нельзя.

- Что с тобой, любимая?

- Я все время вспоминаю слова Вольтера: люди не живут, а только собираются жить.

Мы такие же – потом, когда-нибудь, у нас будет счастливое семейное Рождество.

Когда-нибудь, может быть, мы будем жить вместе. Надо подождать, а пока живем начерно. Пойдем скорее отсюда: мне и зверей жалко, и себя тоже. Все мы устраиваем друг другу клетки - будто жизнь одних может принадлежать другим людям, более сильным, наглым. Тем, кто распоряжается.

Они молча дошли до Садового кольца, а когда стояли на светофоре, чтобы пройти на улицу Качалова, Ник предложил:

- Давай на Рождество устроим праздник! Перформанс – представление, да?

- У меня дома, Ник. А то у тебя на квартире я чувствую себя не в своей тарелке.

- Не в тарелке?

- Да, у нас так говорят.

- О чем у вас говорят? Про обед?

- Неважно. Иногда про обед, и о тарелках тоже, но чаще говорят, что лучше встречать Рождество дома.

- Да-а, я читал, что в русских дворянских семьях такая традиция. Твоя мама – Нинель должна знать? У вас такая благородная семья. Давай пригласим Джона и Элю и скажем им, чтобы приготовили подарки и костюмы.

- Всем наряжаться?

- Конечно, всем! Домашний спектакль. Вы так не встречаете Рождество?

- Последний раз я наряжалась в детском саду. Была снежинкой. Вот ты кем нарядишься? – воодушевилась Ирина.

- Я? Увидишь! Сюрприз. А ты?

Ирина стала кружиться перед Ником по тротуару, ловить снежинки. Они шли по Качалова мимо нарядных посольских особняков

- Я тогда тоже не скажу, хитрый какой Ник! Может, Снегурочкой. Я в школе всегда на елке была Снегурочкой.

- А кто это Снего-гурочка? – деловито поинтересовался Ник.

- Девочка, которая вместе с дедом Морозом, ну, с вашим Санта Клаусом.

- Живет? Это его девушка? У нас таких не бывает.

- Не девушка, а внучка, ты глупый ужасно, Ник!

- Значит, у русского Санта Клауса бывает семья? Странно. Кто ее родители? Все-таки вы ближе к матриархату, и никак не смогли терпеть, чтобы в этой новогодней истории не было совсем никакой женщины!

Уставшие от беспросветного слякотного декабря Ирина, Нинель и Элька охотно занимались подготовкой к домашнему празднику. К вечеру 24-го арбатская квартира была украшена гирляндами, игрушками, женщины накрыли праздничный стол и даже выпили по столовой ложке французского коньяка, принесенного Элькой.

Нинель никак не могли уговорить нарядиться в карнавальный костюм – ее подбадривали, стыдили, примеряли ей маски. Она не решалась. Удалось, правда, завернуть ее в парчовую занавеску, но без маски образ не получался.

- Ты видела когда-нибудь хозяйку дома в маске? Нет, мне неудобно, жмет, я ничего не вижу. Задыхаюсь. И потом, кого я буду изображать - царицу Савскую в занавеске?

- Если честно, я думала ты будешь графиней из «Летучей мыши». Но что-то плохо у тебя получается, - признала Ирина.

Элька примеряла одну маску за другой, с удовольствием меняя амплу, кривляясь и проговаривая соответствующие образу смешные тексты.

- Эль, - поинтересовалась Нинель, - а ты на самом деле кто? Если без маски?

- Вообще-то я Красная Шапочка. Смотрите тетя Нель, у меня даже настоящая нижняя юбка. А видели туфли какие? Французские, во.

- Иришка сказала, что ты будешь Шапочка Красная. Но я ее в тебе не узнаю, ты больше похожа на лисичку.

- Ну спасибо, тетя Нель, - обиженно фыркнула Элька, продолжая вертеться перед зеркалом.

Из своей комнаты появилась Ирина в костюме Мальвины, в парике с голубыми волосами.

- Доча! Принцесса настоящая! Хоть сейчас на Бродвей! – Нинель воздела руки к высокому потолку и чуть не утерьяла занавеску, - а если она с меня упадет при мужчинах?

- Тогда, тетя Нель, вместо Царицы Савской станете Евой. – Элька и Нинель засмеялись. Ирина поставила любимую пластинку и стала танцевать. Она чувствовала себя счастливой: «Падает снег...падает снег, ты не придешь сегодня вечером», - пел Адамо.

Звонок в дверь застал их врасплох, Элька взвизгнула: «Наши джентльмены идут! Готовимся».

Как и договорились, выключили свет и, прежде чем открыть дверь, зажгли бенгальские огни. Сева, до этого непонятно где укрывавшийся, тревожно взвыл. В просвете двери обнаружился Джон в костюме Санта-Клауса с красным мешком подарков в одной руке и нарядными пластиковыми пакетами в другой.

- С Рождеством тебя, Джон! – закричала Элька.

- А где Ник? – Ирина сразу включила свет.

- Разве он не у вас? Я ждал его целый час, не дождался и решил, что что-то неправильно понял. – Джон передал пакеты Нинель. – О, дамы! Какие вы все сегодня красивые!

Нинель засуетилась с пакетами, с любопытством разглядывая яркую упаковку «заморских» продуктов. Ей было очень приятно, но и неловко: как это пригласить гостя,

да еще принять из его рук много роскошной, невиданной еды.

- Джон, ну зачем же, ты как настоящий дедушка Мороз! Угощения достаточно, у меня на работе дают прекрасные заказы.

- Здесь рождественская индейка из ресторана, готовая, - сообщил Джон Эле, чтобы она перевела, и потом спросил, - что такое «заказы»?

- Набор продуктов: гречка, консервы, импортная курица, сахарный песок и все такое. Еще банку шпрот могут дать, - объяснила Эля.

- А кто его набирает и где?

- Централизованное планирование, плановое ведение народного хозяйства – слышал о таком?

- Не понимаю как можно рассчитать количество рождественских индеек на каждую семью.

- Скажи ему, что в советских семьях предпочитают кур! Кур. И не Рождество, а Новый год. Эль, спроси его, правда что у них куры считаются самой дешевой едой? Мне что-то не верится. Мы едим их на праздник. Вот у нас сегодня к столу венгерская курица.

- Теть Нель, давайте большое блюдо, мы с Джоном поможем вам разделать индейку. Здоровая-то какая, - потирала руки Элька-Красная Шапочка.

Ирина попросила Джона позвонить куда-нибудь, выяснить где Ник, но Джон ответил, что сегодня на фирмах при посольстве несколько вечеринок и, скорее всего, Ник просто пока не смог выбраться с какой-либо из них.

- Может, он перебрал. Но тогда отдохнет и придет к нам попозже.

- Как у Грибоедова: «шел в комнату, попал в другую», - весело прокомментировала Элька. - От очень большого ума.

- Этого не может быть, – Ирина знала, что Ник готовился к празднику и никак не мог по дороге сбиться с пути.

Нинель не терпелось попробовать индейку, и она уже пригласила гостей за стол.

Однако Ирина заявила, что без Ника она не сядет, ни за что. Тогда Джон предложил начать с опустошения мешка с подарками; он вытащил красный мешок на середину комнаты и развязал веревку.

Сначала Джон достал нечто сверкающее:

- Рождественская звезда! Для этого красивого дома, - торжественно запел Джон. – И теперь шампанское! – Джон достал две бутылки, потом коробки с конфетами.

- Хочу шампанского немедленно, - заверещала Элька.

- Все хотят шампанского, - подтвердила Нинель, стараясь не смотреть на Ирину. Она чувствовала, что дочь может сейчас расплакаться. - Не «Советское»?

- О, нет.

- Американское, что ли?

- Нет, шампанское из Франции, мы сейчас выпьем по бокалу, а потом продолжим раздачу подарков, - Джон стал открывать бутылку; при характерном звуке выскочившей пробки Ирина вскрикнула и прижала ладони к лицу. Терпение ее кончилось, она готова была разрыдаться.

- Доча, ты чего такая нервная? – пожалела ее Нинель.

В дверь позвонили.

Поставив на стол бокал, Элька бросилась за приготовленной хлопушкой. Нинель погасила свет, пока Ирина открывала дверь. Хлопушка с треском взорвалась, Сева звонко залаял. На площадке поодаль, в свете тусклой лестничной лампочки, неподвижно стояла фигура в черном.

- Мистер Икс пришел, - радостно воскликнула Нинель ни к селу ни к городу.

Ирина медленно приблизилась к закутанной фигуре и осторожно раскрыла плащ. Опустив глаза, стоял Ник в костюме Пьеро, на его белой щеке была нарисована большая слеза. Ирина долго рассматривала лицо Ника в гиме, но он не улыбался в ответ и глаз не поднимал.

- С Рождеством, Ник, - сказала Ирина и поцеловала его в щеку.

- С Рождеством, любимая, - тихо ответил он.

И тут включился свет, все закричали «С Рождеством» и «Merry Christmas», Сева

закричал по-своему, потому что Джон зажег бенгальский огонь – Джон никогда прежде не видел таких палочек, горящих холодным искрящимся пламенем, и стал бегать по квартире; а Сева считал, что опасность надо напугать и изловить, он гонялся за Джоном. Эля громко потребовала продолжения раздачи подарков, – и еще шампанского!

Ник выложил нарядно упакованные подарки и вручил каждому. У Ирины в руках оказалось два свертка: в одном сборник стихов Пастернака на русском языке – редкость, купленная в «Березке», в другом, тяжелом – новый немецкий полупрофессиональный фотоаппарат. Нинель достался шерстяной шарф, Эле – шелковая косынка. В книгу Ник вложил открытку с видом Москвы; Эля хотела, чтобы они вместе с Ириной прочли то, что написано на открытке, но Ник попросил:

- Ирина, прочтешь завтра, хорошо?

- Праздник не наш, - заявила Нинель, - но мне понравился, что-то вроде репетиции Нового года. Ник, как вам Иришкин костюм? Вы будто нарочно договорились: Пьеро и его Мальвина!

За столом после шампанского, индейки и салатов зажгли свечи. Ирина прочла свое любимое Пастернака:

Он спал, весь сияющий, в яслях из дуба,
Как месяца луч в углубленьи дупла.
Ему заменяли овчинную шубу
Ослиные губы и ноздри вола

Эля, с детства не переносившая рифмованные слова, попросила, чтобы поскорей включили музыку. Джон поставил пластинку, а Нинель, у которой в духовке попевало собственное горячее, то и дело отлучалась на кухню. Джон пригласил Элю, они обнимались под томную мелодию.

Ник положил свою руку на ладонь Ирины, она продолжала читать стихи и понимала, что он готов так сидеть и слушать, стихи и сам звук ее голоса, всю рождественскую ночь. Но когда Ирина дошла до своих любимых строк:

...И тот оглянулся - с порога на Деву,
Как гостя смотрела звезда Рождества, -

то почувствовала, что из нарисованной слезы на лице Ника выкатилась настоящая, она упала Ирине на запястье.

- Почему, Ник? – спросила Ирина.

Он улыбнулся очень естественно и шепнул ей на ухо:

- Это не я – это Пьеро. Плачет.

- Ир, - обернулась Элька, - давайте же танцевать, наконец. Не будьте такими занудами! Что вы тут литературный кружок устраиваете имени Толстого.

Ник и Ирина долго танцевали, он шептал ей, шептал, она смеялась и тоже говорила ему нежные слова и согласилась, что да, сегодня невозможно, чтобы он не остался здесь, в ее доме, такая ночь. «Такая ночь, волшебная, я же говорил тебе - повторил Ник за Ириной, - мы будем вместе». Притихшие Нинель и Сева сидели на диване, рассеянно с одинаковым выражением физиономий смотрели на елку и на танцующие пары.

Ник еще не разу не оставался ночевать в присутствии Нинель, и Ирине пришлось объясняться с матерью. Нинель все еще опасалась, что пребывание у них в гостях иностранца, «круглосуточное» и «несанкционированное», как она выразилась, может привести к неприятностям. Ирина напомнила о своем возрасте и о статусе невесты, и Нинель сдалась, даже пообещала лечь не в гостиной, а на маленьком диване в кухне, но при этом со всей определенностью заявила, что «если меня вызовут, я буду говорить правду, и еще – ты должна все время помнить о соседях, у наших стен большие уши».

- Ма, у тебя слишком живое воображение.
- Это опыт, доча, просто житейский опыт, - миролюбиво парировала Нинель. Натанцевавшись, наевшись и выпив чаю с пирогами, Элька захотела прогуляться по ночной Москве.
- Потом заглянем в какой-нибудь бар, выпьем кофе.
- Мы останемся здесь, поможем маме все убрать, - объявила Ирина.
- И Ник? – догадалась Элька.
- Мама погадает Нику. На кофейной гуще, - засмеялась Ирина. Ник встал рядом и обнял Ирину за плечи. – Пока! – помахали они Джону и Эльке.

Ирина заметила, что пока они с матерью собирали со стола и убирались Ник, сидя неподвижно, смотрел на елку и на большую рождественскую звезду, и со стороны казалось, что у него лицо отчаявшегося человека. Глаза страдающие, как у раненого, подумалось Ирине. Неужели из-за нашей разлуки? Кофе варить не стали: Ирина и Ник по очереди зашли в ванную и ушли в маленькую комнату еще до того как Нинель закончила перетирать посуду.

Они любили друг друга, и жгли свечи, просто лежали обнявшись. Мальвина жалела Пьеро, вытирала ему ненатуральную слезу и опять целовала его. Но Пьеро не всю ночь был грустным, он забывался, глядя на Мальвину, и был счастлив, когда ласкал ее. И ей стало казаться, что их тела сроднились, неясно, где ее плоть переходит в его объятья. Потом они все-таки заснули, хотя напольные часы пробили шесть утра, а Сева отчаянно хотел во двор, но терпел.

Когда часы пробили восемь, Ник, уже одетый, разбудил Ирину:

- Что? Тебе надо на работу? – встрепелась она.
- Я уезжаю, - сказал он тихо.
- Да, - вспомнила Ирина и попросила, - не задерживайся там, в своей Америке, привези мне кактус. Я сейчас встану, Ник, мы позавтракаем, и ты пойдешь, - наконец, опомнилась она.
- Я должен идти, Ирина. Не сумел сказать тебе вчера, хотел вообще ничего не говорить, но не могу. Меня высылают из Москвы, сегодня, без права возвращения. Я не смогу приехать за тобой. Прости меня.

Ирина вскочила, натянула на себя одеяло и закричала от неожиданности:

- Я так и знала! Ты просто обманываешь меня, передумал! Или обманывал с самого начала, - она бросилась лицом в подушку, - ты!

Ник сначала гладил ее молча, потом стал говорить всхлипывая, бессвязно, что-то про государства и системы, которые существуют специально, чтобы разлучить их, проклятые игры в кубики: «Почему, почему они не могут ненадолго забыть о нас, разрешить нам быть вместе, неужели эта жестокость может иметь какой-то смысл? Никогда не поверю, что это разумно, что это правильно. Ирина, я люблю тебя, но это такая сложная жизнь, иногда она...».

- Что случилось, расскажи мне, - попросила Ирина.
- Если бы я постиг логику – а я всегда считал, что во всем есть логика... Но ничего мне пока не ясно. Знаешь, это как в греческих трагедиях: сила рока уничтожает героя. Два дня назад меня вызвали и объявили, что якобы я нарушил важные пункты контракта, и обязан сдать дела в течение сорока восьми часов. Сразу выдали билет до Нью-Йорка, где завтра утром будет решаться моя дальнейшая судьба. Будто я совершил какое-то предательство, сделал что-то ужасное.
- Но они же разрешили тебе со мной попрощаться.
- Наоборот! Запретили. Думаю, за это я буду наказан особо. За что? Я так люблю тебя...Я свободный человек...но эта работа, я должен сначала освободиться от нее и потом вернуться за тобой.

Ник целовал ее, это были уже другие поцелуи, после объявления катастрофы они становились невыносимо значимыми.

- Еще немножко, полчаса, раз уж ты все равно их обманул, - попросила Ирина. Ник резко встал, будто стряхнул ее с себя:

- Ради нас я должен сейчас уйти. Чтобы не давать им повода. Прошу тебя, Ирина, сосредоточься, давай поговорим о важном. Мой домашний телефон в Майами, здесь – код, потом номер. Отсюда из квартиры не звони, на всякий случай. Но как только ты сможешь оказаться за границей – в Финляндии, например, в Югославии... Звони сразу. Я приеду, увезу тебя. Это первое и главное.

- Поняла.

- И еще: вот советские деньги, они мне не понадобятся.

- Они вообще мне не нужны!

- Не глупи, на что мне рубли, что я должен с ними сделать, выбросить в урну в аэропорту?

- Мне все равно.

- Ирина, это же всего лишь деньги. – Он опять обнял ее и прижал к себе. - Я не хочу тратить на них наши последние минуты, возьми.

- Это ты тратишь на них время, - Ирине казалось, что если она оставит у себя бумажки, то точно, никогда в жизни они не встретятся. Она оттолкнула руку Ника с деньгами, но схватила его за шею, притянула к себе и снова стала целовать.

- Ник, мы хоть когда-нибудь...увидимся? – Ей казалось, что он знает больше об этом мире и способен предвидеть будущее.

- Если бы я не верил в это, то просто не стал бы жить. Поэтому ты тоже верь. Прошу тебя. И будь сильной.

Ник не разрешил проводить его до двери.

Проснувшись, Нинель подумала, что Ник и Ирина еще спят. Она на полчаса вышла погулять с Севой, а когда вернулась нашла на столике несколько пачек с деньгами и обратила внимание на то, что пальто и ботинок Ника уже нет. Нинель услышала рыдания из комнаты дочери и решила, что дочь ее брошена, а деньги – компенсация за обманутые надежды.

Ирина перестала рыдать лишь на минуту, когда вспомнила об открытке, которую Ник вложил в томик Пастернака. Она вскочила, прочла текст и стала целовать открытку, не обращая внимания на мать.

«Я так тебя люблю, что я уже не знаю, кого из нас двоих здесь нет. До встречи. Твой Ник».

Несколько месяцев Ирина пыталась выжить в пустоте. Элька сказала: «Запад есть запад, восток есть восток, им не сойтись ник-ог-да. И не пожениться». Со временем Ирина привыкла гулять одна по Москве и проговаривать письма к Нику.

Когда ты прочтешь это письмо, умный Ник, ты будешь смеяться, наверное, какая я была глупая и несчастная, как я могла не верить, что в конце концов родятся все наши дети. Кстати, мы так и не решили, сколько детей нам следует завести.

Что еще хочу сказать тебе сегодня, любознательный Ник? Московский модерн пока на месте, но постепенно становится полуразрушенным модерном. Обязательно спроси у своей мамы рецепт рождественского пирога, чтобы я могла начать тренироваться. Хотя знаешь, Ник, сейчас более актуальными становятся пасхальные куличи.

Другая Москва

2.

Лиза спустилась в полуподвал двухэтажного дома в одном из переулков на Сретенке и позвонила в дверь мастерской мужа. Отметила про себя странную робость, которую испытывала каждый раз, приходя сюда. Сегодня к тому же она явилась без предупреждения, Василий может рассердиться. Но еще утром Лиза не знала, что выпадет удача, соседка возьмет мальчишек на пару часов, и она сможет сбежать к

врачу.

Странно было ей смотреть на Василия, когда он наконец открыл. У него был уютный домашний вид – в мягких тапках, в старой ковбойке и джинсах. Муж показался Лизе незнакомцем; в мастерской у него отдельная загадочная жизнь.

- Привет, - произнес Василий скорее удивленно, чем обрадовано, - ты откуда?

Проходи.

- Да тетя Люба взяла Гришу и Павлика до пяти часов к себе, вот я и решила посмотреть новые работы, попить чайку. Сушки купила, с маком. А ты рад?

- Ну да.

Из соседней комнаты выглянул художник Эдик, компаньон Василия по мастерской, вежливо улыбнулся и сказал «привет». Лиза сняла шубку, разулась и прошла.

Маленькая и худая, она выглядела моложе старших, 14-летних учениц Василия; по воскресеньям он проводил в мастерской бесплатные занятия с детьми из окрестных домов, это была своеобразная плата местному ЖЭКу за использование подвала под мастерскую.

Она оглядела тесную комнату, стены которой были завешаны картинами.

- Вот эту я не видела, - Лиза указала на новую картину, порассматривала ее и присела к столу у стены.

- Эдик, будешь пить с нами чай? – громко спросила она.

- Нет, - откликнулся Эдик, - спасибо, Лиза, мучаюсь тут с плакатом для цирка.

- Мы только что пили, - сказал Василий. – Тебе налить?

- Да нет, я в общем тоже не хочу, - Лиза жестом показала мужу, чтобы он закрыл дверь в коридор. – Я иду от врача. – прошептала она и радостно добавила. – Ответ положительный.

Василий посмотрел на нее несколько смятенно и, подойдя к мольберту, взял кисть и что-то поправил в картине.

- Почему ты молчишь, Васенька?

- Работаю.

Лиза ладонью смела с клеенки на столе крупинки сахарного песка и крошки, поставила в ряд сахарницу, вазочку и чайник; вздохнула и покрутила головой, отыскивая взглядом свои любимые картины. Потом Лиза встала, тихонько подошла к мужу, обняла его сзади и прижалась. Ее голова оказалась как раз под его лопатками.

- Васенька, скажи хоть что-нибудь, - попросила она.

- Третьего мы не потянем.

Лиза все еще стояла прижавшись к его широкой спине как к двери, только закрыла глаза.

- Васенька, - наконец произнесла она. - Ребенок – это дар, и рассуждать, нужен он или нет, по-моему, грех. Не мы решаем.

- Это ты так говоришь. И все так говорят. Но мне показалось, тебя интересовало мое мнение.

Лиза отошла от мужа и села за стол. Задумалась, подыскивая нужные слова.

- Не торопись, - наконец сказала Лиза.

- Ты дашь мне закончить картину или нет? – Василий закричал громко, грубо, Лиза сжалась и замолчала; в груди у нее будто появился колючий шар, он больно ранил ее иголками. Василий вспомнил, что за стенкой работает Эдик, ему стало неудобно перед товарищем, и он продолжил тихим злым голосом. – Я работаю, Лиза.

Лиза смотрела на мужа, и лицо ее постепенно расплывалось, переставало слушаться – особенно сильно дергался подбородок, в глазах встали слезы; она стала похожа на перепуганную шестиклассницу.

Василий подошел к жене, присел на корточки и обе руки положил ей на колени.

- Лизонька, дорогая моя Лизонька, понимаешь, - заговорил он нежно, - ты постоянно ставишь меня в положение несвободы. Будто нарочно. Только я приноруюсь – бац, родился ребенок, и кормить надо уже двоих, потом только пришел в себя – у тебя опять известие. Второй. Но Лиза...пожалей же меня, хоть когда-нибудь. Ну. Скажи честно. Ты не хочешь, чтобы я был художником, да? Ты считаешь меня бездарностью?

Добиваешься, чтобы я сжег свои картины и стал...этим, бухгалтером, что ли?

- Что ты, Васенька! Упаси Бог! – испугалась Лиза. – Я люблю твои картины.

- Это наши картины, любимая. Но я не смогу работать с тремя детьми на шее. Ты это понимаешь.

Лиза кивнула и задумалась. Она больше не смотрела на мужа и хотела уйти поскорее – там, за заснеженным полуподвальным окошком опять умирала зима и зарождалась новая жизнь, так же упорно и неотвратно, как и в ней. На улице только что выглянуло солнце, и Лиза восприняла его тепло и свет как сигнал к тому, что она приняла правильное решение. Первые сокровенные недели она справится с этим сама, подумалось Лизе, а потом ей помогут, помощь приходит всегда. Сейчас следует пойти домой, приласкать детей. Самой хоть немного поработать. Лиза делала кукол – иногда лепила из глины смешных человечков, иногда делала больших, «настоящих», с фарфоровыми лицами и ручками. И Вася потом смирится с ее решимостью, так тоже было всегда, - подумала Лиза, одеваясь и целуя мужа на прощание.

Спустя неделю Василий привез свои картины на выставку в зал Горкома графиков на Малой Грузинской. Он еще не научился радоваться их будущему третьему ребенку, но в последние дни начал разговаривать с женой, перестав мучить Лизу тяжелым молчанием. Перевозка картин, развеска, затем шумное развеселое открытие выставки отвлекли его от сетований и страхов.

Выставочный зал Горкома графиков на Грузинской в то время уже прошел пик своей противоречивой славы и расцвета и, пожалуй, тоже переживал период стагнации. Но зрители все еще ходили туда и по-прежнему выстраивались в очереди на сотни метров вдоль улицы. Художники дежурили на выставке с утра до вечера. Они сидели около своих работ, пили в подсобных помещениях Горкома дешевое вино, беседовали с посетителями.

Лиза тоже появлялась в зале на Малой Грузинской. Иногда одна, чаще с двумя мальчишками. В один из субботних вечеров Лиза сидела в выставочном зале на стульчике около стены и наблюдала за людьми, проходящими вдоль картин сплошным внимательным потоком. Художники стояли кружком и обсуждали что-то, громко смеялись нарочитым смехом людей, гордящихся тем, что они не такие как все. У каждого в руке был пластиковый стаканчик с вином, бутылка просто стояла на полу. Несмотря на тесноту, зрители почтительно обходили этот кружок посвященных, лишь на мгновение поднимая глаза на них и тут же опуская.

Один из художников, поощряемый смехом товарищей, рассказывал:

- И тут они сели в лужу: посол требует – приведите его на прием, докажите, что у вас не преследуют всемирно известного художника, может, вы его на Колыму сослали за инакомыслие...А они найти его не могут. Все подвалы, все помойки обыскали.

- Ну и чего, нашли в конце концов?

- Всю Москву перерыли, но откопали. На даче у поклонницы. Вымыли, причесали, бороду постригли, окурки и селедочные огрызки оттуда извлекли... Доставили в посольство – вот вам пожалуйста, наш авангардист-диссидент, живой и здоровый. Никто его не собирается притеснять. Цирк. В посольстве он им тоже дал прикурить, устроил так сказать перформанс, салат ел руками прямо с блюда. Надо же оправдывать ожидания.

Лиза почувствовала, что духота вдруг сдавила ей горло: отчетливо припомнились пончики, которыми ее и мальчишек угостила подруга-художница.

- Васенька, я выйду на воздух – дышать нечем. Присмотри за ребятами, - на бегу успела сказать она и, руками зажимая рот, ринулась к туалету.

В это время яркая молодая дама, высокая, одетая так как одеваются путаны или дочери партийных боссов, ткнула длинным пальцем в картину и спросила:

- Вот эти картины – чьи? Автор здесь есть?

Василий неспешно покинул кружок товарищей и ответил:

- Это мои картины.

- Продаются? – негромко поинтересовалась дама класса «люкс».

- Запросто, – весело отозвался Василий.
- Хорошо, - она протянула руку художнику, - будем знакомы. Меня зовут Полина. Это Мартин, - Она кивнула в сторону немолодого импозантного иностранца. - Разговаривать будем в мастерской, после выставки, идет?
- Ладно.
- Адрес мастерской давай! – потребовала Полина, доставая ежедневник. Внимание платежеспособного иноземца воспринималось любым художником с одной стороны как несомненное везение, но, с другой стороны, – как что-то закономерное. Мода на советское так называемое «неофициальное» искусство, возникшая то ли по воле неких могущественных режиссеров, то ли хитро-стихийно, внушала художникам чувство избранности и перспективного будущего.

В назначенный день Василий принимал Полину и Мартина у себя в полуподвале. До этого у него ни разу не покупали картины за доллары. Несмотря на это, Василий всегда верил в абсолютную закономерность успеха своих картин.

В отличие от большинства людей, заучивших фразу «я не разбираюсь в живописи», Полина вполне полагалась на собственный вкус и не стеснялась задавать вопросы. Указав на одну из работ, она спросила:

- И что, по-твоему, это должно означать?

- Да что угодно. Искусство полифонично, – Василий знал, что обычно подобной фразы достаточно, чтобы человек устыдился и отстал.

Но Полина не собиралась пасовать:

- Допустим. Но ты что-то себе мыслил, когда писал?

- Брось ты, вот Мартин не понимает по-русски, но вцепился именно в это полотно, оно ему необходимо. Все остальное – пустые слова, объяснения не нужны, даже вредны. Картина сама выбирает покупателя.

Полина задумалась на минуту, но отреагировала неожиданно:

- Ты откуда такой самоуверенный выискался, Вася? – Полина смотрела на него с интересом, в ее взрослой жизни мало кто разговаривал с ней таким тоном. Она видела перед собой редкий экземпляр мужской породы, не робеющий перед ее проверенными чарами. - Ладно, времени у нас мало, давай о деле. Мартин сказал, что желает купить три картины: эту, и те две. Сколько они стоят?

- Три тысячи долларов каждая.

Полина не выказала никаких эмоций по поводу цены и стала вполголоса что-то обсуждать с Марином. Затем перевела для Василия:

- Мартин говорит, что хотел бы расплатиться рублями.

- Рубли пусть засунет себе в задницу, - Василий приветливо улыбнулся Мартину.

- Учти, статью за валютные махинации никто не отменял, - строго напомнила Полина.

- Знаешь что...как угодно: или доллары или никак.

Опять последовало обсуждение на немецком, после которого Полина небрежно произнесла:

- Мартин согласен, по две тысячи долларов за каждую картину.

- Лучше спроси у Мартина, на Западе сейчас советский андеграунд сколько стоит?

- Ты доберись сначала из своего андеграунда до их Запада, Вася. И еще, десять процентов от сделки - мои. Отдашь в коридоре, когда мы будем уходить. Незаметно. Василий засмеялся тому, что Полина даже не предположила возможности отказа или торговли с его стороны. Он с довольным видом вытянул руки над головой, сладко потянулся и резюмировал:

- Охренть можно с вами. Каждый хочет ограбить бедного художника. Попроси его, пусть привезет мне итальянский покрывной лак. Две бутылки, нет, лучше – три, за каждую картину по бутылке.

Полина кивнула Мартину, тот достал деньги и начал отсчитывать купюры. Полина, не отрывая взгляда от чистых пальцев Мартина, небрежно заметила:

- Знаешь что, Вася, учись-ка ты самостоятельно решать свои проблемы.

На свой первый валютный гонорар Василий в тот же вечер купил красивые дорогие вещи для Лизы и для мальчишек. На следующее утро они всей семьей поехали на такси на центральный рынок и закупили еды: от парной свинины до арбуза с виноградом. Лиза чувствовала себя счастливой - муж скоро станет известным художником, дети, наконец-то, будут прилично деды, Василий уже почти радуется ее третьей беременности.

В конце года, в зимний день Лизу с новорожденной малышкой выписали из роддома. Она сидела в вестибюле больницы со свертком на руках – ни одежды, ни мужа. Было не время для обобщений, но невольно Лизе, вглядывающейся в стеклянные двери, где кроме темени и метели ничего не было видно, приходила на ум невеселая мысль о способности мужа подводить ее в самые тяжелые моменты. Он никогда заранее не хотел сделать ничего плохого, чаще даже наоборот. Но вдруг мог пропасть, и никогда не угадаешь, надолго ли это. В таких случаях, знала Лиза по опыту, надо замереть и молиться, авось каким-то чудесным образом все обернется хорошо. Лиза уже попрощалась с врачами и с соседками по палате и по застенчивости характера не хотела возвращаться, чтобы позвонить домой.

Нянечка, моющая пол, пожалела Лизу и немного развлекла:

- Так за тобой приедут, милая?

- Не знаю. Может, муж со старшими детьми занят. Не смог.

- Как муж? И дети? А я-то думала ты школьница, в восьмом классе родила!

Стремительно, как тоже часто бывало, грянуло чудо: на огромной скорости к больнице летел автомобиль с включенными фарами, непрерывно сигналивший. Машина затормозила с эффектным скрипом и при этом развернулась.

Василий выскочил из машины почти на ходу, в одной рубашке, с большим букетом цветов. Он летел к дверям роддома, и лицо у него было – свет и вдохновение!

Вася увидел Лизу и стал трясти дверь, барабанить в стекло. Нянечка с охами и причитаниями открыла. Вася расцеловал нянечку, прокричал: «Любимая! Я приехал за вами!». Потом он разбрасывал цветы по вестибюлю больницы и осыпал ими жену с ребенком. Одежду для Лизы Василий забыл дома, поэтому пришлось снять куртку с приятеля, который вел машину. Там же, в салоне оказался еще один приятель и ящик с шампанским, уже наполовину пустой.

- Слава Богу, забрали, - сказала пожилая уборщица, глядя как Лизу с девочкой усаживают, и перекрестила их.

Ирине зарождающаяся весна 1987 года не принесла ни обновления, ни событий.

Жизнь катилась по инерции, не подавая надежд. Ничего путного с туристическими поездками в Венгрию или Югославию пока не получалось. Работа в редакции становилась бессмысленной, о кандидатской думать не хотелось.

Однажды, оставшись вечером в редакции, Ирина набралась храбрости и позвонила Джону. Но то ли Джон ее не узнал, то ли не хотел разговаривать – отвечал односложно и холодно: «Не знаю, не помню. О, как давно это было!». «Возможно, он болен, возможно пьяный», - расстроилась Ирина, чувствуя себя униженной. С Элькой обсудить разговор с Джоном было невозможно – Ирина и Элька в последнее время отдалились друг от друга.

Ирина почувствовала себя стареющей неудачницей.

А вот жизнь Нинель Леонидовны заиграла новыми красками.

В апреле на работе распределяли дачные участки - шесть «соток». Государство щедрой дланью раздавало несатытым служащим тощие земли: в случае Нинель это был бывший песчаный карьер, годами там черпали экскаваторами песок и выкопали огромную яму. Участки давали бесплатно, но для того, чтобы туда можно было проехать, для того, чтобы там появился хоть тонюсенький слой земли, способной

плодоносить, нужно было платить. Потом шли траты на строительство сарая, туалета и дачного домика с забором. Расплачивались чаще всего не деньгами, а валютой дачников – водкой.

Нинель задумала приобрести машину и сдать на права, иначе им с Севой трудно было добираться на райский пяточок отдаленной земли. Сева тоже втянулся в дачные приключения; уже пару раз в сумке Нинель возила его на электричке посмотреть на участок, и теперь жизнь без впечатлений казалась Севе невыносимой. Он проникся страстью к сумке-волшебнице, способной переносить его к новым запахам и горизонтам. Теперь, как только сумку доставали из кладовки, Сева приходил в неистовство, начинал отчаянно хныкать, с разбегу запрыгивал в нее – и никакими уговорами его нельзя было оттуда вытащить. Сева кусался и выл, находясь в нетерпеливом предвкушении путешествия. Кроме Севы, на дачу надо было возить еду, инструменты, посадочный материал, и для этого Нинель приходилось осваивать вождение автомобиля.

«Я фронтовик, многое повидал на своем веку, - пожаловался Нинель инструктор, старый таксист, - но ваш случай исключительный, мадам, я бы сказал – патологический».

Благодаря Нику денег для этих важных занятий было достаточно и еще оставалось. Нинель, самозабвенно погрузившись в столь удачно найденные проблемы, чувствовала себя если не счастливой, то во всяком случае весьма возбужденной. Она надеялась вовлечь Ирину в решение милых сельскохозяйственных и строительных задач – по выходным, но с полной отдачей. Однако Ирина сразу резко отстранилась и от поездок, и от вождения запланированного «Москвича».

Нинель не смела навязывать свою волю; она лишь верила, что со временем сумеет заразить дочь полезным энтузиазмом. За завтраком и за ужином Нинель ненавязчиво, как ей казалось, будто сама с собой, обсуждала преимущества свежего воздуха в местах не ближе семидесяти километров от Кольцевой дороги, а также о вреде овощей и фруктов, отравленных пестицидами.

- Мы с тобой построим маленький домик, сделаем теплицу, будем выращивать огурцы и помидоры. Картошку! Представляешь, круглый год на нашем столе будут экологически чистые овощи. Взгляни, Ириша, какая интересная книга, - Нинель надевала очки и мечтательно произносила красивое слово, - земляника ремонтантная.
- Прошу тебя, мне неприятно это слушать, - отмахивалась дочь.

Она решила пойти в райком партии на собеседование и получить характеристику для поездки по турпутевке в Венгрию от Министерства сельского хозяйства.

Вид здания, тяжелые двери и прямой длинный коридор напомнили Ирине чувство, которое она испытала в детстве перед полостной операцией. На лестнице на второй этаж Ирина столкнулась с Элькой и очень обрадовалась. Накануне она звонила подруге, жаловалась, что ей предстоит такое противное дело, но не посмела просить Эльку прийти и поддержать.

- Элька, я так рада тебя видеть, помочь мне пришла?

- В общем да, но я тебя слишком долго ждала, - ответила Элька скучным голосом, - а теперь тороплюсь. Извини.

- Жалко. Не знаю о чем будут спрашивать.

- Ты куда собралась, в Венгрию? Могут спросить, какой там состав правительства, основные цифры валового национального продукта, численность Коммунистической партии. Как обычно.

Ирина решила, что надо бежать:

- Я что, больная, знать такие вещи? Подготовлюсь и приду в другой раз.

Но Элька взяла ее за плечи и развернула:

- Нет уж, иди сейчас. Тебе в восьмую комнату. Пойдем, так и быть – до двери провожу. Перед дверью восьмого кабинета Ирина попросила еще раз:

- Подожди меня, хотя бы недолго.

- Не могу, Ир, у нас сегодня собрание, - Элька чмокнула на прощание в щеку и ушла. За дверью раздавалось пронзительное пение, хорошо поставленный тенор пел «Вы слышали, как поют дрозды». Ирина подождала и все-таки решилась постучать – трель оборвалась на полуслове.

В кабинете за столом сидел дядька лет сорока. При ее появлении он не встал со своего места, но пропел еще пару фраз. Дядька доверительно поведал, что готовится к смотру городской самодеятельности, а хор, в котором он солирует, лучший в Пролетарском районе Москвы. Ирина ошарашено молчала.

- Вы случайно хоровым пением не увлекаетесь? – приветливо поинтересовался он.

- Нет, - ответила Ирина искренне.

- Тогда приходите к нам! – нелогично предложил инструктор.

- У меня характеристика. Для поездки в Венгрию, - так же нелогично произнесла Ирина. Она успела подумать, что все ее страхи ерунда. Возможно, очень скоро в Венгрии она встретится с Ником. Давно надо было прийти сюда к поющему инструктору!

«Простите, - скажет она руководителю группы еще в поезде, - Вы не могли бы показать где в Будапеште находится научная библиотека? Я хотела бы взглянуть, какими принципами каталогизации пользуются в сельскохозяйственных разделах. Это важно для моей диссертации» - «У вас будет свободное время, но вы можете заранее поинтересоваться и разыскать библиотеку, вот карта города».

Она убежит ото всех и позвонит Нику, будет смаковать его слова, по которым смертельно соскучилась, будет пить кофе на открытой террасе ресторана. Кофе с лучшими в мире пирожными.

И она ничего не купит в Будапеште, даже колготки, а только будет звонить и пить кофе... мечтать о Нике. Он приедет за ней?

Симпатичный официант улыбнется ей: «Конечно, я подскажу вам как звонить в Майами, да, с этого аппарата можно, мадемуазель. Код Майами я выписал для вас из телефонной книги».

- Давайте посмотрим. – Инструктор взял в руки документы Ирины. - Ирина Павловна, - он осмотрел стоящую Ирину с ног до головы. - Так. Да вы садитесь. Московский государственный университет, филфак, издательство «Колос». Комсомолка?

- Уже нет. Выбыла по возрасту.

- Никогда не скажешь.

- Спасибо.

- Что-то я вас не видел в райкоме комсомола – я бы запомнил. Такой кадр.

Эффектный. Кандидат в члены КПСС?

- Нет-нет.

- А почему? Партии нужны такие – интеллигентные красивые женщины.

Инструктор встал из-за стола, и оказалось, что он совсем маленького роста. Мерным шагом походил по кабинету, и, словно случайно, плюхнулся на стул рядом с Ириной:

- Свободны сегодня вечером? - Спросил инструктор бодрым голосом.

- Занята, – его лицо вблизи и его дыхание были Ирине неприятны, она невольно отстранилась.

- Неужели? – изумился инструктор. - А завтра? Могли бы сходить в консерваторию.

- Простите, - сказала она вежливо и даже извиняющимся тоном, - у меня совсем нет времени, я диссертацию пишу.

- То, что вы не замужем, я знаю из анкеты. Собираетесь провести лучшие годы над книгами? – инструктор, оказывается, беспокоился о перспективах ее жизни. Его рука оказалась на ее колене.

- Уберите, пожалуйста, вашу руку.

Но инструктор умел действовать внезапно и энергично. Ирина вскочила:

- Руки! – Ирина всегда знала о себе, что в моменты стресса бывает очень сильной. Теперь в этом убедился и низкорослый работник райкома партии.

- Не кричи, - сказал он буднично, будто посетители каждый раз били и толкали его. Он отряхнулся, проследовал на свое место за столом и сказал почти спокойно:

- А с Венгрией придется повременить. У партии пока нет оснований доверять вам,

Ирина Павловна. Как и с кем вы проводите время, какие диссертации пишете, нам хорошо известно. Но если бы вы были потоньше, поумнее, согласились бы там... в хоре попеть. Ну, на худой конец, в консерваторию.

- Ясно, - Ирина разозлилась не только на коротышку, но и на себя: оттолкнула просто рефлекторно, не задумываясь, - и провалила возможность встретиться с Ником! Они теперь никогда не выпустят ее из страны.

- Ничего тебе не ясно, - пробормотал он, перекладывая бумаги на своем столе. - Так что свободны, Ирина Павловна, - инструктор, не глядя на нее, изобразил патрицианский жест.

Ирина выбежала, чтобы не расплакаться в кабинете.

Инструктор прислушался к всхлипываниям и шагам за дверью, потом набрал номер и отрапортовал:

- Анатолий Иванович. Воробьев беспокоит, из краснопресненского райкома. Ко мне тут приходила Ильницкая, Ирина Павловна. Да, точно. В Венгрию, по турпутевке. В курсе, конечно. Все, что рекомендуете в подобных случаях. Спасибо. Тогда до среды. Ну, есть.

Было бы преувеличением утверждать, что унижение и отказ стали для Ирины неожиданностью и большим потрясением. В конце эпохи социализма, ставшего уже слишком развитым, перезревшим, каждый из участников игры понимал ее абсурдность. Соотношение сил стремительно менялось, но в какую сторону – никто наверняка не знал. Провидение по непостижимым для людей причинам не открывало подробностей будущего.

Дома Ирина первым делом позвонила Полине и рассказала о посещении райкома.

- Суки поганые, - прокомментировала та. – Все разваливается, а они продолжают кусаться. Но не горюй, что-нибудь обязательно придумаем. Скоро увидимся.

В выходные и в библиотечные дни Ирина брала фотоаппарат, подаренный Ником, и отправлялась фотографировать дома, на которые они когда-то любовались вдвоем. Один день – одна улица или переулок. Она изучала каждое здание, пытаясь почувствовать его особенность, секрет или ущербность. Фотографировала редко, только в тех случаях, если внутри что-то начинало ныть. Многие дома болели или предчувствовали свою скорую гибель. Перед своим уходом они хотели рассказать ей о чем-то важном. Такие дома, еще вроде бы живые, но уже отчаянно взывающие, Ирина фотографировала обязательно.

Затем прибавились и другие строения: фрагменты памятников и скульптур, решетки и камни оград. Ирина научилась видеть сюжеты, различать характер и маленьких церквей, и разрушенных монастырей, и даже скромных пятиэтажек. Рассматривая отснятые фотографии, Ирина вдруг открыла в себе способность ценить подробности и придумывать истории архитектурных элементов, чувствовать их психологию. Она видела скрытые детали, слышала намеки. Дома разговаривали тихо.

Ирина начала делать снимки к статьям Ника о московской архитектуре. Рассматривая свои фотографии она будто разговаривала с Ником, обсуждала план иллюстраций к его работам. Ей очень нравились их воображаемые диалоги

Постепенно Ирина стала сортировать снимки по стилям и по характерам. Обсуждение находок с Ником перерастало в маленькие эссе – записывалось для него, чтобы не забыть при встрече о своих ассоциациях. Ирина могла часами рассматривать фотографии, продумывать взаимосвязи между деталями одного здания или историю соседства зданий на одной улице. Она без усталости правила свои тексты, читала и перечитывала их глазами Ника. Ирина придумала сделать для Ника альбом, ей очень хотелось поразить его суждениями, редкой информацией, найденной в библиотеках. Общение через объектив, взгляд на свой город глазами Ника помог Ирине перетерпеть

самые горькие месяцы.

Полина назначила Ирине встречу в кафе на улице Горького. Она сказала, что придет человек, который может помочь. Войдя в кафе в назначенный час, Ирина тотчас увидела подругу, сидящую за столиком у окна. Обстановка в кафе выглядела убого, пахло в зале нехорошо.

- Что будете заказывать? – осведомился официант.

- Пока ничего, - ответила Полина.

- Поговорить можете и в парке на скамейке, - с ходу нахамил официант, глядя поверх их голов куда-то вдаль.

Ирина заметила, что Полина была готова вспылить, но передумала:

- Ладно, - сказала она, - принеси две порции мороженого. И никого не подсаживай, мы ждем человека.

- У нас не положено держать место, вон очередь на улице стоит.

Полина, коротко вздохнув и, очевидно, сдерживаясь изо всех сил, сунула в руку официанту купюру:

- Держи. Ирод! Но ничего, – добавила она, когда служитель общепита отошел. – Вот появится в Москве больше кооперативных кафе и ресторанов, тогда они не так забегают. Итак, сейчас придет жених.

Полина нашла человека, который уже оформлял документы для отъезда в Израиль и готов был за определенное вознаграждение жениться и вывезти Ирину. Ирине затея не нравилась.

- Только запомни, - внушала Полина строго, - сделка ему нужна не меньше, чем тебе.

Сделай надменное лицо и молчи – торговаться буду я.

- А где мы возьмем деньги?

- У тебя есть рубли?

- Какие-то рубли у мамы остались.

- Каки-ие-то, - поморщилась Полина. – Все-таки ты вялая у нас девушка. Но да ладно.

Возьмем твои рубли, поменяем на валюту, ну и я могу добавить, если понадобится.

Еще продадим что-нибудь, у меня есть лишние шубы и другая фигня, побрякушки какие-то. Посмотрим, короче.

Официант принес мороженое, по три разноцветных шарика в металлических вазочках.

В это время в дверях кафе, визгливо доругиваясь с ожидающими очереди, появился полноватый молодой человек и остановился при входе, близоруко осматриваясь вокруг.

«Жених пришел. Не оглядывайся и вообще – постарайся вести себя высокомерно», - повторила Полина. Ирина незаметно приосанилась, а человечек, наконец, разглядел Полину и подошел к их столику.

- Михаил, - сказал он Ирине, близоруко на нее таращась и, видимо, раздумывая, нужно ли для знакомства и приветствия подать руку даме. Ирина слегка кивнула и назвала свое имя.

- Да вы садитесь, Михаил, - пригласила Полина.

- Ой, да что вы такое говорите! – хихикнул жених кокетливо. Девушки переглянулись.

- А, поняла, торгашеские суеверия. Ну присаживайтесь, Михаил, поскорее, - поправила Полина раздраженно.

Михаил сел, обнаружив неприятное свойство разбрызгивать слюну при разговоре:

- Моему дяде так тоже однажды сказали, и он попал...

- Ирина в курсе вашей проблемы, - сказала Полина не дослушав рассказ про дядю.

- Да. Такая у нас с вами судьба. – Михаил будто внезапно вспомнил, зачем он явился и стал откровенно разглядывать Ирину, даже попытался посмотреть на ее ноги, наклонившись к своему потрепанному ботинку. – Мы с мамочкой хотели бы поехать уже через месяц. Можем и вас увезти из этого кошмара. Вы готовы? – спросил он.

Ирина неуверенно пожала плечами и взглянула на Полину.

- То есть в качестве моей супруги? – уточнил жених.

- Фиктивной супруги, - напонила Ирина.

Жарко, пыльный и горячий ветер обжигает щеки. Стена Плача перед ней, она уже знает, что Ник должен был рано утром прилететь в Иерусалим. Но она до встречи с ним захотела пойти и оставить записочку-желание: «Пожалуйста, пусть наша семья будет большой и дружной...Пожалуйста, пусть наша семья будет». И в тот момент, когда Ирина вкладывает записочку, кто-то бережно кладет ей руки на плечи. Это Ник, он тоже хотел до встречи с ней положить записку: «Прошу Тебя, Господи, пусть наша семья будет большой...».

- Но я терплю определенные неудобства – в Израиле с этим очень строго, - сказал жених понизив голос и осматриваясь по сторонам. - Мы с мамой хотим знать, что вы, уважаемая, имеете предложить за наш риск.

Тяжелой солдатской поступью вернулся официант и спросил громко, в упор глядя на Михаила:

- Что будем заказывать? Шампанское?

- Вообще-то меня пригласили, - пробормотал жених и выразительно посмотрел на Полину.

- Неси еще мороженого, всем, и шампанского, - велела Полина.

Официант удалился, демонстрируя невероятное презрение. Ирина увидела как мужчина средних лет за соседним столиком, в форме летчика, подмигнул ее подруге, но та лишь слегка передвинулась, чтобы оказаться к нему спиной.

- Михаил, - сказала Полина официальным тоном, - назовите вашу цену. Кроме того, у нас должны быть гарантии, что Ирина получит возможность отправиться дальше – она не собирается задерживаться на Святой Земле.

- Так это ее личное дело. Семь тысяч.

- Чего семь тысяч?

- Долларов, конечно, за кого вы меня принимаете, уважаемая.

Последовала длинная пауза: официант принес шампанское, налитое в стаканы.

Выпили не чокаясь. Ирине от названной суммы стало еще хуже. Полина задумалась и смотрела в окно, будто подсчитывала. Михаил вдруг начал сильно потеть, он достал замызганный платок и стал вытирать лицо и лысину.

- Ты совсем сбрендил, да? – очнулась Полина, но взглянув на подругу, сменила тон, - Взгляните, Миша, какая красивая, образованная девушка сидит перед вами. И у вас хватает совести заламывать такие деньги!

Миша еще раз внимательно осмотрел невесту, уже несколько критически:

- Вы меня, конечно, извините, но разве эта достойная дама готова рожать мне красивых деток? – спросил он, звонко проговаривая слова. Летчику за соседним столиком стало интересно.

- Две штуки баксов и ни цента больше! – подвела итог Полина.

- За все услуги такой мизер? Я вас не правильно понял, мадам?! Что особенного есть в вашей подруге, назовите мне ради Бога, что я должен ломаться за паршивые две штуки баксов?!

- А в тебе-то чего, в тебе, Миша, ты посмотри на себя! – Полина, похоже, была готова запустить в жениха пепельницей. Южная кровь все-таки ударила ей в голову, выпустив темперамент девчонки из украинского городка. Выкарабкавшейся из таких приключений, о которых в книгах не пишут: те, кто сумел оттуда выбраться, - всегда молчат.

- Сморчок вонючий, козел недоделанный, что ты возомнил о себе?! – при всей экспрессивности лексики Полина ограничилась назидательным тыканьем пальцем Мише в лоб. - Ладно, Миша...

- Вы же сами обратились ко мне, чтобы я вашу подругу транспортировал? А теперь хотите, чтобы я женился совсем задаром? Разве у нас уже случилась неземная любовь?

- Все, я ухожу, с меня хватит, - Ирина, с грохотом отодвинув стул, побежала к выходу.

- Нет, подождите, - закричал Миша, – давайте договоримся о цене по-честному, я вам не какой-нибудь жмот или шаромыжник! Только надо уметь вести себя с людьми прилично!

Полина вскочила, чтобы догнать и вернуть подругу, но оглянувшись заметила, что к ним ринулся официант. Жених завизжал вдогонку: «Они сами заказывали шампанское и не заплатили по счету! Авантюристки!». Официант прилепнул Мишу к стулу, словно кот игрушечную мышку, и свистнул в неизвестно откуда взявшийся милицейский свисток.

На улице девушки обнялись:

- Аукцион! Атракцион! В жизни не слышала ничего более идиотского, – всхлипывала Ирина. Они обе истерически смеялись. – Ты цену на меня сбиваешь, при мне!

- Конечно, столько достоинств, надо торговаться, – хохотала Полина, шлепнув подругу. Они побежали словно школьницы, скрывающиеся от учителя физкультуры.

Оглянувшись, в толпе около входа в кафе Ирина заметила высокого летчика, который вглядывался в людской поток на Тверской.

3.

У нас здесь образовался допотопный базар без разумных правил и приятных традиций - продается все что угодно. Думаю, ты бы очень смеялся. Хотя, при твоей деликатности... У нас, знаешь, сейчас - будто в казино: один из игроков опрокинул карточный стол, выстрелил в лампочку и скрылся со всем банком. Те, кто был в курсе готовящегося переворота, успели что-то ухватить, а остальные - или передрались или впали в истерику. Многие до сих пор ползают в темноте, пытаясь напасть на ближнего и отнять у него хоть что-нибудь. Жизнь изменила скорость, и все стало зависеть от способностей человека перестроить свое восприятие действительности.

Небрезгливые стали продавать в том числе туалетные услуги, по-человечески самый необходимый сервис. В одном из районов Москвы на всех рынках «цивилизованные» туалеты принадлежали фирме «Мадлен», которая заявляла себя как российско-австрийское СП (совместное предприятие). СП «Мадлен» не ремонтировало бывшие общественные туалеты: помещения просто вымыли, в каждом поставили стул и столик, посадили туда студентов или студенток, привезли зеркала, горшки с цветами, букетики из искусственных цветов. В платных, так называемых «коммерческих» заведениях появилась туалетная бумага, мыло и полотенца. До ароматизированных отдушек, правда, дело пока не дошло. Парень, два раза в день собиравший у туалетных дежурных выручку, был деловым партнером Эльки.

У них имелся офис, небольшая комната в центре. Помещение принадлежало парткому Министерства рыбного хозяйства. Председатель почти бывшего парткома нелегально сдавал эти помещения в аренду, а деньги, так называемый «черный нал», шли на строительство дачи для дружной семьи председателя.

СП «Мадлен» называлось советско-австрийским, потому что Элька в туристической поездке в Австрию познакомилась с эмигрантами из Питера, и они однажды целый вечер и добрую часть ночи обсуждали, что хорошо бы старые холодильники из Вены перевозить в Москву. В Австрии можно получать деньги за вывоз вредного фриона, а в России эти холодильники можно отремонтировать да еще и продать. Поговорили, выпили, а с утра пошли и зарегистрировали фирму. С холодильниками ничего не получилось, но бумаги с иностранными печатями у Эльки остались.

Приходя в офис, Элька первым делом отправлялась в туалет в конце коридора и наливала полный чайник воды. Телефон на ее столе звонил всегда, но Эльку это не очень заботило – она пила чай и сама звонила тем, кто был ей нужен.

Когда к вечеру приходил партнер, они вдвоем с Элькой считали туалетные деньги, собранные на рынках. По телефону разговаривали напыщенным тоном, и тем, кто не видел убогой обстановки офиса, казалось, что они имеют дело с солидным предприятием.

- Совместное советско-австрийское предприятие «Мадлен», головной офис.

Генеральный директор, да. Слушаю. Мы проводим собеседования по вторникам и

четвергам. Разумеется, резюме необходимо. Для пенсионеров? Тем более. Всего хорошего.

Однажды Элька приехала в квартиру на Арбате, поразив Ирину костюмом от Шанель и новым, властным выражением лица. Шофер для чего-то проводил Эльку до дверей квартиры.

- Элька...это телохранитель или шофер? – изумилась Ирина.

- У меня теперь горничная и два шофера, – похвасталась Элька, она явно была готова к такому вопросу. - Я к тебе по делу. Срочно надо собрать сумму, и тогда мы провернем очень выгодную сделку. Триста пятьдесят процентов прибыли в течение месяца. Что скажешь?

- Даже не знаю, где у нас лежат деньги. Я не притрагивалась к тому, что оставил Ник.

- Кофейку попьем? – спросила гостя. Ирина обрадовалась; наконец-то это была свойская прежняя Элька, по-хозяйски расположившаяся на кухне.

- Мне поможешь, а как заработаешь – сразу сможешь лететь в Америку, - уговаривала Элька.

Из магазина явилась разгоряченная Нинель:

- Настоящая битва! – поведала она, - завезли макароны и гречку, но мне не досталось. Говорят же – по два килограмма в одни руки, но разве у наших людей есть совесть? Приходят целыми семьями, талоны приносят пачками. Что за народ! После обеда обещали выбросить рис.

- Теть Нэль, вы знаете, что я теперь глава международной фирмы? – без обиняков начала Элька.

Нинель слушала рассеянно, она вынула из сумки талоны и озабоченно начала их сортировать: талоны на сахар за прошедший и текущий месяцы, талоны на водку, талоны на сигареты. Какие-то бумажки следовало срочно «отоварить», чтобы не пропали, ненужные обменять. У Нинель получался замысловатый, но увлекательный пасьянс.

- Нам любой банк может дать кредит, - вещала Элька, закулив дорогую сигарету, - но я хочу помочь вашей семье. Сейчас у нас идет поставка металлов из Сибири в Австрию. Если вы войдете в долю, то через две недели получите в три раза больше, чем вложили.

- Через полчаса, - прервала ее Нинель, - я должна быть в магазине, иначе пропадут талоны на крупу. Так, а талоны на сигареты я обещала отдать соседу.

- Надо учиться масштабно мыслить, а то так и будете в очередях за макаронами стоять и на ночь пересчитывать талоны, - поморщилась Эля, - Ну так что, тетя Нель?

В глазах Нинель Леонидовны ничего осмысленного, а тем более масштабного не отразилось, и Элька повторила менторским тоном:

- Вы - поняли мое предложение? Можно выгодно вложить ваши деньги.

- Эличка, не понимаю, о каких деньгах ты говоришь, - призналась Нинель.

- Ирина хочет, чтобы деньги, которые вам оставил Ник, были вложены в выгодную коммерческую операцию. Пока еще не поздно надо обменять их все на валюту, поскольку не сегодня-завтра будет денежная реформа, - терпеливо объяснила Элька тоном преподавателя.

- Я их уже вложила, - сообщила Нинель почти на ходу, мимоходом: она сосредотачивалась и одевалась для похода в магазин. – А что вы думали? – Нинель спокойно смотрела на Эльку, изобразившую такое возмущение, будто похищены ее собственные сбережения. - Домик, будка для туалета, забор...первый взнос за «Москвич-412». Еще приобрела акции в одном верном месте, мне соседка Вера Николаевна посоветовала, «Гермес» называются. Со временем стану акционером солидной кампании. Кручусь как могу.

Любимый и далекий, самый близкий, единственный,

Москва кипит: старушки просят милостыню, другие пенсионеры что-то продают, бегают бездомные собаки, работают ларьки, на простых деревянных ящиках для овощей повсюду устроены самодельные прилавки; на моем Арбате каждый или что-

то продает или просит.

Надо признаться – я оказалась среди неудачников. Меня сократили на работе, чем я могу заниматься, даже не представляю. Вокруг каждый стремится побыстрее занять новую полочку: мама увлеклась выращиванием овощей, Эля ворочает сотнями тысяч долларов, Полина вышла замуж и уехала в Мюнхен, муж Татьяны основал свою фирму, разрабатывает какие-то необычайные игровые программы. Только я растерялась.

Почему, Ник, я ничего не чувствую и ничего не хочу? Пресловутый ветер перемен меня не подхватывает и никуда не несет; только заставляет укутаться поплотнее.

Вчера мы переходили через площадь, и я взяла Севу на руки, а какой-то дядька, по виду и по выговору беженец, сказал мне «Ишь, нянькается с псом, а людям есть нечего, лучше бы дите взяла бездомное и воспитала». Сначала я рассердилась на этого человека – какое он имеет право судить меня и указывать? Но с тех пор все думаю, прав он или нет.

Сева тоже не виноват и должен где-то жить, правда?

Бродить с фотоаппаратом у Ирины теперь получалось редко. И не потому, что не было свободного времени – Ирину уволили по сокращению штатов, и она могла гулять хоть целыми днями. Но изменился воздух города, дома теперь не напевали, не жаловались шепотом. Здания застыли в ужасе перед катастрофой. Восторгаться домами, беседовать с ними, даже фотографировать фрагменты было неприятно еще и потому, что Ирина сама находилась в похожем состоянии оцепенения. Чаще сидела дома в старом кресле, читала и общалась с Севой. Послания к Нику сочинялись теперь во время прогулок с собакой.

Лиза купала малышку Зосю, сыновья привычно ссорились. Буря из душистой пены, драка, плач Зоси и бессильные крики Лизы - все волшебным образом прекратилось, когда неожиданно рано пришел домой Василий. Он взял дочку, завернутую в полотенце, на руки, рассудил старших и поцеловал жену. Кажется, в тот вечер трудно было найти семейство более красивое и дружное.

Василий приготовил ужин и открыл бутылку сухого вина.

- Папа, - пытал его средний, уже лежа в постели, - а кому ты купишь компьютер?

- Я же сказал – каждому куплю по компьютеру.

Они по-прежнему ютились в однокомнатной квартире, но безнадежной нищеты и беспросветной тесноты уже не было: картины стали довольно-таки регулярно продаваться, и уже скоро можно было купить двухкомнатную.

Но пока – слишком долго приходилось ждать, чтобы любить друг друга. Чаще это происходило в ванной или после того как Лиза отводила мальчишек в детский сад.

Сегодня, Лиза чувствовала, Василий хочет быстрее остаться с ней наедине, шептаться с ней и целовать ее.

- Один читает, другой закрывает глаза, - сказала она мальчишкам, убаюкав Зосю.

Лиза переставила кукол на подоконнике, как всегда – на ночь поприветствовала их.

Потом Василий целовал ее на кухне, и смеялся, и любовался на нее, говорил какая она самая красивая на свете маленькая Дюймовочка. Она была счастлива – счастливей не бывает. Он самый нежный, и при этом такой сильный. Неуправляемый и такой тонкий.

- Знаешь, я подумал, что двухкомнатной квартиры нам будет мало, надо еще немного заработать и купить сразу трехкомнатную. Ты как?

- Согласна, конечно.

- Тут понимаешь, есть такая идея... вложить часть наших денег и заработать. Один Борькин знакомый... Я поеду в Штаты на ярмарку.

- Со своими картинами?

- Не только. Накуплю здесь у знакомых матрешек, всякой ерунды, картинок за копейки, и в Майами продам на ярмарке. Там же меньше доллара ничего не стоит. Борькин знакомый, он на матрешках знаешь как разбогател! А картины поприличнее можно

здесь купить за десять, а там продать, например, за двести долларов. Каждую! Как ты считаешь? Правда, придется оплатить аренду, дорогу, расходы немалые. Но игра стоит свеч, Америка все-таки, - он вздохнул мечтательно, - Майами.

Лиза ласкала мужа, гладила. Ей хотелось пропитаться запахом его кожи, волос, пальцами запомнить каждую складку. Чтобы помнить сегодняшнюю ночь и завтра - и всегда. Господи, удивлялась она на себя, какая же я жадная, мне хочется вобрать в себя, будто съесть этого человека. Любовь ведь должна уметь отпускать, а мне хочется – поглотить.

- Ты надолго уедешь, Васенька? – вздохнула Лиза.

- Всего на три недели.

Некоторое время мастерская Василия была завалена сувенирами и мелкой художественной продукцией: на его рабочем столе были навалены прозрачные мешки с расписными деревянными ручками и ложками. Матрешки стояли и лежали на полу, на стульях и на подоконнике. Приходили знакомые и незнакомые художники и перекупщики. Партию вышивок привезли с Украины.

Василий решил, что на его маленьком стенде в далеком Майами будут отдельно представлены «искусство» и «сувениры». Маленькие картинки, заполнявшие нишу между «искусством» и «хренотенью», приносили женщины- художницы. Одна из них, например, писала сирень на картоне и продавала эти картинки в дешевых рамах около ЦДХ. Такое украшение для кухни или для спальни. Художница, немолодая дама в трогательной шляпке и в многообразных бусах, пыталась торговаться с Васей, хотя явно не умела этого делать. Василий доставал из ее необъятной клеенчатой сумки очередное произведение, заносил его в список и оценивал.

- «Сирень», двадцать на тридцать. Так: картон, гуашь. Пять баксов, идет?

- Ладно, Вась. Ты же сразу платишь?

- Да, и наличными. Дальше: «Сирень», формат десять на пятнадцать. Три доллара. Нет, не больше. Опять сирень. Слушай, Кать, ты что-нибудь кроме сирени умеешь изображать?

Художница, очень довольная продвижением своих скромных творений, сдержанно посоветовала Василию не выпендриваться, а решить, нужны ли ему практически даром такие качественные цветочные натюрморты.

- Мне Вася, твоя живопись тоже совсем не катит, - призналась художница, закуривая - но я же молчу скромно.

Невозмутимый Василий продолжал выуживать из сумки картинку:

- Так. А вот что-то беленькое. «Черемуха», наверное? Нет – «Белая сирень». Кать, тебе не надоедает лупить одно и то же?

- Сейчас я найду тебе, найду, - художница опустила на колени и стала шарить на дне сумки, - должны быть «анютины глазки», чтоб ты успокоился.

Каждую картинку перед отправкой в Штаты надо было внести в общий список, получить разрешение на вывоз, поставить печать на обороте – и оплатить таможенную пошлину. Если все делать по правилам, то ехать куда-нибудь уже было не на что. Можно было попытаться обмануть государство, изобразив «выставку с обратным ввозом», то есть *обязаться* вернуть художественные ценности на родину. Разумеется, никто ничего обратно не привозил. За несколько месяцев могла произойти очередная денежная реформа или вообще поменяться государственный строй... Но в любом случае было необходимо сочинить множество неискренних бумаг и ходить по бессмысленным кабинетам. Василий сначала все делал сам, но в конце концов стало ясно, что придется брать помощницу. И что самое грустное, ей придется платить. Кроме того, Василий не умел изъясняться по-английски. Он позвонил Полине в Мюнхен, поскольку проникся уважением к ее деловым качествам, и Полина продиктовала телефон подруги.

Так в мае 1990 года Ирина впервые появилась в его мастерской. Времени до отъезда

оставалось немногим более двух месяцев, Ирине и Василию приходилось встречаться и работать чуть ли каждый день. Она печатала дома списки и документы, переводила, выстаивала многодневную очередь за авиабилетами, занималась оформлением загранпаспортов. Сперва затея с выставкой показалась Ирине авантюрой, но постепенно она привыкла к мысли, что ей выпала реальная возможность оказаться в Штатах за счет работодателя. Ей нравилось ходить вместе с Василием по ярмарке в Измайлово. Василий умел весело и необидно для продавцов торговаться. Однажды он купил понравившуюся Ирине небольшую картину и подарил ей.

Мастерская, пропитанная специфическими запахами, картины, сама предстоящая поездка в Майами – были Ирине интересны. Помнила ли она Нике? Где-то на краю сознания он существовал, но Ирина стремилась в Америку уже скорее по инерции, будто выполняя обещание, данное давным-давно, и смысл обещания то ли изрядно выветрился, то ли исказился. В любом случае, собирая дорожную сумку и обсуждая с матерью, что еще, кроме сырокопченой колбасы, килограмма гречки и супов-концентратов можно взять с собой на три недели, Ирина была оживлена и почти счастлива тем, что судьба, наконец, избавила ее от оцепенения.

Сева, догадавшись о предстоящей разлуке, смотрел тревожно, стараясь заглянуть в глаза хозяйке.

Нинель многократно призывала Ирину к осторожности. Василию она заочно не доверяла. Почему-то Нинель была убеждена, что он не заплатит обещанные двести долларов или поселит ее дочь в какой-нибудь дыре с тараканами.

- Главное проследи, чтобы он гостиницу проплатил заранее. Будь поосмотрительнее, доча. Если можешь, – напутствовала Нинель.

Приятель Василия привез их в аэропорт за четыре часа до отлета самолета. Но таможенник, увидев тюки и сумки, не пожалел времени: взяв в руки списки вывозимых предметов, густо покрытые печатями, приказал: «Отойдите в сторону и распаковывайте все». Пришлось вспарывать упаковку, над которой Василий трудился ночь напролет. Разворачивались картины, раскрывались сумки, развязывались мешки. Возгласы Василия «Вы понимаете, что мы можем опоздать на рейс?» – на таможенника не произвели никакого впечатления.

- Не волнует, - процедил он, пропустив других пассажиров и продолжая лениво рассматривать документы.

- Так. «Си-рень» номер тридцать шесть, десять на пятнадцать. Показывайте!

Спустя полчаса Василий стал потным и красным.

- Вы что, садист? – поинтересовалась Ирина у таможенника.

- В ваших интересах воздержаться от оскорблений, - невозмутимо отвечал представитель государственной власти, - я хочу видеть «Сирень» номер тридцать шесть.

Руки у Василия и Ирины тряслись и от гнева, и от страха опоздать на самолет. Но им пришлось открыть каждый тюк, судорожно перевернуть все сумки, чтобы найти нужную «сирень».

- Так. Ручки сувенирные деревянные триста штук. Пересчитывайте при мне.

Ирина почувствовала, что у нее дрожат не только руки, но и ноги. Повернувшись спиной к таможеннику, она беззвучно прошептала Василию: «Дай ему денег. Дай, только скорее».

- Я ему сейчас морду набью, - прошипел Василий.

- Он этого и добивается, - вздохнула Ирина. - Спокойнее.

Она подошла к таможеннику с мешком сувенирных деревянных ручек и послушно начала считать: «раз, две, три...».

На табло давно мигала надпись, что посадка на рейс «Москва-Майами» заканчивается. И так, улететь они не успевали, Ирина еще раз попрощалась со своей мечтой.

Прощай, Ник. Уже послезавтра мы могли бы целоваться на пляже с белоснежным песком, под пальмами и слушать попугаев, колибри – кого еще? Фламинго. Наверное, около твоего дома, Ник, есть белый бассейн с голубой водой. Прощай.

Наконец Василий придумал, как ему повернуться, чтобы незаметно сунуть таможеннику двести долларов. Тот профессиональным движением убрал деньги, но, мельком взглянув на табло, продолжал считать ручки вместе с Ириной: двести пятьдесят шесть, двести пятьдесят семь, двести пятьдесят восемь. Они хором досчитали до трехсот, лишние ручки таможенник оставил на своем столе и нехотя процедил «проходите».

Этот кошмар и последующий рывок сблизил их. Вернее, рывков было несколько – сначала с грузами, с молниеносным перетаскиванием тяжелых мешков, затем с паспортами, последний – с билетами в руках.

Когда Ирина оказалась в кресле самолета и увидела на табло бегущую строку, означающую, что они взлетают, то почувствовала, что ее душа тоже летит, радостно и легко.

- Мы победили! – сказал Василий и обнял ее. Они немного посидели так, обнявшись, затем Ирина отстранилась.

Длительный тяжелый перелет с посадкой в Шенноне, дымовая завеса табачного дыма, гвалт шептунных мексиканцев, превративших самолет в веселый курятник. Они перелетали через океан.

Майами

Портье внес вещи Ирины в просторный номер с балконом. По дороге из аэропорта она лишь мельком успела увидеть праздничную природу Флориды, а теперь оказалась среди гостиничной элегантной ухоженности. Ирина бродила по номеру, смотрелась в большие зеркала, заглядывала в унитаз, рассматривала куски мыла в бумажке, шапочку для душа в прозрачном пакете. Она выходила на балкон, вдыхала горячий воздух и запах близкого океана и крутила головой, любясь на пальмы и на небо яркого цвета. Возвращалась в комнату, задергивала шторы, включала кондиционер. Прыгала на кровати, чувствуя себя будто дитя на празднике. Стоя под душем, она ощутила себя совершенно новой Ириной, у которой может начаться жизнь, ничем не похожая на прежнюю.

Она села на пуфик перед телефоном и старательно набрала номер Ника. В зеркале над телефонной тумбочкой видела себя – свежую, с мокрыми волосами – и слушала длинные гудки.

Три года обдумывать – что сказать после обычного “Hello”? В большинстве случаев это означает, что ты никогда не скажешь столь будничное слово именно этому человеку. Глупо помнить о ком-то, кто уехал в одночасье при загадочных обстоятельствах, и за долгое время якобы не нашел возможности позвонить.

Человек, который когда-то пригрезился в далекой, исчезнувшей действительности, не мог не измениться, не мог не поменять место жительства.

Она тоже сильно изменилась? В зеркале Ирина увидела, что сейчас выглядит молодо и привлекательно. Она положила трубку. Телефон громко зазвонил.

- Слушай, - прогудел голос Василия, - еле разобрался как тут кнопки нажимать. Пойдем поедим, а? Жрать охота до ужаса! Ты через сколько будешь готова?

В зеркале Ирина увидела, что непроизвольно улыбается.

Она еще раз взглянула на карточку с телефоном – затем порвала ее и выбросила в корзину. Выбрала платье, самое нарядное и открытое, уложила волосы, надела туфли на высоких каблуках.

Еда в ресторане была обильная, очень вкусная. Василий заказал бутылку легкого вина. В углу зала маленький оркестр визгливо наигрывал что-то мексиканское. За соседним столиком ужинала пожилая пара в розовых и голубых одеждах. Шустрый старичок пригласил Ирину на танец, а жена старичка со своего места умиленно махала им ручкой, трогательно сопереживая супругу, вытирала слезы радости розовым

платочком. «Наверное, здесь климат и сам воздух такой, что мы забудем свою угрюмость, отбросим привычку во всем видеть сложности и проблемы, вечно бояться чего-то. Вот Вася налил себе еще вина и смеется, взгляд сияющий. Пожилая американка показывает ему большой палец в знак восхищения. Кем она восхищается? Мною? Васей? Своим мужем, похожим на воспитанника детского сада на утреннике? Кажется, здесь все в восторге друг от друга и счастливы жить. Как это верно, такой простой секрет жизни на земле: улыбайся! Не нужно самокопания, ревности и недовольства властями... живи, ешь, танцуй и улыбайся».

Василий пригласил Ирину на танец. Музыка была не томная, а веселая, и они отплясали с таким вдохновением, что им рукоплескали все посетители ресторанчика. Солист ансамбля сказал в микрофон: «Приветствуем самую красивую пару сегодняшнего вечера!». Ирина не стала переводить Василию этот комплимент.

На выставке их с Василием совместная игра – продавать картины и всякие штучки, показывать, нахваливать свой товар перед чуждоязыкой толпой – эта игра и роли в ней были непривычны. Но поскольку все происходило в экзотической обстановке, было даже интересно. На Арбате, например, Ирина не могла бы стоять и целый день предлагать деревянные ручки, ей бы такое занятие показалось недостойным. Но продавать сувениры в чужой стране – просто забавное приключение. Ирине нравилось, что они с Василием словно два давних товарища, одна команда.

Толпа в павильоне собиралась густая, глазающая, она плотно заполняла проходы, съедала весь воздух. День напролет гремела однообразная музыка. Люди задерживались около прилавков и трогали каждую вещь, их толкали другие желающие посмотреть. Толпа прибывала, но люди никуда не торопились. В большинстве случаев им хотелось не купить, а просто подержать в руках непонятные предметы, поговорить с продавцом о его стране, о политике. На русских стендах кроме национальных поделок продавались пятиконечные октябрянские звездочки и пионерские значки, вымпелы соцсоревнований с портретом Ленина, шелковые пионерские галстуки. Рядом торговали американские индейцы, индусы, перекупщики трудно определяемой национальности со всяческим экзотическим товаром.

Когда в павильоне становилось совсем нечем дышать, Василий отправлял Ирину подышать свежим воздухом, выпить кофе. Она бродила по огромной ярмарке среди аттракционов и кафешек, рассматривая людей, живущих на другом конце света. Они семьями катались на карусели, толпились вокруг силомеров, покупали ерунду. Одновременно и непрестанно все развлекались едой – если не в кафе, то прямо на ходу. Можно было увидеть семейство, где каждый держал в руке по огромной индюшачьей ноге. Ирина тоже купила индюшачью ногу и попробовала ее съесть, потом ее доедал Василий. Гулять было приятно, но еще приятнее для Ирины было чувство, что ее с нетерпением ждут. Василий то и дело оглядывался на вход, где она должна была появиться. Вот он стоит с широкой, неестественной, надо признать, улыбкой – “please, please” - и протягивает деревянную ручку толстой негритянке. Негритянка не решается подойти к прилавку, она находится в пяти метрах от витрины изобилия русского и постсоветского китча.

- Мадам, - говорит Василий радостно, - итс э презент фор ю!

Негритянка бросает свое грузное тело вперед на этот призыв и протягивает огромную длань за презентом.

Но Василий отдергивает руку, ласково уточняя:

- Уан доллар!

Негритянка по инерции продолжает тянуться к ручке, берет ее и начинает изучать, нахмутив брови. Вероятно, надеется обнаружить в изделии какие-то дополнительные функции; но это всего лишь раскрашенный деревянный корпус с простым шариковым стержнем. Мадам крутит сувенир, застенчиво взглядывая на Василия, изучая заодно и его. В конце концов ручка возвращается на прилавок.

- Пуськин? Пуськин? – спрашивает другой посетитель, неуверенно указывая на куклу Тараса Бульбы в шароварах, папахе и с усами. Парню хочется пообщаться, но

Василий не понимает по-английски. “Perestroyka”, “glasnost”, “Gorbachev” – произносят они по очереди, и беседа заходит в тупик. Но оба довольны: трясут друг другу руки и горячо обнимаются.

Главный закон выставки стал ясен Ирине на второй день: ты продаешь мелочи, разговариваешь с сотнями людей. Часами ничего или почти ничего не зарабатываешь, но ждешь удачи. Потому что из толпы зевак найдется один, кто обратит внимание на картину за несколько сотен долларов, купит самую дорогую вещь, предложит перспективное сотрудничество. Надо лишь дожидаться своего шанса, надо быть готовым к нему. За ужином Ирина по просьбе Василия учила его английским фразам. Затем он проводил ее, полуживую от усталости, до двери гостиничного номера и даже не поцеловал в щеку. Впрочем, Ирина едва успела подумать о его отстраненности – она провалилась в сон на долгие десять часов.

Рано утром в номере раздался резкий звонок телефона. Ирина не могла проснуться: десять, двадцать сигналов, потом пауза, еще двадцать пронзительных гудков. Наконец, телефон умолк.

Она поняла, что это позвонил Ник: знакомые рассказали ему о русских стендах на выставке, он навел справки и выяснил, что Ирина Ильницкая остановилась именно в этой гостинице. Но Ирина не смогла встать и поднять трубку, она обессилела. Тогда Ник сел в машину и примчался в отель, на огромной скорости подогнав к подъезду свой красный гоночный автомобиль. Почему-то он был одет как жених в американских фильмах, в смокинге с бабочкой, и рядом с ним лежал свадебный букет, а на заднем сиденье – целая клумба любимых Ириной тюльпанов. Ник сидел в машине, смотрел на ее окна и терпеливо ждал. Когда она почувствовала его спокойное ожидание, то побежала, чтобы быстрее дотронуться до его щеки, погладить мягкие волосы. И оказалось, что она выбежала на крыльцо в халате на голое тело. Но когда же она могла его надеть? Она спала обнаженной, ночью было жарко. Значит, она не успела надеть халат.

А вдруг Ник подумал, что она спала не в своем номере, а у Василия? Это неправда, Ник!

За то время, что мы расстались, я ни разу, даже мысленно, тебе не изменила. Мысленно? Надо проверить свои сны.

Ирину разбудили настойчивые телефонные звонки. С трудом ей удалось встать и подойти к тумбочке.

- Так ты хочешь увидеть океан или нет? С девяти часов пытаюсь добудиться! – негодовал Василий.

- Вася, я как вчера вырубилась, так и не могла прийти в себя.

До завтрака они прыгали и плескались в волнах океана. Рядом с ними плавали фламинго. Ирина очень любила море, но даже представить себе не могла, что океан дает такие сильные ощущения, энергия его другая, неизмеримо более сильная чем у моря. Она знала, что сейчас красива, светится радостью. Она видела, что без одежды Василий – очень привлекателен. Ей захотелось ощутить эти мускулы, потрогать сильное тело, почувствовать как ловко оно двигается. После купания они лежали на песке; Василий мимолетно погладил ее руку. Хорошо, что лежа на животе можно было отвернуться – она чуть не закричала.

Когда Ирина развешивала мокрый купальник и полотенце в ванной, в дверь номера постучалась прислуга и спросила, когда можно будет убрать номер.

«Начинайте», - разрешила Ирина. Она была уже готова к выходу, внизу ее ждал Василий. Проворная девушка-мексиканка вошла и первым делом взялась за корзину для бумаг.

Выходя из комнаты, Ирина споткнулась, будто на пороге наткнулась на проволоку - и бегом вернулась, вынула обрывки карточки Ника из корзины, аккуратно сложила их во внутренний кармашек сумки.

В этот день на выставке им повезло; пришла покупательница, вся в золоте и белых

кружевах, и купила дорогие комплекты матрешек. Эта женщина была богатой уроженкой Кубы. Потомков семейств, бежавших с острова Свободы во время революции, в Майами оказалось немало.

Крутиться на выставке пришлось до самого закрытия, и у Ирины не осталось сил даже для ужина. Она сказала Василию, что есть совсем не хочет, примет душ и ляжет спать.

- Может, погуляем? – спросил Василий. Он как раз выглядел бодрым: был доволен, что пришла первая хорошая прибыль.

- Я не могу. Язык и ноги просто отваливаются, - взмолилась Ирина.

- Но я не хочу, чтобы ты легла голодной! Отдохни, а я принесу тебе фрукты.

Сказано это было так просто и по-товарищески, что Ирина не отказалась, и через полчаса, приняв душ, открыла дверь своего номера. Василий явился с красивым натюрмортом из фруктов на блюде; он торжественно промаршировал на балкон, напевая. Они устроились на балконе, ели манго и груши.

- Я дико соскучился по работе. Ты не представляешь, что это за тоска не писать и даже не рисовать неделю. Скоро на людей начну кидаться, – со вздохом пожаловался Василий. – Слушай, а можно я тебя порисую? Вот так, рядом с фруктами. Не убирай волосы, ладно?

- Хорошо.

- Ты ешь, но не меняй позу, пожалуйста. Я сбегая за бумагой и карандашами.

Ирина сидела и ждала, настроение было безоблачное и светлое. Она ни о чем не думала, просто смотрела на цветущий кустарник, слушала птиц и смотрела на закат. Такая настоящая жизнь – наблюдать происходящий момент и понимать его красоту. Такая чистая эмоция – ожидать друга.

Василий делал набросок за наброском на прозрачной бумаге угольным карандашом. Ирина то делала вид, что читает журнал, то просто грызла яблоко и смотрела на художника. Она уставала сидеть в одной позе, он же работал азартно, быстро – и это после длинного дня, проведенного на ногах.

На улице стемнело, они перешли с балкона в комнату и включили торшер, зашторили окна. Василий теперь рисовал ее сидящей на кровати, и Ирина видела, что он не притворяется, действительно увлечен только рисованием. Она понимала, что для художника, наверное, одежда – лишнее, линии женского тела рисовать интереснее, чем складки халата. А может, это и не так. Но предложить самой – давай я разденусь, это, наверное, все равно что предложить себя...или нет? Ирина плотнее запахнула халат.

- Да, обнаженная натура – это самое сложное, что можно придумать для студий, - сказал Василий задумчиво. Будто ответил на ее мысли.

- Устала?

- Нет! Я уже отдохнула. - Она действительно больше не чувствовала усталости.

- Давай ты приляжешь, и я сделаю последний рисунок.

- В халате?

- Ну да. Я не могу просить тебя раздеться, ты стесняешься, наверное.

Ирина ощущала сладкую дрожь, легла на кровать и лежала долго, минут двадцать с закрытыми глазами, пока он рисовал. Что-то у него не получалось, он досадливо шипел, исправлял, мял листы, бросал их на пол. Она лежала и думала, как же это вышло, что все-таки они сблизились, как такое могло случиться? Она влюбилась? А он?

- Спасибо тебе большое. Какой-то зуд я утихомирил. Благодарствую, - сказал Василий нежно. – Ириша, ты спишь? Прости, пожалуйста, я тебя замучил.

Ее возбуждение не проходило.

Художник выключил торшер и на цыпочках вышел из номера.

Ирина неожиданно для себя расплакалась. Что это значит? Почему я разлеглась как дура, готова была чуть ли не предложить себя? Надо забыть свои эротические бредни, подумала она, он просто работал. Художник рисовал меня – и только. Думал о чем-то своем.

Она вышла на балкон. Завтра буду другой, - строгой, немного холодной, тоже буду держать дистанцию. Надо найти аптеку и купить валерьянку! Есть же у них здесь обыкновенная валерьянка. Потом опять привиделся Василий: какой у него спокойный, но в тоже время властный голос, какие сильные руки...достоинно держится. Почему он не хочет меня - я ему не нравлюсь?

Утром Василий взял в аренду машину и предложить съездить в «настоящий американский» супермаркет.

- Мне нужно в аптеку, - сказала Ирина.

- Там есть все! – заверил Вася. – Хочу, чтобы ты увидела это великолепие.

Как едут за тридевять земель посмотреть на водопад или на океан и привозят домой уникальные впечатления об этих чудесах - так же из заграничного путешествия домой привозили видеозаписи прилавков магазинов с огромным ассортиментом сыров, развалом колбас или мяса. Обыкновенного мяса, но свежего. В то утро Ирина впервые бродила по обычному американскому супермаркету. Она восхищалась, одновременно сокрушаясь:

- Мне так жалко маму, - лепетала Ирина, – она никогда такого не увидит. За что ей это?

- Заработаем, куплю видеокамеру, и мы все заснимем. Буду показывать детям. –

Василий энергично изучал гастрономический отдел. - Я сыры пытался посчитать, но сбился. Колбас еще больше!

Ирина лишь заглянула на этаж, где тянулись длинные ряды одежды. Заходить туда было страшно.

- Пойдем посмотрим, интересно же, - предложил Василий. – Померяешь что-нибудь.

- Нет, не надо, поедем на выставку, это потом.

- Боишься увидеть слишком много красивых платьев? Ну ладно, потом так потом. У нас еще будет время прийти сюда.

Все, что они видели здесь, казалось не только удивительным, но и благоприятным для человеческого существования.

Валерьянка подействовала, Ирина теперь засыпала спокойно.

Они купались в океане и на следующее утро, и через два дня. Однажды, когда рано утром загорали на почти пустом пляже, Василий осторожно провел ладонью по руке Ирины, нежно прикоснулся к ее коже. Потом взял ее расслабленную руку и стал целовать пальцы; один, другой, вдруг плотно прижал к песку и поцеловал Ирину в губы, ласкал грудь...Взявшись за руки они то бежали, то останавливались и целовались – и так дошли до ее номера. Ирина смеялась. Она ощутила, что за эти дни родилась заново вдвойне, потому что никогда раньше, занимаясь любовью, не испытывала столь сильное и несравнимое ни с чем потрясение:

- Ты талантлив, талантлив, - шептала она после любви и гладила Василия, его руки, спину, - страшно талантлив, а если бы я не узнала?

- Скажи.

- Ничего.

Если бы она никогда не узнала, что возможна такая полная чувственная жизнь. Жизнь как удовольствие и чудо.

- Я никогда не целовал таких красивых женщин, веришь?

- Совсем не верю.

- А я говорю правду...мне со стороны виднее, я же художник. На пляже с первого дня, мне хотелось схватить тебя и целовать. И еще. И здесь!

Ей казалось, что тело переродилось, дышит и радуется.

Вечером Василий рисовал ее обнаженной. Ирина то смеялась, вспоминая свои страхи, то засыпала всего на несколько минут. Теперь она видела свое тело глазами художника, она восхищалась своим телом, была благодарна ему за то, что оно молодо и прекрасно.

С того дня они не высыпались: утром купались и целовались на пляже, вечером

Василий рисовал с нее «ню» и, отрываясь от рисунков, ласкал Ирину.

Может быть, по этой причине, а возможно оттого, что обстановка на дороге была незнакомая и движение интенсивное, Василий водил машину очень нервно, дергано. Ирине казалось, что они часто находятся на грани аварии.

- Зачем ты надела короткую юбку, - жаловался он, - я же должен смотреть на дорогу.

- И смотри.

- Не могу! Мне хочется погладить, вот так. У тебя же шелковые бедра, шелковые. - На нас смотрят, неудобно.

- Пусть все завидуют мне.

- Вася, мы разобьемся, посмотри, как они носятся!

- Но если мы разобьемся, вдвоем, после того, что произошло – это же будет счастье. Согласна?

Ирина была совершенно согласна. Развилки были такими сложными, что запомнить, куда именно надо сворачивать, было невозможно. Василий рассказывал о покупателе, который приходил к ним на стенд, когда Ирины не было.

- Знаешь, что самое главное в этом? Ведь мне дается шанс остаться в Штатах. Здесь ценят художников, не то что у нас.

У Ирины екнуло сердце: он останется здесь, его, несомненно, ждет блестящее будущее. А где будет она? Как она выживет без его ласк? «А как же я, Васенька?», – хотелось ей спросить.

- Ты не боишься? – спросила она осторожно.

- Нет, - сказал он весело. - Здесь свободное общество, здесь бояться вообще нечего. А этот кубинец хочет купить все мои картины.

Ирина задумалась, глядя на пейзаж за окном машины.

Затем произошла авария. Они были четвертой машиной после тех, что столкнулись на перекрестке.

- Тормози!!! Господи! – закричала Ирина. Ей казалось, что все происходит невероятно медленно: машины крутились, опрокидывались, плавно наезжали друг на друга. Их машина неестественно, тоже медленно, закрутилась на месте, съехала вбок, на обочину – и остановилась.

Незадолго до аварии у Ирины перед глазами вдруг возникло лицо Ника: он пытался уберечь ее от опасности? Будто Ник все еще хранит ее. Несмотря ни на что. «Я даже не сняла его кольцо, когда была с Васей», - вдруг вспомнила Ирина. - «Ник, прости меня».

- Невероятно. Почему мы ни в кого не врезались? Так не бывает, - выдохнул Василий. Они долго ждали возобновления движения. Ирина думала о Нике.

Приехала полиция и несколько машин скорой помощи. Судя по всему, последствия аварии были ужасными – санитары бегали, выносили и быстро прятали носилки с пострадавшими. Амбулаторные машины с воем отъезжали, одна за другой. Ирина видела все это смутно, потом закрыла глаза.

Лицо Ника продолжало отчетливо стоять перед ее глазами – и, глядя на это полузабытое лицо, она разрыдалась. Ирина прижалась к Василию, но правой рукой раскрыла сумочку и пыталась там нащупать порванную визитку Ника. Она поняла, чего боится: погибнуть и не увидеть Ника. Предать его и уйти, не успев ничего объяснить. Ирина попросила Василия довести ее до комнаты и позволить отдохнуть в одиночестве.

Оставшись в своей комнате, она посидела немного, потом достала обрывки карточки и набрала номер.

- Yes, - ответил голос Ника.

- Ник. Ник! Это я – Ирина! – закричала Ирина хрипло. – Здравствуй!

- Где ты? Ирина!

- Майами, отель «Палм Бич».

- Это правда?

- Я здесь, я нашла тебя, Ник!

- «Палм Бич», номер...не надо номер, не вешай трубку, – ей показалось, что он говорит неестественно медленно. Потом он сорвался на крик. – О, Ирина, сиди там, сиди на стуле, только не уходи никуда, не отходи от телефона, слышишь?

Она сидела в темноте и шептала:

- Осторожнее, Ник, пожалуйста, я прошу тебя.

Он приехал быстро. Просто зашел в комнату, а она встала навстречу. Ник положил на кровать большой букет роз, обнял ее, и они стояли, прижавшись друг к другу. Оба плакали. Потом настало время каждому рассмотреть лицо другого и убедиться, что оно по-прежнему родное. Ирина потрогала кожу на щеке Ника:

- Я не верю, я тебе звонила-звонила. Ник. Живой.

Ник смотрел на нее с прежним восторгом и нежностью.

- Пойдем сядем, - сказал он, заметив, что ее шатает.

- Ник, скажи что-нибудь. Ты настоящий? – попросила Ирина.

- Забыть разговаривать по-русски. Ты есть моя музыка. Я буду только петь.

- Теперь будем говорить по-английски. Мы в Америке!

И она засмеялась, а Ник прикрыл глаза и кивнул.

4.

Утром 25 декабря 1986 года Ник напился. В казенной машине по дороге в Шереметьево он пел, а при посадке в самолет Москва-Нью-Йорк кричал, беспорядочно размахивая руками, что если какие-то совершенно неизвестные и непонятные люди считают его вещью, то пусть грузят в специальный отсек и обращаются с ним как со стратегическим грузом, или даже как с секретным оружием. Он объяснял стюардессе, что ненавидит государственные системы и суперсистемы, а также все с ними связанное. И напоследок Ник пригрозил ей, что вступит в партию анархистов. А ежели в Штатах таковой не найдется, то он вернется в Объединенное Королевство - уж там-то наверняка есть все, что может понадобиться порядочному человеку и истинному джентльмену.

Две недели спустя Ник оказался в одной из стран в Юго-Восточной Азии. Согласно новому контракту, который Ник со своей стороны не имел право расторгать в течение года, он должен был курировать постройку нескольких объектов. Месяцы, проведенные в чужом климате, с ощущением потери судьбы и воли, без сколько-нибудь сносного общения – Ник вспоминал как один серо-желтый беспросветный день.

Непосредственный начальник лейтенант Фелтон, человек с комплексами по отношению к «высоколобым», возненавидел его сразу, что не улучшало ситуацию. Лейтенант, пользуясь отдаленным положением их объекта от метрополии, заставлял Ника принимать участие в муштре и в бессмысленно изнурительных марш-бросках по джунглям. Ник почти не занимался своей работой, проектированием, лишь бегал строем вместе с двадцатилетними, а по вечерам напивался в мрачной сырой комнате. Уже летом он стал чувствовать слабость и приступы стенокардии, но ненависть и претензии сержанта при виде проявляющихся недугов архитектора лишь усилились. Иногда Нику казалось, что гориллоподобный человек получил не только задание, но прямое указание – угробить его в этой дыре. Он пробовал сопротивляться и не оставлял этих попыток. Но, во-первых, все здесь, на строительстве и в нескольких домиках персонала подчинялось Фелтону, а во-вторых, обильная вечерняя выпивка постепенно лишала его воли и желания выкарабкаться.

Образ Ирины представлялся Нику отсюда не более реальным, чем образ девушки-русалки (или же она была утопленницей?) в русской опере про мельника. Такую оперу он слушал в Лондоне в юности, сюжет позабыл, но помнились призрачные девушки в белоснежных одеждах и венках, толпящиеся вокруг лужицы озера – то ли они в этом

озере жили, то ли собирались попрыгать в него перед финалом второго акта, дабы всем вместе утопиться.

Ник разговаривал с Ириной часами, представляя ее лицо на дощатой стене комнаты. Ее тень регулярно появлялась на несвежем противокомарном пологe. Чаще всего Ирина приходила в чем-то снежном, подобно Снегурочке, иногда с белыми волосами, иногда с голубыми. Часто они катались на санках и на коньках, читали стихи или играли в прятки: Пьеро и Мальвина в кукольном театре.

Но постепенно закономерность – чем больше выпито, тем дольше в комнате задерживается сказочная девушка – стала его убивать быстрее и быстрее.

И на одной из пробежек по разбитой дороге, задохнувшись, как ему показалось, от ответной ненависти к лейтенанту Фелтону, Ник упал лицом во что-то липкое и мокрое. Ирина, силуэта которой на сей раз не было видно, просто некогда было разглядеть в навалившейся тьме, произнесла отчетливо: «А это – скорбный страж». До фляги с коньяком на сей раз он дотянуться не успел.

Был момент в его пробуждении, когда он подумал, что уже оказался в лучшем мире, совершив переход легко и незаметно. Это, безусловно, не могло не радовать. Напротив сидела умиротворенная Клэр, он точно так ее и воспринял. Не как хорошенькую или прелестную, а умненько-аккуратно-умиротворенную. Ник попросил ее честно признаться, кто она или что она, человек либо ангел и в какой субстанции – или же в каких таких разэтаких слоях они оба сейчас находятся.

Клэр сочла его тираду проявлением обаятельного островного юмора.

- Вам лучше? – задала она ему логичный вопрос.

Ник долго обдумывал ее фразу, прикидывая, есть ли чувство юмора у ангелов и сохраняется ли природа смешного в иных мирах. Потом попросил разрешения взглянуть, какую книгу она читала до его пробуждения. То был Воннегут, давно немодный, Нику это почему-то понравилось и успокоило его.

Клэр была дочерью очень богатого человека: деятельного канадского миллионера и молодежавого сенатора в одном лице. Она привыкла воспринимать свою могущественную семью, эту данность, как заклятие которое вряд ли удастся преодолеть, даже если редко появляться в доме родителей и добросовестно трудиться медсестрой, живя на собственные средства.

По той же причине в свои тридцать пять лет Клэр не собиралась влюбляться или выходить замуж, напротив, вскоре намеревалась отправиться в Индию в одну из христианских миссий и служить, воспитывая и согревая обездоленных детей.

Но она влюбилась в англичанина за ту неделю, когда под ее добросовестным присмотром он лежал около капельницы и бредил. Если он ненадолго приходил в сознание, то ему казалось, что он все еще бредит – поэтому Клэр услышала обрывки историй и монологов, которые и стали фундаментом ее внезапной решительной влюбленности.

Ник выздоравливал два месяца. Впервые в своей жизни Клэр почувствовала себя в согласии со своим происхождением; теперь не надо было все это отторгать, потому что приданое, раньше ненужное и обременительное, теперь могло помочь Нику.

Отец Клэр смог устроить так, чтобы Ника освободили от государственных обязательств и вернули лицензию, отнятую по недоразумению. Все это открывало любимому человеку вполне нормальную дорогу – назад, в социум. В том, что Ник талантлив и сможет успешно строить свой бизнес в дальнейшем, Клэр не сомневалась. Она выросла рядом с отцом и ему подобными яркими людьми, и с детства умела определять масштаб личности. Со здоровьем Ника более-менее наладилось, и тоже во многом благодаря Клэр.

Сложнее было с чувствами. Про саму себя Клэр все было ясно, она трезво осознавала и не считала нужным скрывать свои чувства и желания. Но непостижимая душа Ника! По отношению к честному рациональному сознанию Клэр душа Ника была столь же загадочна как душа русской женщины была загадочна для Ника. Он страшно тосковал

о девушке из России.

Возможно, рассуждала Клэр, насколько могла здраво, может быть именно за это я его и полюбила. И я понимаю, какое это счастье в моем возрасте – наконец-то полюбить. Следовательно, мне следует не только уважать его причудливые чувства, но и радоваться им. Это намерение оказалось трудно осуществимым.

- Меня обвинили в том, что вопреки контракту я вступил... в тесный контакт с женщиной, которая является агентом КГБ, - путаясь в деталях объяснял ей Ник во время прогулок. - Потом выслали из Москвы, лишили лицензии, отправили на край света строить военную базу в наказание неизвестно за что. Меня перепутали с Кимом Филби. Но почему? Я не так много пью.

- Ты не догадывался, что она работает на КГБ? – спросила тогда Клэр и пожалела о своей привычке задавать прямые конкретные вопросы, потому что Ник страшно разволновался, побледнел.

- Она никогда не работала на КГБ. Ирину оболгали. Ее лучшая подруга написала донос и отправила в наше посольство. Та девица точно знала, что и как надо сделать.

- Подруга? Нелогично. Зачем?

- Я не могу понять. Кстати, подруга как раз работала на КГБ, мне сказал Джон, он с ней встречался. Одно время даже хотел жениться на той девице. Рождественским утром перед моей отправкой из Москвы мы с ним вместе напились.

- Подруга тоже любила тебя? – Клэр казалось естественным, если бы все русские девушки влюбились в Ника.

- Чуть. Никого она не любила, мать твою, - Ник выругался и не извинился.

Клэр сделала вид, что не услышала.

- И что потом?

- Потом я чуть не умер. От любви к Ирине. Она, ты не можешь себе представить какая она чудесная, и красавица... - теперь осекся Ник, увидев лицо медсестры, женщины, к которой он привязался за эти недели как к единственному другу.

- Расскажи, и я попробую представить ее себе. Она же все равно – человек, - попросила Клэр, выговаривая слова будто с трудом.

Ник понял, что она действительно не хочет, чтобы он лгал. Ему очень хотелось говорить об Ирине, но он вдруг осознал, что это жестоко.

- Она такой же человек. Из плоти и крови. Говори, – настаивала Клэр.

- Да, - Ник будто получил вдохновившее его творческое задание описать Ирину. – Но понимаешь, ее нельзя постичь. А когда пытаешься приблизиться – испытываешь непрерывное счастье. Или восторг. И еще! Она меняется, все время меняется – ты думаешь, что наконец узнал ее, но на следующий день появляется новое, чего ты не знал в ней. Это как путешествие... в сверкающем мире, только добром и теплом, в прекрасном мире... ни один человек не способен добровольно отдалиться от него. Это рай! Когда я был в ее руках, я был в раю.

На лице Ника отразился экстаз, который можно было сравнить с религиозным.

Это было настолько чересчур, что Клэр немного успокоилась. Даже принимая во внимание легендарные снега России, балет, всю русскую музыку и литературу вместе взятые, с хитроумной, ставшей классической, системой актерской игры в придачу, - как ее, система Чехова или как-то по-другому. Даже если принять во внимание эти объективные факторы, то в любом случае ясно, что Ник романтик и, возможно, слегка инфантилен. Конкурировать с созданной им легендой все равно что соперничать с умершим человеком: образ ушедшего никогда не станет хуже и останется идеалом. Однако реальный мир живет и дышит, и у нее, Клэр, есть шанс провести симпатичные сорок лет рядом с этим человеком. Она-то для себя уже все решила. Важен каждый будничные день: завтраки, простыни, разговоры. Домашние цветы и цветы садовые. Собака-непоседа и прожорливая кошка. Прогулки. Утром, пока она варит кофе, он бежит за круассанами и газетой. Привычные прикосновения днем, поцелуи перед коротким расставанием, беседы, когда вместе на переднем сиденье машины, он за рулем. Она за рулем, одна, едет в супермаркет или в дорогой магазин выбирать для

него рождественский подарок. Дети...

- Наверное, она похожа на одну из героинь Достоевского, - подсказала Клэр участливо.

- Я не очень хорошо помню, надо перечитать, - Ник замкнулся.

- Ник, - сказала Клэр очень тихо, - ты уникален, кто еще сегодня может так сказать: я чуть не умер от любви.

Все же ей пришлось отвернуться, чтобы скрыть слезы. Она подняла голову так, чтобы слезы не пролились явно и стояла, смотрела на небо и на облака. Основной фон, голубой, - подумала она, - это жизнь человека, например, это жизнь и судьба Ника. Облака – это люди, которые встречаются ему на пути, появляются и исчезают. Что сопровождает постоянно? Солнце и луна. Луну на дневном небе почти никогда не видно, значит, можно считать, что ее нет. Все! Нет ее – потому что мы ее не видим! И пусть она влияет – только скрыто.

- Ник, можно тебя спросить?

- Спроси.

- А твоя любовь к ней умерла?

Теперь Ник отвернулся. Они гуляли по ухоженному парку при клинике, рельеф которого был выстроен прихотливо и заботливо: лужайки переходили в небольшие пруды, в которых плавали утки. Цветы словно случайно собирались в невычурные клумбы, глаз отдыхал на зарослях кустов. Ник с грустью отметил, что фантом Ирины давно не появлялся перед ним, но несмотря на это за каждым поворотом даже этой зеленой тропинки он ожидал и чувствовал ее.

- Прости, Клэр. И я не хочу этого.

- У тебя есть ее фотография?

- Нет. Я боялся ей навредить и не взял. Не могу простить себе такой трусости.

Поженившись, жить они решили в Майами, в доме Ника, который постепенно перестраивали. Способности и идеи Ника отлично вписались в некоторые проекты старого Майка, отца Клэр. Сначала Ник возглавил, а затем и выкупил у тестя две фирмы, одну в Штатах, другую в Канаде. Через год, в сентябре 1989 года, у Клэр и Ника родилась дочь, они назвали ее Ирэн. Еще подобрали собаку, она оказалась очень разумной и откликнулась на имя Минька.

Василий, помня о просьбе Ирины позволить ей отдохнуть, честно пытался провести переговоры самостоятельно. Они с кубинцем стояли напротив друг друга и разговаривали очень громко, поскольку каждый понимал собеседника с трудом. Могло показаться, что они ссорились перед картинами и из-за картин: коренастый, тщательно одетый мачо и огромный Василий, нависавший над кубинцем. Оба размахивали руками и все время тыкали в полотна: один длинным пальцем, второй – волосатым, но украшенным. Наконец, кубинец достал золотую ручку, блокнот и стал писать на листке цифры. «500» - появилась крупная надпись.

Василий взвыл, словно кошка, которой на хвост с размаху поставили табуретку.

Кубинец не обратил на его реакцию ни малейшего внимания.

- Файв хандредс, - озвучил он свое предложение.

Василий ловко выхватил блокнот и написал что-то свое. Улыбаясь, слегка ткнул блокнотом под нос кубинцу:

- Таузенд! И не копейки меньше. Ты понял-нет?

Теперь кубинец изобразил такое страшное негодование, будто Василий обидел его родителей и всех сестер в придачу. Он как бы знал о страшных Васиных пороках и постыдных недостатках, но в великодушии своем готов был их простить. Поэтому выразив свое возмущение в полной мере, он укоризненно, даже с ноткой страдания в голосе произнес:

- Не! Карашо! Россия-Куба: мир-дружба!

- Ты, капиталист хренов, здесь еще мне будешь говорить, - на сей раз сдержанно отозвался художник. - Сбежал от Фиделя, а теперь примазываешься. Таузенд, я

сказал.

Кубинец погрузился в раздумья, затем забегал вдоль расставленных у стены картин, семеня ногами в мягких, словно из перчаточной кожи сшитых ботиночках. Некоторые картины он трогал, переворачивал, разглядывал вблизи, - и на лице у него появлялась гримаса пренебрежения.

Кубинец постучал пальцем по одному из подрамников и показал его Василию, демонстрируя, какой это негодящий подрамник. Василий лишь равнодушно пожал плечами.

Кубинец внезапно вспомнил и оживился:

- Фидель – грейт персон, - сказал он доверительно, словно только что совершил любопытное открытие.

- И что с того, приятель?

По логике кубинца это означало следующее:

- Ту таузенд фор олл, - провозгласил он оптимистично и широким жестом обвел руками картины.

- Ну ты наглый парень. Знаешь что? Стой здесь! Я сбегая за переводчиком За Ириной, понимаешь? Стой, жди меня здесь. Неаг.

Василий изобразил как он побежал, а потом, по-собачьи запыхавшийся вернулся.

Кубинец отрицательно помотал головой, выпятил запястье с большими золотыми часами и сунул их под нос художнику.

- Тайм, - вздохнул кубинец. - Пошел-пошел.

- Что же делать-то... - растерялся Василий.

- Завтра прийти, at this time.

- Задаток давай!

- Зада-ток?

- Ток, ток, ё-моё! Давай ручку, щас я тебе объясню.

Ирина опомнилась, услышав необыкновенное слово:

- Дочка. Ник, у тебя – дочка?

- Да, ее зовут Ирэн, Ирина. И жена Клэр. Мы живем здесь, в Майами.

Она встала с кровати, раздвинула занавески и вышла на балкон. Те же цветы, пальмы, небо - и Ник рядом. Мир опять изменился: его базовая картинка совсем не та, что была вчера. Она чувствует тепло и любовь Ника. И он – женат.

Ирина обернулась и улыбнулась ему - он стоял в дверях балкона.

- Ник, у тебя есть фотография?

- Да-да, конечно, - он как-то суетливо полез во внутренний карман пиджака и протянул фото Ирине. – Она спасла меня, - сказал он будто извиняющимся тоном, показывая на неяркую женщину, очень просто одетую. Женщина на фотографии сидела на зеленой лужайке рядом с маленькой девочкой и собакой.

Ник коротко рассказал о том, о чем Ирина не спрашивала:

- Выслали меня тогда, оказывается, по доносу твоей подруги. Эля, кажется? Она сотрудничала с вашим КГБ, но в доносе написала, что это ты - агент. Меня послали строить военные объекты, я был разорен и раздавлен. Заболел. Клэр меня выходила. Помогла выжить.

- Клэр знает про меня?

- Да, все и самого начала. Ее любовь бескорыстна.

Ирина стала осознавать, что несмотря на то, что Ника не было - и даже несмотря на то, что она влюбилась в Васю – она все время считала, что Ник ее часть, собственность.

Незыблемый капитал! Она верила, что его любовь к ней несокрушима, если только он жив. И вот он, слава Богу, живой и невредимый, но давно, оказывается, спит с другой женщиной, радостно завтракает в семейном кругу, борется с ангиной или с зубной болью, по воскресеньям поливает свою лужайку из шланга и поднимает над ней национальный флаг. При этом не сошел с ума от горя! Это удивительно или возмутительно? Это предательство. Нет?

- Что значит бескорыстно...так бывает? – спросила Ирина немного раздраженно.

Ник кротко пожал плечами. Он по-прежнему оправдывался, будто совершил недостойный поступок.

- Я верю Клэр, она человек хороший и честный... Даже после рождения дочки жена уверяла, что если вдруг я разыщу тебя – она отпустит.

- Ты не разыскивал.

Ник отвернулся.

Господин судья! Уважаемые присяжные! Я должен был подняться, вернуть себе самоуважение, работал как сумасшедший. На это ушли месяцы и годы. Мне очень помог старый Майк, отец Клэр, и я не могу так просто взять и забыть об этом.

Он обнял Ирину и тихо сказал:

- Теперь у меня есть деньги, я почти богат...и по-прежнему тебя люблю, Клэр знает. Решать надо тебе, - Ник заметно побледнел и почему-то он торопился говорить, проговаривал быстро. - Если ты решишь, что мы должны быть вместе, то давай уедем в Нью-Йорк или в Лос-Анжелес, купим там дом и начнем строить совместную жизнь. Она очень внимательно смотрела в его лицо и не могла понять, что хочется Нику: чтобы она согласилась разрушить его маленькую семью, чтобы она отказалась? Себя ей было понять еще труднее.

- Хитренький какой Ник! Как решать - так сразу мне. Но у меня тоже возникли новые обстоятельства. Кроме того, у меня есть обратный билет в Москву, через два дня.

Ирина нежно поцеловала его в лоб. Он поморщился страдальчески и поймал ее руку:

- Билет – такая ерунда...ты носишь мое кольцо?

- Да. Мне кажется, это мой оберег, - тихо ответила Ирина.

- Оберег. Что это, любимая?

В этот момент раздался треск: Василий открыл дверь в номер ударом ноги, потому что руки у него были заняты двумя корзинами – с цветами и с фруктами.

- Живем, Иришка! Я получил залог за картины! – огласил он комнату громким воплем и, встав на колени, стал пропевать латиноамериканские рулады, - беса мэ-э, беса мэ! Эх, ма, ламор-ламорре-курас-сон!

- Это есть обстоятельства новые? – тихо спросил Ник. Они с Ириной все еще стояли на балконе.

- Хай, - сказал Василий сникшим голосом, увидев Ника, и поставил корзины с дарами на пол.

- Привет, я Ник.

- Василий, это Ник, Ник – это Василий, - представила Ирина.

- Ирина, я немного тороплюсь. Давай я приеду завтра. На выставку. А ты подумай.

Из номера Ник вышел спокойно, сумел даже на ходу вежливо улыбнуться Василию. С Ириной не попрощался. Прежде чем завести машину, он долго сидел, положив голову на руль. Плечи Ника вздрагивали.

Василий оглянулся вслед джентльмену, на вид нестарому, но седому.

- Это кто – твой американский дядюшка?

- Ник.

Ирина в ванной аккуратно занималась букетом. Она включила воду и пыталась обрезать розы, со стеблями длинными и гибкими как лианы, пластмассовым ножиком из аэрофлотовского набора. Василий последовал за ней в ванную.

- Я слышал, как его зовут. Откуда он у тебя в номере? Поклонник?

Ирина присела на край ванной и посмотрела на Василия внимательно – ей хотелось сравнить...Возможно, увидеть что-то отталкивающее в этом человеке. Она ведь может ничего не говорить Васе, а завтра уехать с Ником, начав совершенно новый сюжет своей жизни.

Мы путешествуем по всей Америке и останавливаемся в лучших отелях. Он дал мне кредитную карту – «чтобы ты могла приодеться». На следующей неделе нам предстоит трудная работа – присмотреть дом в пригороде Нью-Йорка. Или Лос-Анжелеса. Я должна срочно сдать на права. Я должна срочно сдать на настоящие

американские права. Какую марку автомобиля я предпочитаю?

Але, мамочка, слышишь меня? Мы с Ником поженились, да, в Нью-Йорке. Флер-д-оранж – флер-д-оранж...нет, мне не полагается, мама. Но элегантный костюм от известного дизайнера – почему бы и нет?

- Ник мой старый друг... - наконец ответила она Василию, - мы встречались в Москве, давно, еще до перестройки. Я позвонила – и он приехал.

Василий смотрел серьезно:

- Так. Дальше, - потребовал он жестко.

- Ничего: завтра он придет к нам на выставку.

- Картины покупает? Живописью интересуется?

Ирина не могла понять – Вася шутит или он настолько толстокожий, что не чувствует ее состояния?

- При чем здесь...

Она подумала, что сейчас ей больше всего хочется остаться одной. Но Вася внезапно повеселел, схватил свою корзину с цветами, стал доставать и подбрасывать цветы к потолку, бросать в нее:

- Тебе мои не понравились, да? Сейчас принесу другие. Я буду таскать тебе цветы, пока ты не поцелуешь меня, Иришка! Скажи, когда же ты поцелуешь, наконец, несчастного художника, - кричал он, напялив на голову пустую корзину.

- Я поцелую, потом, просто я перенервничала.

- Что тебя встревожило, любимая, - авария? Или этот дядя?

- Все сразу.

Вася вдруг отбросил корзину и стал целовать ее, пытаясь повалить на кровать, - она старалась освободиться из его объятий. Он настаивал, шептал: «я теперь богатый художник, знаешь, почти продал все картины...я специально покупал не колючие, не эти противные розы... потом пойдем отметим, купим что-нибудь очень красивое, дорогое, самое лучшее. Я обожаю твою грудь, ну сними, сними все это, пусть останутся только цветы. Обожаю твой рот».

Вечером они поехали в центр и шатались по ночному городу, разглядывали витрины дорогих магазинов. В бутике выбрали для Ирины платье, в специальном магазинчике покупали материалы для живописи: кисти, краски, лаки. Василию очень понравилось, что продаются холсты, уже натянутые на подрамник, и он купил себе несколько заготовок для будущих картин. Он рассказывал Ирине о своих замыслах, о том как будет писать серии картин – по двенадцать – и выставлять здесь, в Майами.

- Представляешь, Иришка, объявляется на весь город вернисаж Василия Алгунова – и в какой-нибудь галерее в Даун-тауне собирается богатая публика, дамы в вечерних платьях, мужчины в смокингах. Все пьют только французское шампанское. И ты, хозяйка вечера, надеваешь это платье и принимаешь гостей. Ты такая умница, самая элегантная – я горжусь тобой.

«Он видит меня в своем будущем!», - обрадовалась Ирина.

На следующий день Ник пришел на выставку днем; он выглядел бодрим и импозантным. Ирина не знала, что перед этим он стоял, наблюдая за ней и Василием, пытаясь понять, можно ли доверить жизнь Ирины этому русскому художнику.

Вчера с Клэр они смотрели по телевизору документальные сюжеты, снятые в России. Журналист, которому Ник склонен был доверять, показывал и комментировал ситуацию с продовольствием в далекой стране; он заснял пустые прилавки и очереди за продуктами в Москве и в Питере. Но больше всего Ника и Клэр поразил сюжет отснятый в глубинке: журналист взял интервью у нескольких пожилых людей, они говорили на фоне своих разрушенных жилищ. В целом картина была не просто безрадостная – совершенно безнадежная. Взволнованный Ник признался жене, что Ирина сейчас в Майами. Сказал, что у Ирины, кажется, появился бойфренд. Клэр молчала, почти испуганно, пытаясь осмыслить тяжелую для нее новость.

Ник вдруг стал говорить о том, что большое счастье, если ты можешь кому-то на земле помочь, и если в помощи нуждаются люди, с которыми судьба свела тебя близко, – то это тем более явное указание сверху на то, что надо действовать.

- Трудно что-либо возразить на такую глубокомысленную сентенцию, - ответила Клэр сдержанно, но испугалась, что получилось грубо; лицо Ника мгновенно застыло и стало непроницаемым. В конце концов, разве не клялась она себе благосклонно принимать его душевные тревобления? Он служит этой женщине из России. Она, Клэр, служит ему.

- Ты что-нибудь решил? - спросила Клэр смело. Внутри у нее все сжалось от страха перед ответом.

- Пока нет. Я хочу завтра побеседовать с ней и с ее другом, узнать, какие у них планы. Но если они хотели бы остаться в Штатах – у меня есть соображения как можно им помочь.

Клэр с трудом изобразила рассудительный кивок, приблизительно означавший «ну что же, ты знаешь, что делаешь» и поспешно ушла в ванную. Под душем она пыталась смыть с себя унижительный страх, который этим вечером подполз к ней так близко. Наверное, думала Клэр, любое несчастье можно вытерпеть, но только не этот страх ожидания удара.

Ник лег намного позже ее, но Клэр все еще не спала. Она спросила его:

- Ты меня хоть немного, ну чуточку, любишь?

- Думаю да, - ответил Ник после длинной паузы. Клэр стало ясно, что продолжать разговор, добиваться более конкретных или, как хотелось бы, более ласковых ответов не только бессмысленно, но и опасно.

Они лежали молча. Клэр не удержалась и всхлипнула, но Ник не утешал ее.

К утру Клэр решила, что поддержит мужа какое бы решение он ни принял. Надо молиться, просить сил и терпения. И будь что будет. Так всегда делала ее мать.

В одиннадцатый утра Ник встретился со знакомым юристом, занимающимся проблемами эмигрантов, и после встречи приехал на выставку. Внимательно рассмотрел экспонаты на стенде Василия, спросил о ценах, особое внимание обратил на выставленную живопись.

- Вы не возражаете, если мы с Ириной прогуляемся? – спросил Ник у Василия некоторое время спустя.

Тот отвечал приветливо:

- Гуляйте хоть целый день. Только возвращайтесь обязательно, без нее я глухонемой! Ирина с Ником прошлись по выставке и сели выпить кофе в забегаловке.

- Ты решила? Про нас с тобой?

- Да, Ник. Да. Ты женат, у тебя есть маленькая Ириша. Я возвращаюсь в Москву.

Ирина расслабленно смотрела по сторонам, наблюдая ярмарочную суету, уже ставшую привычной. Она думала: надо запомнить, как мы с Ником сидим, просто сидим под мягким солнцем в кафе, а вокруг толпа праздных людей с детьми. Надо накопить впечатления, взять их с собой домой – яркое небо, цветущие кусты диковинных цветов, сильный ветер с океана, благожелательные улыбки людей, любящие глаза человека, сидящего напротив. Когда он смотрит на меня, у него такие большие зрачки. Мягкие предупредительные жесты. Во всем мире он один ухаживает за мной; другие требуют, берут, возможно, нуждаются в чем-то, что есть во мне, но лишь Ник ухаживает за мной ради меня. Его восхищение тоже можно запомнить. Кажется, я смогу питаться этим очень долго, возможно, всю жизнь, сколько ее осталось.

- Ясно, - выдохнул Ник после паузы. Он ожидал подобного ответа, но где-то, глубоко запрятанная, у него оставалась надежда, что Ирина решит иначе. – Кроме всего прочего – у тебя роман.

- Я должна вернуть тебе кольцо?

- Только если собираешься надеть другое кольцо.

Она раздумывала, как лучше сейчас объяснить Нику, чтобы ему не было слишком

больно: повторить, что она жалеет его семью или подтвердить более определенно, что влюблена в Василия?

Но Ник не дождался ее объяснений, произнес спокойно и мягко:

- Я придумал кое-что, Ирина. Давай вечером обсудим это втроем, с твоим бойфрендом. Предложение касается вас обоих. А теперь давай вернемся в павильон, сегодня очень много посетителей.

Вечером Ник предложил им устроить в Майами галерею русского искусства. Ирине Ник пообещал оформить фиктивный брак с одним из своих друзей – с тем, чтобы она могла получить разрешение на работу, и тогда галерея была бы оформлена на двоих, на Ника и Ирину. В ближайшее время они уже могли посмотреть помещение для галереи на Линкольн роуд. Все вместе решили, что Василий воспользуется обратным билетом в Москву, быстро соберет там новую коллекцию картин для их галереи и вернется по своей многоразовой визе.

Ирина была скорее ошарашена чем обрадована, у нее возникло много сомнений: как жить здесь без матери, каким образом устраивать быт, как вести бизнес. Ник обещал всевозможную помощь и поддержку. А лицо Василия стало таким счастливым, что Ирина успокоилась.

На следующий день она провожала Василия в аэропорт. Когда он прошел паспортный контроль и должен был скрыться за стойкой, Ирина внезапно чуть не задохнулась от страха: ей показалось, что она больше никогда не увидит Васю, останется здесь одна, глупая, одинокая, – а он, ее сила, ее тепло, новая жизнь, никогда больше не вернется в Майами. Ирина бросилась вперед и судорожно вцепилась ему в предплечье:

- Васенька, не бросай меня, не исчезай, - просила она.

- Ириш, ну успокойся, люди смотрят, - он пытался оторвать от себя ее пальцы и оглядывался по сторонам. - Я же вернусь, малыш, будь разумной девочкой.

- Не могу... боюсь тебя потерять, - шептала Ирина и заглядывала ему в лицо.

Сверху будто кто-то шептал «твоя последняя любовь». Она не может быть счастливой без этого человека!

- Ник поможет тебе, - торопливо объяснял Василий. - Через две недели, уже с новыми картинами, я буду здесь, и мы с тобой – станем – настоящими артдилерами. Я привезу шикарную коллекцию, любимая. Ну иди.

Нинель Леонидовна готовилась встречать дочь. Она сидела со своей подругой на кухне и рассуждала про Бермудский треугольник, вспоминая статистику катастроф в аномальной зоне. Телефон вдруг затрезвонил особенно заливисто – даже Сева вопросительно поднял ухо, и не ошибся. Впервые из Америки звонила Ирина.

- Доча! Дорогая! Заждалась тебя, - закричала Нинель: ей казалось, что с далеким континентом надо объясняться максимально громко, чтобы там услышали. - Мы тут с Веточкой обсуждаем какая ты счастливая, что увидела Америку. Встретим тебя на машине Алексея Кузмича, только не забудь купить ему красивую зажигалку.

Вдруг что-то остановило ее бодрые возгласы. Светлана Владимировна, подруга Нинель, увидела глаза, расширившиеся от ужаса.

- Как не приедешь, ты что, с ума сошла! Не смей, Ирина, слышишь? Это наша Родина, здесь твой папа... Делай что хочешь, только возвращайся. Дочь моя, ты не имеешь права! – увещевала Нинель и даже притопнула ногой, стремясь усилить убедительность своих слов, - нет... - Нинель бессильно опустила на стул рядом с телефоном и захрипела. Светлана Владимировна трясущимися руками поднесла стакан воды подруге.

- Ник помогает? Это лучше, доча, - чуть оживилась бледная Нинель. – Когда ты позвонишь?

- Ириша сказала, что ей дорого со мной разговаривать, - пожаловалась она тихо Светлане Владимировне, так и оставшись сидеть с телефонной трубкой в руке. – Какой-то товарищ привезет письмо. И сувениры. Господи! – всхлипнула Нинель и

встала, чтобы поплакать на плече у подруги.

- Ну ладно, не плачь, может, оно и к лучшему? – уговаривала ее Светлана Владимировна, – Ирочка ведь там с Ником? Ты сама говорила, что Ник хороший человек. И тебя, Нелька, заберут в Америку, мир повидаешь, не плачь.

- А если не заберут? И Сева у меня, куда же я его дену... так и останемся мы здесь с ним куковать. Веточка, давай погадаем, поставь-ка ты кофе, дорогая.

Ник повез Ирину показать помещение для галереи, которое он присмотрел в Даун-тауне.

- Вот, - указал он на пустые витрины первого этажа. – Здесь сдается зал под галерею и небольшая студия, очень удобно. На этой улице везде продают искусство – район престижный.

Дверь открыла мужеподобная женщина, одетая в рабочий комбинезон. Она показала Ирине и Нику небольшой зал с двумя прозрачными стенами, подсобные помещения.

Ник увидел округлившиеся от восхищения глаза своей спутницы и засмеялся:

- Смотри, здесь место для хранения картин, вот маленький офис. Пойдем посмотрим студию наверху. Там вы сможете жить.

Ему доставляло удовольствие показывать ей достоинства компактного, но оборудованного всем необходимым жилища.

- Потрясающе. Но это же очень дорого, Ник!

- Нет, нормально.

Ирина ходила, потом кружилась и прыгала. Глядя на ее восторг, улыбнулась даже тетка в заляпанном комбинезоне.

- Полэнд? – спросила она у Ника, когда Ирина уже в третий раз побежала наверх.

- Рашн, - ответил Ник.

Мужеподобная тетка с усами показала ему большой палец и сказала басом:

- Хороший вкус.

- Галерею можно назвать: «Russian art gallery», – предложил Ник, когда они на улице рассматривали витрину снаружи. Нравится?

- Я так тебе благодарна.

- Главное, оригинально, - пошутил он. - Вывеску можно будет поместить здесь, а внутри надо сделать подсветку. Чтобы картины было видно с улицы и даже людям за рулем.

- Ты так здорово все придумываешь, Ник! – восхитилась Ирина.

Около машины он шутливо указал ей на щеку, и Ирина поцеловала его, но когда Ник обнял ее за талию и хотел поцеловать в ответ, она отстранилась. Женщина в чумазом комбинезоне внимательно смотрела на них, но Ник едва махнул ей рукой, коротко бросил: «я позвоню», молча сел в машину, так же молча приоткрыл дверцу для Ирины.

В машине оба почувствовали себя неловко: она думала, что, по-видимому, обязана и должна каким-то особенным образом выразить благодарность за щедрое предложение. Он испытывал неприятное чувство, будто хотел купить ее расположение, хотя бы маленькую ласку. Нику действительно иногда казалось – что все равно, из жалости или в благодарность, но если бы она позволила ему хоть что-нибудь, - он был бы счастлив на несколько мгновений.

Он сосредоточенно смотрел на дорогу, движение в этой части города было опасным. Ирина вспоминала, как всего неделю назад во время аварии призывала Ника. И вот он появился, изменил ее жизнь. Теперь нельзя трусить, надо идти, двигаться вперед.

Почему же так грустно?

- Почему ты это делаешь? - спросила Ирина.

Ник резко затормозил на светофоре и едва не выскочил на встречную полосу. Остановившись резко выдохнул, опытный водитель - он знал, что могло сейчас произойти.

- Ты не ответил – почему ты это делаешь для нас? – настаивала Ирина, не обратив ни

малейшего внимания на его маневры.

Ник ответил раздраженно:

- Что я должен сказать: люди должны помогать друг другу? А ты не знала, да? Даже если ты влюбилась в другого, мне не безразлична твоя жизнь, и я не хочу, чтобы ты возвращалась в страну, где людям нечего есть, – в конце концов он почти рассердился. –Ирина, мы читали одни и те же книги, чувствовали друг друга как никто, так почему надо что-то объяснять?

Ирина положила свою руку на его и сказала «прости». И когда они подъехали к ее гостинице, она поцеловала Ника, а он грустно улыбнулся, подумав, как трудно будет им привыкнуть исполнять свои новые роли. Трудно быть искренне бескорыстным, когда жаждешь прикосновения. Если бы она позвала его сейчас с собой наверх, если бы он мог снова обрести родное тело! Ник помотал головой, стряхивая навязчивое желание. - Давай поужинаем вместе? – он не должен был, не хотел этого говорить, он обещал Клэр быть дома не поздно.

Ресторанчик напомнил ей первый вечер в Америке, когда они с Василием танцевали ламбаду и чувствовали себя словно Адам и Ева, только что созданные и открывающие прекрасный мир. Она успокоилась, осознав, что проводя время с Ником, не чувствует раздвоения. Скучает по Васе, считает дни до его приезда, а Ник – это самый лучший в мире друг. Приятно заслужить такую дружбу.

Они выпили белого вина.

- Ник, ты самый удивительный на свете! – лепетала быстро захмелевшая Ирина. – Ты ангел.

- Перестань.

- Понимаешь ты, что я бы про-пала? Даже не говорю про здесь, я везде – просто пропала бы без тебя в мире.

- Значит, тебе понравилось помещение?

- Слушай, – Ирина перегнулась через стол, притянула его голову – и поцеловала в лоб. – Ты волшебник просто, как все сумел угадать. Там Вася даже сможет писать красками, есть где поставить мольберт. Мы будем и жить, и он сможет творить! А я – помогать ему.

Ирина поняла, что сказал лишнее. Нужно было сообразить, как выразить свою благодарность иначе, в безопасной для обоих форме.

- Ник, а знаешь что, поедem завтра в зоопарк, а? Здесь есть в городе местный зоопарк?

- Местный – что это?

- Ну просто зоопарк этого города или окрестностей. Погуляем, побеседуем как когда-то,

- Ирина заглядывала ему в глаза, ей очень не хотелось, чтобы он огорчился. – Ник, не грусти, пожалуйста, ладно?

У Ника на утро были назначены важные встречи по новому проекту, он помедлил, соображая, каким образом освободить время.

- Я расскажу тебе такое интересное, Ник! Но только завтра, – настаивала Ирина.

Для Ника стало очевидным, что она пока не понимает, что даже в этом теплом нарядном городе большинство людей работает, ежедневно выполняя множество нудных обязанностей.

- Ладно, поехали. Отвезу тебя в отель, а завтра с утра поедem в зоопарк, - вздохнул Ник.

Ему предстояло утрясти свой график: если перенесутся две утренние встречи, то конец дня придется перекраивать.

- Ну показывай, где твой американский тигр, - попросила Ирина. Они шли по дорожке зоопарка, с утра почти пустой; Ирина ела мороженое и пыталась растормошить Ника.

- Мой любимый тигр, видимо, остался в Лондоне. Здесь я ни разу не был и тем более не рисовал. Сам не знаю почему. Вероятно, не выношу тигров с неправильным произношением.

- А мне его очень жалко. Красивый, сильный. Почему он в клетке? Кто за него решил?

- Но на свободе он уже жить не сможет, погибнет, - серьезно объяснил Ник. - Единственная опасность, которая угрожает животным в зоопарке это смертельная скука. Хотя ты знаешь, в современных хороших зоопарках уже нет клеток, большие пространства, огромные вольеры.
- А я – смогу жить на свободе, Ник?
- У тебя есть я. В любом случае. При любых условиях, - сказал он твердо.
- Знаешь, я же в Москве фотографировала дома и думала о тебе. Сняла целую серию иллюстраций для твоих статей о московском модерне, потом придумала еще что-то. И все для тебя. Знаешь, все обдумывала подрисуночные тексты, сортировала их. Эти занятия очень помогли выжить в трудное время, когда вокруг все рушилось, опоры не было. Ты дорабатывал потом свои статьи?
- Честно говоря нет. Даже не возвращался к ним, - признался Ник. Ему больно было представлять то время, когда Ирина думала только о нем, а сам он вынужден был пребывать неизвестно где. «Если всерьез задумываться над возможностями, которых лишает жизнь, то можно свихнуться, лучше не думай», - приказал себе Ник. Но не удержался, глядя на близко стоящую Ирину, – «Зачем мне опять показали ее, мою единственную любовь, поманили, зачем бывает так, что невозможно притронуться к тому, кто находится рядом, на расстоянии вытянутой руки?».
- Сейчас я фотографии сюда не привезла, но в будущем, может, и продолжу, - болтала Ирина беззаботно. – И вдруг тебе тоже по-дружески пригожусь, а, Ник?
- Ник обнял ее, но сразу опустил руку.
- Ты будешь работать в нашей галерее, и не по-дружески. Я буду тебя контролировать постоянно! А что ты хотела мне рассказать интересного? – спросил он с надеждой.
- Ну вот про это! Что дома у меня целый архив – эссе и фотографии, сделанные для тебя, посвященные тебе.
- Спасибо, мне приятно это слышать.

В гостинице у Ирины случилась неприятность. Администратор, сухая дама неопределенного возраста, визгливым голосом заявила, что Ирина не имеет права использовать их респектабельный отель в качестве студии для работы масляными красками. Дело, по всей видимости, было в том, что Василий перед отъездом собрал все свои вещи, в том числе материалы – и просто притащил их в номер к Ирине, свалив в большую кучу на балконе.

Ирина растерялась от гневной тирады администраторши и инстинктивно оглянулась в сторону улицы. Но автомобиль Ника только что отъехал от крыльца отеля. Она постаралась обаятельно улыбнуться и объяснить сердитой даме, что вещи принесли к ней временно. Но та скандалила прямо-таки с советским остервенением:

- У вас не уплачено за двое прошедших суток. Предоставьте нам гарантии оплаты, сейчас! Чек или номер банковского счета.
- Денег не было, Ирина совершенно о них не беспокоилась. Ник и Василий уверили ее, что она имеет право жить в гостинице столько, сколько понадобится, в данном случае – пока Ник не оформит договор на аренду галереи.
- Я заплачу. Завтра, если можно, - робко попросила Ирина.
- Нас не устраивает «завтра». Иностранцы должны платить за каждые сутки заранее, это правило. Именно сегодня, мисс! – повторила дама.
- Администраторше хотелось насолить чересчур нарядной русской, у которой то был один мужчина, тоже русский, с ним она явно крутила роман, каждый день бегала купаться. А теперь появился солидный джентльмен на дорогой машине.
- Срочно оплатить и срочно вывезти все пачкающиеся и легковоспламеняющиеся материалы, - произнесла администраторша, постукивая по деревянной стойке ключом от Иринино номера и демонстративно повесила ключ обратно на панель.
- А можно мне позвонить? – спросила Ирина.
- Администраторша резко подтолкнула телефонный аппарат к краю столешницы. Ирина непослушными руками нашла в сумочке клочки от карточки Ника (сколько раз

собиралась переписать в записную книжку!) и набрала номер. Там никто не подходил. Она набрала еще раз. Никого. Ирина вышла на крыльцо гостиницы и грустно побрела в сторону пляжа решив, что будет гулять по улицам до вечера, пока Ник не вернется домой. Дул очень сильный, почти ураганный ветер: урны и скамейки валялись и летали по улице, тяжелые кадки с пальмами на террасах гостиницы опрокинулись и напоминали брошенные шахматные фигуры.

Клэр накормила дочку, повела ее укладывать. В это время зазвонил телефон, и Клэр пришлось с ребенком на руках идти в гостиную – в детской не было аппарата. Клэр впервые услышала голос своей соперницы. Это был надтреснутый, явно чем-то расстроенный голос. Ужасающего акцента, который она ожидала услышать, не было, был мягкий выговор, похожий на итальянский.

Услышав Клэр, Ирина сделала паузу, но трубку не повесила, а попросила к телефону Ника. Ника не было дома, он предупредил жену, что задержится в офисе допоздна.

- Моего мужа нет дома, - сказала Клэр безо всякого выражения.

- Я могу...

- Позвоните завтра, сегодня он будет поздно, - посоветовала Клэр и мысленно похвалила себя за сдержанность.

На том конце провода раздался жалкий писк, затем гудки.

Ник пришел поздно и был в ванной, когда телефон в спальне зазвонил опять и разбудил Клэр. Собака Минька твякнула недовольно: русская не вняла доброжелательному совету Клэр и теперь будила все семейство.

- Да, да, - Клэр встала и постучала в дверь ванной. – Тебя к телефону! – сказала она Нику как могла спокойно.

Ник выскочил мокрый:

- Кто? Але? Да. Хм. Понятно.

Он обернулся в полотенце и разговаривал при Клэр.

- Успокойся прежде всего. Ветер? При чем здесь ветер? Да, здесь бывают ураганы.

Нет, дарить работникам гостиницы ничего не надо. Нет, матрешки тоже презентовать не надо. Приехать? – Ник мельком взглянул на Клэр, она опять улеглась в кровать и повернулась спиной. – В этом нет необходимости. Я сейчас с ней поговорю. Успокойся, ты сможешь жить там столько, сколько понадобится – и потом переедешь в студию. Дай ей трубку...

С администраторшей Ник разговаривал властно и холодно, как обычно обращался на стройке с исполнителями, когда был недоволен их работой. Повесив трубку, он полез под свое одеяло, сказав Клэр:

- Скорее бы они поселились вдвоем. А то она одна и всего боится, в чужой стране все-таки.

- Ты полагаешь, вдвоем им будет намного легче? – вежливо поинтересовалась Клэр.

- Надеюсь. Первое время всем бывает трудно.

- Надо что-то решать с ее документами, может, Мартин согласится оформить на время фиктивный брак? Он тебе многим обязан, – предложила Клэр, подумав.

- Спасибо. Ты исключительная, очень разумная.

- О да. Разумная, знаю.

Клэр страдала, и только самой себе могла признаться (а Нику и отцу – в последнюю очередь), что если бы вынесли на всеобщее голосование, пускать ли русских в Штаты, вообще – выпускать ли их за границу или пусть занимаются чем хотят за своим «железным занавесом» – она бы голосовала за ограничение их свобод, хоть это и не демократично. А заставлять ее страдать в собственной стране, даже в собственной спальне – демократично? Бесчеловечно; она никогда не плакала так часто как за последнюю неделю. Они с Ником обсуждали возможность подобной ситуации, но Клэр не предполагала, что реальное сражение – это так больно. Удары жестоки, раны ноют и кровоточат круглосуточно. Никто не собирается щадить ее, на ее стороне, кажется, нет никого. Кроме малышки Ирэн и собаки.

- Возможно, галерея еще и доход принесет, - заискивающе сказал Ник и придвинулся,

чтобы поцеловать жену на ночь. Поцеловал в затылок, но отодвинулся слишком поспешно, как показалось подозрительно настроенной Клэр. Реплику насчет будущих доходов от благотворительности она оставила без ответа. Клэр не могла заснуть, в голове крутились строки из Элюара, его сборник она купила недавно. Она вспомнила четверостишие по-французски:

Le Russe est un neurasthenique,
Sans cesse examinant, creusant
Un probleme psychologique
S'adjugeant un pouvoir magique.*

Элюар, надо думать, тоже от них настрадался.

- Неврастенический русский тип, - произнесла Клэр по-английски.

- Почему ты так говоришь? – спросил ее муж.

- Это не я.

* Русский тип – неврастенический
Без конца изучающий, копающий
Проблему психологическую.
Присваивает себе силу магическую.
(Пер. с французского Н.Н.Цурцелиной)

Через несколько дней Ирина переехала в студию над галереей. Она разбирала вещи, мыла полы и окна, по пятьдесят раз в день поднималась и спускалась по лестнице, училась пользоваться кондиционером и кухонной техникой. Ирина обмирала от ощущения независимости - она до сих пор никогда не жила самостоятельно. По вечерам рассматривала рисунки, которые оставил Вася, в том числе те, где он рисовал ее обнаженной. Особенно рассматривая «ню», Ирина ощущала жажду присутствия его тела, голоса, смеха. Хотела быть с ним, питаться его силой и жизнерадостностью.

Лиза обнаружила, что мужа подменили: не «словно подменили», а совершенно определенно: после поездки в Майами на пороге их квартиры явился другой человек. Василий, сославшись на срочные сборы опять-таки в Америку, ни разу не ночевал дома, почти не общался с детьми. Он все время проводил в мастерской или у других художников, собирая коллекцию картин для какой-то галереи. Лизе ничего не оставалось, как оставить детей на соседку и прийти к своему мужу в мастерскую. «Словно с визитом или на прием иду», - сердилась Лиза на мужа, да и на себя тоже. Но ей хотелось хоть немного определенности: так просто, без объяснений, она не могла поверить в происходящее, в трагическую перемену, произошедшую с мужем. Василий впустил, но поздоровался сдержанно. Лиза шагнула в комнату, обмирая, как в страшной сказке. На полу и на столе мастерской лежали картины, связанные в стопки по две и по три.

- Я вот пришла. Тебя повидать.

- Понял.

- Васенька, - сходу Лиза повела разговор точно так, как по дороге запретила самой себе. – Почему ты, Васенька, дома не появился, детей не приласкал ни разу, что с тобой случилось там?

- Сказал же тебе, состоятельный американец предложил мне быть кем-то вроде артдиректора галереи в Майами. Для того, чтобы галерея смогла функционировать нужно набрать здесь и привезти туда побольше недорогих, но качественных картин.

- Почему ради этого надо забыть о нас, о живых людях, твоих близких. Ты же не кто-то

вроде, ты отец, ты мой любимый муж.

- Ну начинается! – взорвался Василий. – Вместо того, чтобы посочувствовать, что я занимаюсь всем один, ношусь по всем инстанциям, имею дело с подлыми чиновниками. Я уж не говорю – помочь, но хотя бы просто посочувствовать как тяжело мне дается это все! Вместо этого...

- Вася, - вслух ужаснулась Лиза тому, что осознала в этот момент, - Васенька, ты бросаешь нас? Уезжаешь навсегда?

Василий смутился, глядя в потрясенные глаза жены, но продолжал наступать – отчасти по инерции, отчасти от сознания собственной неправоты:

- И ты опять не слушаешь меня, я пока, кажется, ничего не говорил такого... чтобы ты смотрела на меня, словно на убийцу. Ну скажи, я что – обманывал, врал?

Лиза молчала и лишь шевелила губами заторможено. Это испугало Василия.

- Ну малыш. Вот что я сам хотел тебе сказать. Оставляю вам пятьсот долларов, пока больше не могу никак, а там посмотрим, как пойдут дела.

- Ты уезжаешь навсегда? Бросаешь нас? – повторила Лиза, привстала – и пошла на Василия шагом лунатика.

- Лизонька, ты же всегда понимала, главное для меня – это творчество, живопись, возможность нормально работать, писать картины, выставляться. Картины останутся после нас! Ради этого... Честное слово, я буду помогать, если будет возможность.

- Бросаешь?

Василий не выдержал ее взгляда и отступил, отвернулся и стал шарить в ветхом шкафу, чувствуя на пальцах противную пыль:

- У меня тут была целая бобина веревки, надо спросить Эдика – он не брал? Когда же он придет, этот Эдик, третий день его нет. В Москве никто не хочет работать, а потом жалуются, что нет денег. А Майами знаешь как рано рабочий день начинается?

- Ты готов пожертвовать своими детьми? – наступала Лиза.

Василий ушел от нее в коридор и кричал уже оттуда:

- Дети, жертвы! Очень легко спекулировать высокими словами! Значит, все эти годы ты только делала вид, что понимаешь меня?!

Лиза села на стул, посидела немного, раскачиваясь, потом тоже побрела в коридор, нашла свои детские ботиночки, стала тыкать в них ногами, но никак не попадала. Она все время бормотала: «Я не верю, что ты стал жестоким, что можешь так поступать, или это не ты. Можно же и здесь работать, да и не в этом дело, не верю». Лиза искала рукава своей куртки, и не было в этот момент женщины несчастнее ее, потому что любимый не слушал и не сочувствовал, он был в бешенстве от ее правоты, слишком простой, слишком очевидной и потому неказистой.

- Мне на-до-ело, надоело быть всем обязанным. Поняла? У меня должно быть будущее в искусстве. Есть я, и я обязан совершить что-то значительное!

- Ты... влюбился? – спросила Лиза, стоя перед самой дверью, спиной к нему, спросила тихо, но он услышал и внезапно перестал кричать, ответил нормальным голосом, только слегка озадаченным:

- Не знаю. Наверное.

Сначала Лизе даже чуть-чуть стало легче оттого, что он ответил ей по-человечески, откровенно, и она решила идти с этим домой, попытаться осознать свое горе. Что же, такое горе может случиться с каждой женщиной. Каждой любящей. Она взялась за дверную ручку и, открыв дверь, шагнула за порог. Но вдруг некая сила развернула ее, пронесла через коридор и толкнула к Василию. Другая Лиза, очень сильная, бросилась на Василия, вцепилась в него и заорала громко:

- Я не пушу, не пушу тебя. Васенька, Васенька!

Василий от испуга позабыл о своей жалости и нежности к этой женщине, оставшейся девочкой, инстинктивно отбросил ее от себя и тоже заорал:

- Прекрати истерику, меня этим не удержишь! Хочешь, чтобы я врал, притворялся? Я поступаю с тобой честно!

В этот вечер Лиза добрела домой только потому, что Зося и двое старших сидели без

ужина, все их детские надежды были связаны с ее приходом. Она подчинялась их желаниям помимо своей воли – воли у нее как раз в тот день и не осталось.

Василий ехал к матери Ирины неохотно. Он оказался прав: Нинель с первого взгляда не хотела видеть в нем хоть сколько-нибудь значительную личность. Нинель, разумеется, пригласила гостя в квартиру, но первый вопрос звучал так:

- Скажите, Василий, а вы знакомы с джентльменом по имени Ник, который принимает живое участие в судьбе Ирины?

- Да, видел, - ответил Василий, не стараясь быть особенно любезным, он в жизни практически не встречал ситуаций, в которых стоило бы казаться вежливее, чем ты есть на самом деле.

- Исключительного благородства человек! – оживилась Нинель. Полчаса, которые Василий провел в ее квартире, фактически полностью были посвящены выслушиванию длинного списка достоинств Ника. – Да таких мужчин просто не бывает! – восторженно курлыкала Нинель, будто перед ней стояла кумушка из соседнего подъезда. - Знаете, когда Ник уезжал в Америку, несколько лет назад, он оставил нам целую пачку денег. Вот такую толстую! Кто еще из мужчин способен так поступить? – вопрошала Нинель, вперив испытующий взгляд в заскучавшего Василия. Затем опять перешла к стенаниям. - Боже, как я мечтала, чтобы Ирочка вышла за него замуж, как я мечтала! Они созданы друг для друга!

Василий сидел на диване и до этого развлекался, разглядывая афиши шестидесятых годов. Но услышав о гипотетическом браке Ирины и Ника инстинктивно стал посматривать на дверь.

- Извините, мне пора. Вы передадите для Ирины что-нибудь?

Нинель, недовольная тем, что ей не дали подробно рассказать о красивом романе дочери и американца, попросила Василия о встрече где-нибудь в метро перед самым его отъездом с тем, чтобы передать Ирине полезные для хозяйства вещи, а для Ника – икры и водки. Расспрашивать Василия об обстоятельствах жизни Ирины и о ее перспективах Нинель не пришло в голову: что мог знать этот художник, о чем он мог судить, если там, рядом с ее дочерью, был Ник?

Вечер и утро Лиза прожила словно парализованная, вяло исполняя домашние обязанности и неживым голосом общаясь с детьми. Тяжелее всего было то, что Вася дышал неподалеку, полчаса на метро. Каждую минуту мог позвонить и рассеять этот дурной туман, сказав:

«Извини, Лизунь, сам не знаю, что на меня накатило. Какая уж там Америка, это все временно, лишь банальное зарабатывание денег. Я же совсем не могу без вас. Какие слова уже стала говорить Зося? Нет, не отвечай, я сам приеду, и она мне расскажет...».

От ожидания у Лизы звенело в голове, тошнило. Ей снились воображаемые разговоры с Васей. Проснувшись, она кричала от беспросветности и била кулаком по измятой подушке, пугая детей. В конце концов Лиза поняла, что когда он уедет ей станет легче. Его предательство станет неотвратимым. Пусть оно свершится окончательно, Лиза будет знать тогда, что это чудовище уже точно родилось и живет. Она соберет все силы, чтобы каждый день смотреть в глаза монстра, и в конце концов привыкнет. Так думала Лиза, пытаясь ночью работать. Она слепила две глиняные заготовки для веселых фигурок, и испортила, облив слезами. Зося спала в корзинке здесь же, на кухне. Все вокруг было – бедность. И тот особый кавардак, когда каждая вещь в квартире подчинена жизни детей; бутылочки, школьные принадлежности, игрушки, обрывки цветной бумаги и россыпи солдатиков, останки танков и грязноцветные комки пластилина, мягкие холмики тряпок и тряпочек. Лиза встала и принесла из комнаты несколько своих старых кукол. Расставила их на столе: лучше разговаривать с куклами,

чем заглядываться в пространство. Еще хуже все время пытаться представить себе, что испытывает человек, когда летит с шестого этажа. Тем более что надо приучать себя работать по ночам. Пятьсот долларов с трудом, но может хватить на три месяца, дальше – пустота.

- Если бы, если бы вы мне помогли, не дали пропасть, - говорила Лиза, тихонько трогая пальчиком каждую фигурку, - но главное мальчишкам и крошке Зосе. Зря говоришь, они хорошие ребята, - объяснила она кукле, изображавшей Гавроша. – Ладно, иди к принцессе, хватит вредничать. Может, тебя назвать, назвать... - она взяла в руки куклу-мальчишку и пыталась рассмотреть его лицо. – Или вообще тебя выбросить? Ладно, живи.

Она начала работать.

В это время на другом конце Москвы Ирина подруга Татьяна пыталась утешить своего мужа. Два года у них пролетело в трудах: Илья основал фирму совместно со своим школьным приятелем, а Татьяна, забросив диссертацию, помогала чем могла – сначала бегала оформляя «юридическое лицо» маленькой фирмы, потом осваивала азы бухгалтерского учета.

На основе идей Ильи группа программистов разработала программу-симулятор, не имеющую аналогов на западе. Такую игрушку, результат многомесячных усилий, надо было суметь выгодно продать. Этим должен был заниматься компаньон Ильи, он с самого начала был в их фирме администратором. Но та скромная сделка, о которой компаньон сообщил Илье, была лишь прикрытием: «очистив» программу от прав автора, выплатив Илье немного денег, приятель стал продавать «продукт» уже самостоятельно. По меркам России – очень дорого. Это выяснилось накануне.

У Ильи была классическая истерика. Татьяна с ужасом наблюдала как ее талантливый муж бьется головой о стены и крушит технику, в перерывах пытаясь допить кружку водки, от которой он с непривычки плевался и долго надсадно кашлял. Татьяна силилась сообразить как остановить это представление. Каждое слово, сказанное ею, бесило мужа – будто она была виновата в обмане.

- Никогда бы не поверил, что на это может быть способен друг детства, - повторял Илья. - У меня же еще куча идей! Мы могли бы и дальше, мы могли бы!

Он разбежался, будто хотел запрыгнуть на стену, но вместо этого ткнул в нее кулаком; кулак провалился в глубокую дыру. Илья взвыл от боли. Дом был старый, кое-как отремонтированный.

«Что же делать, что же делать», - мысленно причитала Татьяна, обрабатывая йодом ссадины на руке мужа. Он уже разбил два из четырех компьютеров. Собственно, кроме стен и компьютеров в их квартире практически ничего не было: в одной из комнат обстановка была офисная, во второй – спартанская. Разве что Илья попытается разнести платяной шкаф или стол на кухне... Можно еще бить оконные стекла табуреткой.

Кто бы мог подумать, что он способен буйствовать? Он мог сутками сидеть скрючившись над клавиатурой, есть не глядя и не чувствуя вкуса еды, спать только когда упадет от усталости со стула. Но вне работы Татьяна привыкла, что он всегда соглашается с ней, в невменяемом состоянии он предстал перед ней впервые.

Она должна оставаться спокойной и жесткой, попытаться отрезвить его.

- Господи, симуляторов подобного класса в мире больше не существует, только мы с Ванькой...

- Все сделал ты, - поправила Татьяна, - своим талантом. И работоспособностью. Он только шустрит.

- Что ты мне все время напоминаешь? Я уже решил: больше никаких суперпрограмм, никаких заоблачных проектов. Пойду в компьютерный сервис, меня давно зовут. На жизнь нам хватит.

Илья присел к кухонному столу, положил голову на израненный кулак и бессмысленно

установился в пространство.

- Теперь послушай меня.

- Я поесть хочу, - пожаловался Илья. – Не ел с утра ничего.

- Выслушаешь, - твердо сказала Татьяна, - потом я тебя накормлю.

- Нельзя одновременно?

- Нет.

Татьяна принесла нарядную плоскую коробку и коробку с обувью. Покупки она положила перед мужем.

- Вот, купила тебе галстук. И новые ботинки, померяй.

- Совсем свихнулась, что ли, мне ничего не нужно! Мерить не хочу! Есть хочу! И деньги-то откуда?

- Заняла, - она встала напротив мужа.

Они были очень похожи: очкарики с невыразительными лицами, оба одеты и причесаны кое-как. Но в момент, столь важный для их семьи, Татьяна преобразилась. Илья с удивлением взирал на жену: он не замечал раньше у нее таких блестящих глаз.

- Ты сейчас успокаиваешься, - продолжала Татьяна, - берешь в руки телефон и звонишь вашему главному заказчику, как его.

- Артур Суренович.

- Приглашаешь его в ресторан на деловую встречу. Предположим, на завтра. Но! В самый дорогой ресторан, Илюша. Вот четыреста долларов на расходы.

- С ума сошла? С чего ты взяла, что он пойдет?– Илья от неожиданности икнул. - Ой, прости, - он прикрыл рот рукой.

- Глупый, - уже помягче, но по-прежнему строго внушала Татьяна. – У него есть деньги.

У тебя же талант. Если ты проявишь волю, покажешь, что знаешь как можно распорядиться твоим талантом, то тебе дадут и кредиты, и в долю возьмут. Нельзя сразу обижаться и уходить в тень. От тебя ждут именно этого. Надеются, что после одноразового использования ты сломаешься и скроешься с глаз долой. А ты продолжай игру, вопреки обиде. Так поступают сильные.

- Ничего себе! Друг детства кинул – а я не обижаюсь.

- Он тебе теперь только партнер по бизнесу, понял? Вы сделали первый проект. Успешный. Но не последний. Ты должен дать понять, что с тобой выгоднее сотрудничать, чем кидать тебя.

- И что же, я буду шустрить за спиной Ивана? Не буду. Я не такой как он.

Илья вдохновился сознанием своего нравственного превосходства и даже слегка ударил кулаком по столу, но аккуратно.

- Не такой. Ты пригласишь на встречу и Ивана. Будешь договариваться, заплатишь за ужин. И этим убьешь – всех зайцев сразу. Если все получится, мы быстро отдадим долг. Повторяю, на твоей стороне все: талант, умение работать с технической группой, куча идей и – размах. Ваш клиент оценит это, поверь. И у тебя сразу будет новый контракт, уже на других условиях.

Илья во все глаза смотрел на жену и спрашивал себя, где же раньше были ее стратегические запасы логики и коварства, почему он их никогда не замечал?

Чувствовал, конечно, но чтоб так явно наткаться – это нет. Он-то считал, что она еще более беспомощная в жизни, чем он.

- Не знаю. Очень неожиданно и сложно. Надо подумать. Но где ты этого набралась? Ты, Танюш, прямо Черчилль какой-то. Ну иди ко мне, иди поцелую...

- Ты же хочешь и дальше делать такие программы, для всего мира! Никто не сможет так, как ты.

- Галстук все равно не надену.

- Наденешь!

- Не надену.

- Ужин тогда – не получишь.

Тем летом в Майами была аномальная жара.

Ирина встречала у порога галереи машину, на которой Василий приехал из аэропорта. Она носила из машины в помещение нетяжелые вещи, в то время как Василий и шофер вспотели, таская связки картин. Еще не закончилась разгрузка, а Ирина уже пыталась развязать пачки, ей не терпелось прикинуть – какая экспозиция может быть в их с Васей собственной галерее.

Наконец Вася вошел в зал. Ирина кружилась от счастья и спешила показать все преимущества помещения, но Василий отводил глаза, ни разу не обнял и не поцеловал ее.

- Соскучилась страшно. Давай отдохнем и сразу все развесим.

Василий со странным выражением лица отстранился и спросил:

- Есть здесь где принять душ?

Не хочет приближаться к ней грязный и потный после самолета, поняла Ирина.

- Конечно, я тебе покажу нашу квартирку на втором этаже. Просто обалдеешь какая это красота. Увидишь, куда я поставила твой мольберт.

Ирина взяла Василия за руку и потянула вверх по лестнице, он двинулся за ней неохотно. Поднявшись на несколько ступенек, выдернул руку:

- Забыл! Подожди. Где посылка от твоей матери? – Василий вернулся к самому входу

и, распахивая ногой свертки и баулы, выудил бесформенный тюк. - Это ж надо додуматься всучить мне в Москве набор кастрюль?! – продолжал он раздраженно, срывая один за другим слои бумаги. Ирина так и осталась стоять на лестнице. - Если бы она не была твоей матерью, я не знаю, как далеко мог бы послать... Мало мне геморроя с картинами, она до такого додумалась. Совсем люди ничего не соображают. За перевес-то я плачу!

- Зачем ты так говоришь, - расстроилась Ирина. - Она хотела как лучше, здесь действительно кастрюли стоят очень дорого.

- Она вообще странная, - не удержался Василий. - То зачем-то расхваливала мне Ника, а когда второй раз встречались, поинтересовалась, женат ли я. Ее какое дело?

Ирина обескуражено присела на ступеньку.

- Причем здесь Ник, Вася? Есть только мы с тобой. Все вокруг – просто остальные.

- Ну ладно, - произнес Василий примирительно. - Надеюсь...очень надеюсь, что сейчас у вас с Ником действительно дружеские отношения.

- Только дружеские, любимый! Даже скорее деловые.

- Ап! – Василий схватил ее за кончик носа, потом обнял.

- Люблю тебя. Соскучилась.

- Я тоже очень соскучился. Пойдем в душ вместе? – Вася стал раздеваться на ходу: теперь он тянул ее за собой вверх по лестнице.

С этого момента вечер стал именно таким, о каком мечтала Ирина. Первое совместное жилье. Их собственная галерея в центре Майами. Счастливая сказка. Еще три месяца назад они не знали как легко и гармонично переплетаются их тела.

5.

Первый вернисаж в галерее «Russian art gallery» состоялся теплым октябрьским вечером, в пятницу. Пока никто из гостей не пришел, Ирина с Василием стояли скованно около картин, следя за ловкими действиями двоих официантов, нанятых специально для вечеринки.

В суете подготовки, за такими увлекательными, но трудоемкими занятиями как развеска картин или расклеивание этикеток - да мало ли еще какие необходимые действия включает в себя подготовка любого вернисажа - в этой суете им некогда было волноваться. Но теперь вдруг оба почувствовали робость. Василий дотронулся до руки Ирины, ее пальцы были ледяными.

- Хватит дрейфить, мэм, - сказал он ей подмигнув, – не забывайте, рядом с вами великий художник. И гений коммерции, к тому же.

Ирина была в вечернем платье, в том, что они купили еще во время ярмарки. Василий надел купленный специально для вернисажей смокинг. «Таких привлекательных мужчин здесь нет, во всяком случае, я не видела», - с гордостью отметила Ирина. Ника пока не было, он предупредил, что приедет с гостями. Естественно, приглашениями на вернисаж и списком гостей занимался он, потому что Ирина только в будущем должна была всему научиться.

Встречая гостей она каждому говорила несколько дежурных фраз. Ирина вела себя скованно, забыв заготовленные пассажи про русскую живопись. Василий же после выпитого бокала совсем не смущался, но никого развлечь тоже не мог, поскольку те две фразы, которые он связно выговаривал на английском, могли еще сегодня пригодиться; он их экономил, ограничиваясь широкой улыбкой и широким же приглашающим жестом.

Гости рассматривали или делали вид, что рассматривают картины, затем оглядывались и, увидев стол с напитками, шли к нему. Взяв в одну руку бокал с шампанским, в другую они брали прайс-лист и изучали его, добросовестно разыскивая картину под таким-то номером, сверяясь с ценой. Складывалось впечатление, что рассматривать живопись зная цены, гораздо интереснее, будто это придает полотну объемность.

Ник, которого просто катастрофически не хватало, все не появлялся.

Элегантный пожилой мужчина, потоптавшись в нерешительности около Ирины, вдруг заговорил по-русски:

- Разрешите представиться, сосед ваш – Марк Новацкий. Торговец искусством, у меня тоже есть своя галерея.

- О, как приятно, - искренне обрадовалась Ирина, - как приятно, познакомьтесь, наш художник, Василий Алгунов.

Василий протянул руку жизнерадостному господину.

- У меня большой опыт работы в Майами, думаю, нам будет интересно общаться. И полезно для вас, обещаю.

- А давно вы здесь? – спросил Василий.

- Больше десяти лет. Я приехал из Одессы.

Наконец пришел Ник. Он стал переходить от одной группы гостей к другой, здороваясь со всеми. Рассказывал о картинах и о художниках. Ирина отметила изящество формулировок и то, как он хорошо усвоил информацию об авторах.

- У нас будет торжественная часть? – спросила она его потихоньку.

- Пардон? - Не понял Ник.

- Мы могли бы всех собрать и сказать несколько слов о художниках, представить лучшие картины.

- Это не принято. В другой раз, когда нам удастся привлечь кого-нибудь из известных искусствоведов, они будут говорить. А пока просто первое дружеское знакомство.

- Но надо же обратить внимание на Васю, указать, какие именно работы написал он.

Мне кажется...

- Все прекрасно понимают, что он художник. Важнее атмосфера. Извини, - Ник устремился к скромно одетой паре людей. – О, друзья, привет! Проходите!

Ник подводил гостей к Ирине и знакомил.

Постепенно публика раскрепостилась, раздавался смех и выкрики, как на дружеской вечеринке.

Марк доверительно шепнул на ухо Василию:

- Обратите внимание вон на ту женщину. Все называют ее Мадам. Поверьте мне на слово, молодой человек, вам очень повезло, что она здесь появилась. Обязательно что-нибудь купит. Нарядная дама внимательно рассматривала каждое полотно и что-то записывала в изящную записную книжку. Мадам обратилась к Ирине, указала на одну из картин и попросила представить ей автора. Ирина подвела ее к Василию.

- Вот художник, автор работы, которая вам понравилась. Его зовут Василий Алгунов, он из Москвы, - сказала Ирина по-английски.

Мадам рассматривала Василия почти в упор и протянула ему руку.

- Привет, - отозвался Василий по-русски и прикоснулся к ее пальцам.
- Вы сделали очень правильный выбор, мадам, уверяю вас, - поддержал беседу по-английски Марк.
- Да. Вы Ирина, кажется? Я готова выписать чек за ту работу, - сказала покупательница и достала из сумочки чековую книжку.
Ирина оглянулась на Ника, но тот лишь ободряюще подмигнул.
- Мы пришлем вам картину завтра, - сказала Ирина, глядя как Мадам вписывает сумму.
- Идет. От полудня до двух я ее жду, мой адрес на карточке. Всего хорошего.
Мадам вручила чек Ирине и, ни с кем не попрощавшись, удалилась.
- Ну, - пролепетала Ирина ей вслед.
- За ваш первый успех! – поднял свой бокал Марк.
- Теперь и мне можно выпить, - вздохнула Ирина. Она чувствовала себя так будто сдала экзамен.
- Вообще-то с ней можно разговаривать на чистом русском языке, - сказал Марк, указывая в сторону отъезжавшей машины Мадам. – У нее прекрасное петербургское произношение.
- Так чего ж она темнит? – удивился Василий, - и почему вы молчали?
- Видите ли, мой мальчик, каждому надо дать возможность сыграть роль, которую он для себя выбрал. Она жена известного и богатого человека, точнее, - бывшая жена. Развод для себя организовала просто очень по-умному. И теперь наслаждается жизнью, играет во что хочет.
Вечеринка продолжалась до десяти вечера. Ник на прощание шепнул Ирине «поздравляю, ты молодец». Ей же показалось, что с момента прихода первого посетителя прошло не четыре часа, а гораздо меньше, не более сорока пяти минут. Удалось продать две работы: Васину большую картину и этюд другого московского художника.

Оставшись одни, Василий и Ирина бегали по галерее друг за другом и целовались.
- Мы сможем купить машину, будем путешествовать, - мечтал Василий. - Теперь я буду только работать, писать новые картины, а ты – их продавать.
Ирина начала собирать мусор в пластиковый мешок:
- Вася! Неужели у нас получилось? Один оставил визитку и обещал заехать на днях.
- Здорово, как здорово! – радовался Василий. – Да перестань ты убираться, пригласим завтра уборщицу.
- Вась, а как тебе Мадам? О-о-о, - передразнила Ирина жеманную походку покупательницы.
- Потом, когда еще заработаем, - продолжал мечтать Василий, - купим дом на берегу океана.

После вернисажа наступили спокойные будни. Ирина в десять часов утра спускалась в свой крошечный офис, готовясь встречать посетителей. Посетителями пока были случайно забредающие люди, просто глазевшие на картины. Ирина не унывала; в свободное время писала пространные объяснения по поводу каждой из картин, переводила на английский, старалась совершенствовать свои рассказы о живописи, тренируясь на каждом из желающих слушать. Ник уехал на две недели, поэтому Ирина действовала самостоятельно. Василий вставал поздно и понемногу работал над новой картиной.

Услышав о первом успехе на вернисаже, совершенно потеряла покой Нинель. Ей казалось, что Ирина в Штатах стоит на пороге благополучной жизни, и ей не терпелось разделить с дочерью это везение.

- Знаешь, - говорила Нинель по телефону обиженно. - я чувствую, а интуиция у меня сумасшедшая, - если я пущу все на самотек, то ты меня и через три года не заберешь.
- Мамочка, пойми, я тебя очень люблю, но пока... дай нам встать на ноги. Пожалуйста, - терялась Ирина.
- Я что, нищая приеду, боишься, что вам на шею сяду? Нет, мы с Элей уже продаем

нашу квартиру. Так что захочешь - будем жить вместе, нет – сниму себе отдельное жилье. Но это же не рационально!

- Повтори, я тебя правильно поняла - Эля продает нашу квартиру? Мама, ты сошла с ума. Ты даже не догадываешься, что это за страшный человек, я не написала тебе про нее только потому, что боялась. Господи, как же я могла тебе не написать. Она тебя обманет! Немедленно прекрати с Элей все отношения!

- Ну, хорошо. Хорошо! Не надо нервничать – ноготь из-за тебя испортила! – Нинель красила ногти. - Я попрошу Веточку, она в этом еще лучше разбирается, чем Элька. Послушай, доча, - опять перешла в наступление Нинель. - Я чувствую, что ты стала какая-то не такая, надо срочно выезжать и спасать тебя. Связалась непонятно с кем! В курсе, что у этого субъекта трое детей?!

Меньше всего хотелось обсуждать это с матерью.

- Что сказала твоя мать? – тихо спросил Василий.

- Хочет приехать быстрее, как только продаст квартиру. О Господи.

- Может, картины будут покупать часто, тогда мы ей снимем какое-нибудь жилье. Не переживай.

Вечером, а иногда по ночам они гуляли, обнявшись, по набережной. Слушали волны океана, смотрели на огни кораблей, на звезды. Они никогда не говорили о Васиних детях. Даже хуже, страшнее: Ирина не желала о них думать – и не думала, лишь изредка представляя, далеко-далеко, маленькую группу людей. Почему-то они стояли вытянув руки по швам, как на утренней линейке в пионерлагере, и смотрели не на нее, а куда-то вдаль. Почему-то у них были длинные вытянутые шеи и вздернутые вверх подбородки.

Вернувшись из деловой поездки, Ник в первое же утро заехал в галерею и прохаживался вдоль картин, ожидая, пока спустится Ирина. Просмотрев счета, Ник остался недоволен увиденными цифрами.

- Ирина, - сказал он жестко, - у меня получился другой результат по выплатам. Смотри, аренду я оплачиваю, как договаривались. Остальное идет от вашей деятельности – свет, вода, телефон и прочее.

- Ник, здесь получается почти двести тридцать долларов!

- Да, к тому же ты разговаривала с Москвой, я где-то видел счет. Это никуда не годится, Ирина.

- Ник, если бы ты знал. У меня проблемы с мамой, – пожаловалась Ирина, – какой-то шантаж...

- Это потом, давай закончим с работой, - перебил ее Ник. – Вот эти счета ваши. Деньги должны вычитаться из выручки, остаток ты вносишь в бухгалтерский отчет.

- Мы не сможем оплатить, это слишком много!

- Почему, ведь картины продаются? – спросил Ник спокойно.

Ирину обидела его дотошность.

- Ты прекрасно знаешь, что когда мы приехали, у нас здесь ничего не было – ни одежды, ни машины, совсем ничего. Нам приходится много тратить: услуги, парикмахерская, питание. Рента машины!

- Тратьте поменьше, - предложил Ник.

- Ты притворяешься или действительно не понимаешь?! – Больше всего ее сердило, что Ник разговаривает с ней строгим тоном. Будто она хочет его обмануть, или будто она его служащая.

- В ваших интересах научиться вести дела и, пусть не сразу, но оплачивать свои расходы самостоятельно. Понимаешь, надо суметь выйти если не на уровень окупаемости, то хотя бы приблизиться к нему. Я бы на твоём месте походил по другим галереям, посоветовался с Марком, он, мне кажется, всегда рад проконсультировать. Иди вперед, развивайся.

- Вот как ты заговорил! – возмутилась Ирина, - Дружба, благородство - одни слова, оказывается... А ты будешь вот так изредка приезжать и устраивать мне экзекуцию?

Ирина сидела опустив голову; никогда прежде Ник не предъявлял к ней претензий.

- Я оплачиваю аренду, - напомнил Ник.

Сверху по лестнице спустился Василий и сказал примиряющим тоном:

- Брось ты, Ира, он прав: мы стараемся быть экономнее.

- Привет, Василий, - Ник привстал и подал Василию руку. - Вот! Больше ничего и не надо, Ирина, только считать, записывать расходы. Во-первых. Во-вторых, стараться действовать по плану. Для этого надо иметь бизнес-план и придерживаться его. Я готов помочь его составить. Василий, ты согласен?

- Согласен.

- Боже, как с вами скучно, - вздохнула Ирина. Оказывается, деловая строгость Ника могла быть весьма неприятной. - Хорошо, посмотрим. Но сейчас ты оплатишь побольше, Ник?

- Лучше я куплю у тебя картину. Выбери для меня.

Ирина попросила Марка рассказать ей о торговле искусством, они встретились в небольшом ресторане на набережной. На стенах ресторана были развешаны картины, в основном изображавшие море и корабли. Осмотрев интерьер, - живопись в позолоченных рамах, умелую подсветку, гардины в тон, - Ирина поняла, что в за последнее время она насмотрелась на картины, слишком много рассуждала о них.

Живопись начинала ей надоедать.

- А как вы определяете, Марк, хорошая картина или плохая? - Ирина начала с простой минералки, Марк заказал белое вино и изысканные закуски.

- Дорогая, но с начала давайте договоримся - плачу я.

- Почему не пополам? - насторожилась Ирина. У нее возникло опасение, что торговец искусством захочет за ней поухаживать.

- Прошу вас, позвольте мне почувствовать себя джентльменом, я ведь не опасен, - пошутил Марк.

- Согласна, - улыбнулась она. - Но пожалуйста: как именно вы для себя определяете - хорошая картина или плохая?

- Сначала я выпью и съем этот кусок сыра, хорошо?

- Конечно.

- Ну вот, - начал Марк, - есть «габидж», то есть мусор, мы о нем говорить не будем.

Вторая категория живописи - «коммерциал». Это когда картины подбираются к интерьеру, по стилю или под цвет стен. Все, что вы видите сейчас в этом зале на стенах, и есть «коммерциал пэинтинг». Вам оно нравится?

Ирина осмотрелась еще раз.

- Неплохо. Скучно немного.

- Умница, правильно. Здесь уровень именно неплохой. К той же категории относится мало ценный антиквариат.

- Разве антиквариат бывает не ценным?

- Еще как бывает, деточка. Хороших художников всегда было мало, и в восемнадцатом, и в девятнадцатом веках. То есть «габидж» двухсотлетней давности и есть малоценный антик. Но антиквариатом я вам не советую заниматься. Никогда, слышите? Для этого вы слишком наивны и простодушны. Да и семья ваша, наверное, не занималась этим...

- Почему вы решили, что я так уж наивна? - удивилась Ирина.

- Да вы не обижайтесь, кое-чему в жизни я научился, например, немножко разбираться в людях. Выпьем! Наконец, последняя категория - непосредственно «файн арт». В идеале ваша галерея, если уж вы ее затеваете, должна иметь дело только с этой категорией живописи.

- И как же определить «файн арт»?

Марк налил им еще по бокалу вина. Официант принес горячее. Марк отпил глоток, легко вздохнул и рассмеялся:

- Как вам это объяснить, деточка. Например. Когда смотришь на полотно и испытываешь оргазм - значит, видишь настоящую живопись.

Ирина поперхнулась и пролила вино на платье. Поспешно промокнув пятно салфеткой, она встала:

- Марк, спасибо за ужин. Меня ждет Василий.

- О нет, стоп-стоп-стоп, - засуетился Марк, - деточка, погодите. Ну сядьте, прошу. Он обежал вокруг стола, и взяв Ирину за локоть, мягко усадил в кресло.

- Вы ведь пришли учиться?

Ирина кивнула.

- Позвольте мне дать вам один совет, причем совершенно бесплатно. Я старый еврей, сорок лет занимаюсь арт-бизнесом. Жил в Одессе, в Нью-Йорке, в Лос-Анжелесе и везде имел галереи. Говорю вам, деточка: если вы сидите в шикарном ресторане, звучит приятная музыка, вы пьете хорошее вино...неважно, с кем вы ужинаете. Абсолютно не имеет значения. Если не вы платите по счету, то никогда не уходите прежде, чем доедите десерт. Это мудрый совет, и притом искренний, не пренебрегайте им.

Марк так забавно подмигнул, что Ирина расслабилась. Оставшееся время она задавала вопросы, а Марк рассказывал неправдоподобные истории и любовался ею, склонив к плечу крупную седую голову.

Второй вернисаж Ирина проводила, как ей казалось, более осмысленно, с гостями общалась свободнее. Ник был в прекрасном настроении, рассуждал о живописи, об архитектуре, рассказывал про галерею своего деда. Василий много шутил по-русски, но непостижимым образом его остроты смешили окружающих. В этот теплый, несмотря на приближающееся Рождество, вечер было выпито много шампанского. Уходя, все благодарили хозяйку галереи, уверяя, что давно не проводили время так весело. Однако кроме этюда за пятьсот долларов, изображавшего московский Кремль, который купила романтически настроенная старушка в буклях, ничего не удалось продать. Дружественный порыв людей друг к другу – и никаких коммерческих достижений.

Ник отправился провожать особо важных гостей. Василий к концу вечера набрался, умудрившись смешать водку с шампанским в опасной пропорции, и задремал сидя на стуле. Ирина загрустила. Обиднее всего было то, что наперекор возражениям Ника она потратила больше денег на угощение, закупив не только шампанское, водку и вино, но и закуски. Расплакаться мешал Марк: он не уходил, продолжая грызть орешки и запивать их вином. Марк всем своим видом показывал, что спешить ему некуда.

- Вы устали или чем-то расстроены? – догадался он.

- А как вы думаете, - не сдержалась Ирина, - мы надеялись заработать, а продали только дешевую маленькую картинку.

- Это естественно, - Марк с лучезарной улыбкой осмотрел стены, будто только что явился на вернисаж.

- Вы говорите – естественно? Наверное, если мы разоримся, вы будете говорить – все нормально.

Марк ее не слушал. Он с бокалом в руке подошел к одной из самых больших картин и спросил:

- Вот это – кто автор?

- Кузьмин, - ответила Ирина.

- Вы называете фамилию, и я впервые узнаю о новом авторе. И что получается? Да, мне любопытно, мне даже может нравиться картина, но я буду подождать – как новый художник будет продаваться в этой стране. Художник должен быть узнаваемым! И тогда клиент смотрит на картину и говорит – о-о-о, да это Кузин, сразу видно...

- Кузьмин, - проснулся Василий.

- Пока без разницы, молодой человек. Вы уж меня простите. Покупатель должен узнавать манеру художника, только тогда вы можете ставить приличные цены.

Слушайте меня, детки, я сорок пять лет в арт-бизнесе.

Ирине надоели обсуждения и теории. Еще месяц назад все казалась просто и ясно: помещение в престижном месте, картины отличные, ни в одной галерее на этой улице и на других улицах Майами нет такой живописи. Цены отнюдь не заоблачные – для

такого качества. И тут началось: маркетинг, реклама...деньги, деньги, счета. Зубы сводит от этих разговоров. Как же неприятно оплачивать счета. Интересно, существует в природе человек, который любит их оплачивать?

- Я не могу вкладывать деньги в раскрутку каждого из моих художников: у меня их семеро, - сказала Ирина.

- Тогда ничего не выйдет! – развел руками Марк.

- Чушь, не слушай никого, Ириш. Я выбрал и привез классную живопись, а все ваши рассусоливания и тем более, извините, опыт нам не подходит, - поддержал ее Василий.

- Не слишком ли самоуверенны, молодой человек? – беззлобно отозвался Марк, продолжая прохаживаться с бокалом вина вдоль картин.

- Уж какой есть. – Василий опять закрыл глаза. Его тошнило.

- Давайте уже погасим свет в зале и разойдемся, я так устала. Спасибо всем за помощь, - не выдержала Ирина. Ей не терпелось снять туфли.

- Всегда рад помочь. Хотя бы бесплатным советом, – невозмутимо изрек Марк, склонившись в галантном полупоклоне.

Василий хмыкнул.

Для галереи опять наступили будни. Солнечным днем у входа остановился лимузин, шофер выскочил, открыл дверь, и из автомобиля вышла сияющая Мадам.

- Решила вас навестить. Показывайте, художник, что нового создали за то время, пока мы не виделись? – Мадам обращалась лишь к Василию, будто не замечая присутствия Ирины.

Василий засуетился:

- Вот, пожалуйста, новая картина. Посмотрите. Я начал писать по-другому.

- Палитра совершенно новая, впечатляет. Небо такое свежее, воздух пропитан дыханием океана. А какая работа ваша любимая, Василий?

- Любимая всегда – последняя. Подойдите сюда. Встаньте здесь.

Мадам послушно встала напротив картины, плечом к плечу с художником.

- Сделайте руку вот так, - Василий сложил ладонь, изобразив подзорную трубу, - и посмотрите на ту точку. Что вы видите?

Мадам посмотрела.

- Сумасшедший объем!

- Что еще видите?

- Я вижу, что облако дышит, оно пульсирует!

- Умница, вы молодец.

Василий сиял, Мадам тоже раскраснелась от удовольствия.

Ирина попыталась напомнить о себе, она подошла к ним с вежливой улыбкой:

- Обратите также внимание на передний план...

- Я знаю, – просто сказал Мадам и отвернулась от Ирины. Затем схватила Василия за локоть и потянула к другой работе, - а пойдёмте на другую работу тоже посмотрим в трубочку.

Ирине ничего не оставалось, как вернуться к рабочему столу. Невольно она продолжала вслушиваться в оживленную болтовню у себя за спиной. В этот момент в галерею зашла пожилая пара. Ирина поприветствовала их издали, но подходить не стала, давая возможность рассмотреть выставку: Ник учил ее, что отпугивать назойливым вниманием не стоит.

Мадам и Василий над чем-то хихикали, а Ирина стояла мрачная, глядя на улицу.

- Василий, - произнесла Мадам кокетливо, оказавшись уже у выхода, - запомните, мне интересно все, что вы делаете!

Она выпорхнула, как увесистая яркая птица, не попрощавшись ни с кем кроме художника. Ирина медленно повернула голову, чтобы удостовериться, с какой преданностью Василий смотрит вслед расфуфыренной богачке. Однако Мадам

неожиданно вернулась и на этот раз обратилась к Ирине:

- Простите, я забыла попросить вас. Мы, - Мадам сделала жест в сторону Василия, - договорились насчет вон той картины. Потрудитесь проследить, чтобы ее упаковали как следует. Доставите опять по адресу, указанному в визитке, хорошо?

- Хорошо, - машинально ответила Ирина. И сразу обрушилась на Василия, - Что за тон? Как она со мной разговаривает? Я ей что – служанка? «Потрудитесь проследить»! Дура невоспитанная.

- Не обращай внимания, - примирительно произнес он. - Кстати, я дал ей скидку. Сколько у нас стоит эта картина?

- Какая еще скидка? – закричала Ирина так громко, что посетители испугались. - Ты видел ее украшения?! По пятнадцать тысяч долларов в каждом ухе!

- Ириш, перестань. Здесь люди. Скидка приятна любому, и чем богаче - тем жаднее, не знаешь, что ли? Подумай лучше, как упаковать работу.

- Об этом я думать даже не собираюсь. Как хозяйка галереи я требую, чтобы картина была продана за полную стоимость! Слышишь?!

Тем временем посетители, робко улыбаясь, пытались привлечь внимание Ирины. Указывая пальчиком на картину, дама тихим голосом в который раз спрашивала о стоимости небольшого натюрморта. Ирина не обращала на нее внимания:

- Или она покупает на общих основаниях, или никак. Пусть катится.

- Просто смешно.

- Ха-ха-ха.

- Тебя зовут, - Василий деликатно кивнул в сторону пожилой пары. Те терпеливо ожидали ответа.

- Если такой умный, если ты здесь принимаешь решения, то разговаривай с ними сам. А то только и можешь любезничать с богатыми дамочками. Меня почему-то не позвал поучаствовать в беседе! Теперь иди, попробуй сам продать работу. Я вот не подойду, нарочно.

- Я поговорил бы с ними, но языка не знаю. Чем они виноваты?

Пошептавшись, посетители покинули галерею.

- Ириш, из-за тебя мы упустили клиентов.

- Придут еще раз, они уже два раза приходили. Марк говорит, что если человек по-настоящему хочет купить картину, то он не отступится.

- Марк говорит! - вспыхнул Василий, но сразу взял себя в руки. – Почему ты так сердишься, глупышка?

Нинель предстояло дождаться оформления визы, освободить квартиру и упаковать вещи.

Оставалось выгодно разместить часть денег, полученных за квартиру. Чтобы в то время, пока они с дочерью будут жить интересной жизнью в Соединенных Штатах, их капитал рос и преумножался. Как сотни тысяч бывших советских людей, Нинель, вступая в эту игру, себя считала прирожденным гроссмейстером. Она готова была распределить свои сокровища по многочисленным инвестиционным фондам, но ее планы изменил Элькин звонок.

- Теть Неля, так я не поняла, вы что, уже продали вашу квартиру? – начала Элька без предисловий.

Нинель почувствовала себя виноватой.

- Эля, ты понимаешь, мне же нужно было срочно. Но не все еще решено, - почему-то схитрила она.

- Что значит не решено – деньги получили или нет? – в голосе Эльки прозвучала претензия, будто это была ее собственная квартира. – Я располагаю ценной информацией и по старой дружбе хотела с вами поделиться. Конфиденциально, разумеется.

- Про что это, Эличка? – спросила Нинел заискивающе.

- По поводу выгодного размещения частных капиталов, - сказала Эля, понизив голос. Нинель улыбнулась своему отражению в зеркале: интуиция и везение не собираются оставлять ее.
- Могу предложить вам возможность получить доступ в финансовую компанию, организованную только для «ви ай пи». Знаете, кто это такое?
- Нет, Эличка, - застеснялась Нинель.
- Элитарное общество, связанное с крупнейшими – я подчеркиваю, тетя Нель, крупнейшими – трастовыми компаниями на Западе. Сто двадцать процентов прибыли в год! Никому только не говорите, а то все полезут.
- Что ты девочка, я никому, да разве я могу...
- Конечно, вы сами решайте, я же не навязываюсь, просто хорошо отношусь к вам. Подробности расскажу при встрече, но чем быстрее вы вложите, тем лучше. Я вам скоро перезвоню.

Через три дня Нинель пришла в Варсанюфьевский переулок, где располагался офис Элиной фирмы. Она побоялась ехать на метро или на троллейбусе с большими деньгами, и путь от Арбата до Рождественки преодолела пешком; может, и не слишком далеко, но той зимой в Москве никто не убирал снег. Нинель запыхалась и устала. Больше всего ее поразил заплывающий, пахнущий мочой подъезд.

«Но, может, не все хотят чистых мраморных лестниц, не все рвутся афишировать масштабы своей деятельности?», - рассуждала Нинель, поднимаясь на высокий четвертый этаж без лифта. Когда она, постучав, вошла в комнату, Элька поспешно сняла со стола длинные ноги, – в такой позе она сидела, беседуя с молодым парнем. Комната была до потолка заставлена крупными коробками, в которых, по-видимому, была дорогая техника. Парень, вежливо поздоровавшись, вышел.

Эля чмокнула Нинель в щеку:

- Раздевайтесь, садитесь, тетя Нэля. Чего вы пыхтите-то вся?
- Попить дай, пожалуйста.

Элька нажала кнопку на аппарате и велела принести минеральной воды без газа. Худенькая женщина средних лет с испуганными глазами принесла стакан воды и сразу удалилась.

- Волнуюсь я, - доверительно сказала Нинель, отдышавшись.

- А что так?

- Все-таки. Деньги большие.

- Сколько принесли?

- Десять, - прошептала гостя и достала из сумки простой целлофановый пакет, в котором лежали завернутые в чистую тряпочку деньги.

- Да ну, - сказала Элька капризно, - стоило из-за такой суммы огород городить, да и вам тащиться ко мне в офис! У нас такой пай даже не рассматривают. Тетя Нэля, если вы боитесь и мне не доверяете, то извините, но я вам ничем помочь не смогу.

- Что ж десять тысяч долларов, - шепотом спросила пораженная Нинель, - совсем уже для тебя не деньги, что ли?

Элька спокойно закурила.

- Я же объясняла насчет элитарности нашего фонда.

Нинель молча осмотрела захламленный кабинет.

- А сколько надо? – наконец, выдавила она.

Эля пожала плечами и состроила гримаску.

Нинель пыталась взывать к собственной интуиции, но интуиция, как назло, смолчала.

- Двадцать возьмешь? – решила Нинель и полезла в объемистую сумку за вторым пакетом. Достав, она положила его на стол рядом с десятью тысячами. – Вот, всего двадцать, - сказала Нинель тихо и вздохнула, - больше не могу, Эличка.

- Значит, только это, - подвела итог Элька. Нинель стало обидно, так небрежно было сказано о ее кровных деньгах. Элька взяла пачки долларов, выбросила пакеты и тряпочки в мусорную корзину, а купюры быстро засунула в ящик стола, словно это были шоколадки.

- Что с вами делать, ладно, мы же друзья.
- А пересчитывать не будешь? – удивилась Нинель.
- Я вам верю, - сказала Элька подобревшим голосом, - но потом обязательно посчитаю. Значит, как я вам говорила, сто двадцать процентов годовых. Вы когда уезжаете?
- Через месяц почти.
- Тогда как вы решите: проценты за первый месяц, две тысячи долларов, будете получать или капитализируете их и потом уже получите процент на процент?
- Как это? – хотя Нинель подозревала у себя наличие больших способностей к финансовой деятельности, но такую замысловатую тираду сходу расшифровать не смогла.
- Ну, - капитал прирастает, если вы не получаете ежемесячные проценты.
- Конечно, пусть растет.
- Тогда все, - широко улыбнулась Элька.
- Как это – все? А договор? – опешила Нинель, она уже ощущала неприятную легкость собственной сумки.
- Хотите договор? – спросила Эля будто недовольно.
Нинель смутилась: у нее мелькнула мысль, что может, она и не понимает ничего в современном бизнесе и ее претензии – вызывающе старомодны.
- Расписку хотя бы, - промямлила она. - Что же, я просто так, что ли, отдаю свои деньги чужим людям?
- Ничего себе – чужим! Вы даете, тетя Нэль. Не ожидала от вас. Но расписку дам – раз вы требуете.
Элька достала два бланка и по селектору попросила секретаря принести ей печать. Нинель от руки внесла в документ свои паспортные данные, Элька свои. Секретарь принесла не одну, а даже две печати.
- Мы все оформим по закону. Тем более, что вы мне не доверяете, - приговаривала Элька, всем телом налегая на печати.
- Эличка, - сказала Нинель, очень довольная тем, что сумела настоять на своем. - Я не хотела тебя обидеть, просто порядок должен быть в делах.
- Да нет проблем, - великодушно разрешила Элька, помахивая бумагами.
По причине этой финансовой операции денег у Нинель значительно поубавилось. Но дел по-прежнему оставалось много, целый месяц она не высыпалась.
Потом были проводы: Нинель устроила вечеринку для малочисленных неблизких родственников, для коллег по бывшей работе и отдельно для старинных приятельниц. Мебель уже была продана и роздана, а Сева так загрустил в уже почти пустой квартире, что на этих посиделках даже не попрошайничал, одиноко задремал на голом полу, зябко свернувшись и демонстративно вздыхая.

Нинель с Севой прибыли в Майами в самое лучшее время года в этих краях – в конце марта. Все уже цвело и пело, но жара еще не донимала. Произошла путаница с разницей во времени и с расписанием самолетов, Нинель никто в аэропорту не встретил. Потому первая фраза ее, обращенная к дочери, получилась раздраженной:
- Доча, не ждали меня, можно подумать? Разгружайте побыстрее и заплатите таксисту, у меня нет мелких денег.
- Мамочка, да как же ты, да почему... Вася, Василий! Мама приехала! – радостно закричала Ирина. – И Севушка. Наконец-то...
Сева нервно дрожал – летать «Аэрофлотом» ему не понравилось.
Шофер, Вася, Ирина носили вещи, а Нинель отправилась погулять, взяв Севу на поводок:
- Смотри, малыш: пальмы, тепло, - думаю, нам здесь будет хорошо, - объясняла она своему лучшему другу. Нинель даже зажмурилась, стараясь запомнить свои первые ощущения: упругий ветер с океана бил в лицо.
Сева оценивал местную природу скептически. Среди бетона и монументальных деревьев, обнесенных изгородью или около сильно пахнущих неведомых кустов он

чувствовал себя, будто в вестибюле торжественного здания. Ему неясно, есть ли здесь нормальная улица с нормальными запахами, где можно и о соседях разузнать, и заявить свои права.

Марк оказался в этот момент в галерее: не принимая участия, он с большим любопытством наблюдал за разгрузкой вещей вновь прибывшей дамы с собачкой.

Затем поспешил подойти:

- Какой миленький песик, мадам! – сказал он галантно.

- Ой! А вы тоже по-русски говорите? – изумилась Нинель.

Для Майами она выглядела невыносимо эффектно: с почти сохранившейся укладкой, с ярким маникюром и при макияже. На Нинель были джинсы, но при этом нарядные туфли и блузка в воланах, розовая.

- Добрый день, меня зовут Марк, я сосед и коллега Ирины.

Нинель подала руку для поцелуя, вернее, кончики пальцев, - она была уверена, что за границей надо здороваться именно так.

- Здравствуйте. Как поживаете?

- Мамочка! Посмотри, тут что-то рассыпалось, - раздался голос Ирины из галереи.

Марк и Нинель неторопливо продолжили общение:

- В некотором роде я ваш сосед, мадам, и с удовольствием покажу вам океан. У меня есть лодка.

Нинель оценивающе его осмотрела.

- Мы с вами куда-нибудь поплывем? На лодке?

- Но это так говорится, что лодка, мадам, на самом деле это маленькая яхта спортивного класса, я выхожу на ней в океан каждый уикенд.

- Ма, подойди пожалуйста, - Ирина теряла терпение. – Марк, прошу вас.

- Ты нас звала? – Нинель, сопровождаемая Марком, наконец, вошла в галерею и втянула за собой слегка упирающегося Севу.

- Надеюсь, тебя не очень трясло в самолете, - сказала Ирина.

- Ноу, ноу. Я в полном порядке.

- Тогда мама, если тебе нетрудно, помоги нам разобраться в твоих вещах. Извините, Марк, боюсь, мы не сможем уделить вам время.

- Понимаю, - Марк с трудом смог оторвать восторженный взгляд от Нинель. - Всего хорошего, мадам, буду счастлив познакомиться поближе и показать вам достопримечательности.

Марк и шофер покинули галерею, и Нинель стала осматривать помещение: стены, жалюзи, картины, студию наверху. Она трогала каждый предмет и восторгалась:

- Наша галерея! Ну вот, все волнения позади, наконец-то я дома. Здесь даже дышится легко, правда? Воздух свободы и благоденствия!

Даже новость, что ей придется спать на маленьком диване около кухни, Нинель приняла с оптимизмом. Она повторяла:

- Тут чудесно, чудесно! Это Ник все устроил?

- Мы с Ником компаньоны, за все платим пополам, - объяснила Ирина. - Он, кстати, обещал помочь найти для тебя недорогую квартиру.

- Конечно, как для меня – так самое недорогое. Вообще-то я вижу, что нас с Севочкой никто не ждал, - неожиданно заключила Нинель.

- Мама, зачем ты так говоришь, - опешила Ирина, - просто здесь трудно, ты сама это поймешь очень быстро. Все не так как видится из Москвы.

- Разве я не вижу, Василий, как вы на меня смотрите? – начала Нинель с ходу, ей сразу показалось, что Василий в прекрасном помещении – третий лишний, и она не считала нужным это скрывать.

Василий недоуменно пожал плечами и вышел из кухни в студию, но обнаружил, что и там весь пол завален баулами и свертками. В раздражении он пнул один из свертков ногой, с грохотом посыпались чашки и блюдца.

- Зачем ты бросаешься на Васю, ты для этого приехала? – шепотом на кухне спросила расстроенная Ирина.

- Если бы я не взяла все в свои руки, ты бы нас еще несколько лет не забирала!

- Это я уже слышала.
- Мы сейчас с Севочкой уйдем, раз мы никому не нужны.
- Куда?
- Ник найдет нам квартиру.

Внезапно Нинель испуганно вскочила и стала разыскивать среди вещей супницу. Обмотанная в газеты и полотенца супница обнаружилась в коридорчике, в дальнем углу.

- Слава Богу, не разбилась, - Нинель даже поцеловала супницу и открыла крышку. - И в ней деньги!

- Неужели все поместились? – удивилась Ирина.

Нинель вдруг вспомнила о правилах безопасности и, указывая на спальню, куда ушел Василий, сказала «тсс...».

- Мама...- укоризненно протянула Ирина.

Но Нинель потихоньку закрыла дверь и усадила Ирину рядом с собой.

- Слушай, доча. Веточка смогла продать квартиру дороже, заработала для нас.

Пятнадцать тысяч я вложила в очень выгодные акции, - проговорила Нинель скороговоркой. - В общем, здесь тоже около пятнадцати.

- Тридцать тысяч за роскошную квартиру в центре Москвы?! Это грабеж, мама.

- Я же сказала, - пояснила Нинель гордо, – часть вложена под большой процент, деньги должны работать. Так что как видишь я не нищая, материально обеспечена. Мы с тобой приоденемся, приведем себя в порядок. Надо держать марку. Извини, доча, но ты выглядишь ужасно. А когда начнем получать проценты с капитала, то снимем приличную квартиру. Но пока мне и здесь места хватит. Я не хочу одна, и так настрадалась от одиночества пока тебя не было.

Ирина пожалела, что мать не знает о семье Ника и до сих пор надеется на что-то, считая единственной помехой счастью дочери лишнего Василия.

Они возвращались из ресторана втроем в машине Ника.

Ник был задумчив, как всегда в последнее время. Ирина тоже грустила, лишь Нинель излучала довольство.

- Спасибо тебе, мой хороший. Как тебя увидела – так сразу и оттаяла. Ты мне нравишься, Ник! – повторяла Нинель.

- Благодарю.

- А вкусно, как здесь все вкусно, порции огромные! Жаль, мы не взяли Севочку, но я ему прихватила кое-что. Дай я тебя поцелую, дорогой. М-м-м.- Нинель прихватила Ника за шею, не беспокоясь о безопасности. Ее посадили вперед, чтобы она лучше осмотрела окрестности. Но Нинель использовала свою позицию, чтобы постоянно пытаться по-родственному тискать водителя.

- Мама...- не выдержала Ирина.

- А что, у нас свои отношения, правда, Ник? Мы еще Рождество вместе будем встречать, помнишь, как тогда?

Ник промолчал.

- Рождество здесь встречают со своей семьей, - сказала Ирина. Почему оно никак не наступает, ее счастливого семейное Рождество?

Ник проехал еще раз по набережной, показал Нинель здания ар-деко и подъехал к галерее.

- Зайдешь выпить кофе? Помнишь мой кофе? – спросила Нинель.

- Да. Настоящий, - с улыбкой отозвался Ник.

- Погадаю, а?

Ник обернулся к Ирине, но она лишь улыбнулась сдержанно. Ник взял руку Нинель и поцеловал в запястье.

- Спасибо, в следующий раз.

- Жаль. Не забудь, пожалуйста, в субботу едем по магазинам – нам с Иришкой надо приодеться.

- Мам, зачем Ника грузить? Вася нас отвезет.

- Ты же не будешь спорить, что Ник знает здешние магазины гораздо лучше. И про дантиста узнай, Ник, пожалуйста. У меня деньги есть. Можешь рекомендовать самого лучшего!

- Мама, зачем ты позвала Ника? Вася вечерами работает - это мы с тобой по ресторанам ходим, ему же обидно, - выговаривала Ирина матери, когда они оказались в галерее.

- Вася-Вася, наплевать мне на Васю, поняла? Пусть разведется сначала или, по крайней мере, деньги научится зарабатывать.

- Как тебе не стыдно!

- Кому? Мне должно быть стыдно? Живешь с бездельником, мы его практически содержим! Разрушил тебе такую выгодную партию - Ник же здесь, в Штатах, замуж тебе предлагал? Ну, ответь. Только честно.

- Тише, тише, пожалуйста, Вася работает. Он задумал очень серьезную картину. Все не так...гораздо сложнее, мам. Я тебе объясню.

Но Нинель невозможно было остановить:

- Почему я должна стесняться какого-то там Васю, скажи на милость? Он не постеснялся тебе жизнь ломать?

Ирина в отчаянии увидела, что Василий спускается по лестнице сверху, одетый для прогулки.

- Ты куда? – спросила она растерянно.

- Подышать, - он прошел мимо не останавливаясь, лишь добавив тихо, - надоело слушать ваши разговоры.

Вместе они не гуляли с тех пор, как приехала мать Ирины.

- Хоть бы собаку догадался взять с собой, что просто так ходить-то, - пробормотала Нинель ему вслед.

Ирину угнетало, что ее мечта быть музой и помощницей творческого человека, помогать создавать необыкновенные картины, - рушилась некрасиво и с грохотом. Оставалось лишь бессильно наблюдать, как шквал обстоятельств, банальных, но непреодолимых, подхватывает ее надежды и бросает в болото мелких эмоций. Она возвращалась к мыслям о Гале, Елене Дъяконовой. Почему у нее, у Ирины, не получается быть самоотверженной женой художника? В том ли причина, что талант Василия не столь масштабен? Или это у нее самой не хватает таланта веры в Василия? Во французских книгах Ирина прочла, что Гала везде возила с собой икону Казанской Божьей Матери, вывезенную из России, и всегда молилась.

Она работала в галерее с восьми утра и до ночи, пыталась придумывать рекламные ходы, зазывать покупателей. Но настоящего вдохновения, свободной радости в работе не появлялось. Все чаще Ирина признавалась себе, что с большим удовольствием проспала бы до полудня, чем позевывая сидеть в офисе. Созидательная энергия ушла. « И это тоже, наверное, из-за наших коммунальных склок», - думала Ирина.

Зато Нинель с удовольствием познавала окружающее пространство. Они с Марком несколько раз выходили в океан на его яхте, бывали на вернисажах. Однажды Марк пригласил ее на премьеру в театр-варьете, рассчитывая поразить воображение Нинель пышностью постановки. Но удивить ее оказалось непросто.

- Как мне может нравиться, если я ни слова не поняла?! – воскликнула она после спектакля, - И вообще...мой муж пел в Большом театре.

- Я согласен – это не Большой, и даже не Одесский оперный, мы с вами слишком интеллигентны для местных условий. Нинель – можно мне вас так называть? Вы – необыкновенно эффектная женщина. Вам кто-нибудь говорил об этом?

- Еще бы.

Марк решил:

- Простите, я волнуюсь, увидев вас впервые, такую шикарную женщину, я понял,

дорогая Нинель, что мечтал о вас.

Нинель восприняла признание как само собой разумеющееся. Единственно, что ей казалось странным - что Марк мнит себя человеком одного с ней поколения, себе она казалась значительно моложе. Марк, воодушевившись тем, что его не перебивают, заговорил с большим жаром:

- Я, собственно, хотел сделать вам, – предложить предложение. Я могу обеспечить вашу жизнь!

- Вы предлагаете мне выйти за вас замуж?

- Да, руку и сердце, Нинель, сердце и руку.

- А ваши внуки? – она посмотрела на него внимательно, ожидая, что он будет юлить и выкручиваться. О троих внуках Нинель узнала от Ирины.

- Что внуки? – опешил Марк.

- У них, наверное, уже есть бабушка? – остроумно перевела разговор Нинель.

Марк закатил глаза:

- Боже, за кого вы меня принимаете? Я честный вдовец с неплохими материальными возможностями.

- Ну, знаете, - парировала Нинель высокомерно, - с возможностями у меня тоже все в порядке.

И добавила:

- Но к браку я пока не готова, пожалуй. И потом – я очень нужна дочке.

Разговаривая в субботу по льготному тарифу со своей московской подругой (с коллагеновой маской на лице, в новом пеньюаре), Нинель говорила притворно-жалобным голосом:

– Не успела я приехать, и сразу зовут замуж. Такое впечатление, что нормальных женщин здесь нет. Здесь никто не одевается, не красится даже. Наверное, от хорошей жизни. Конечно, мы контрастируем.

- А он состоятельный человек? – спрашивала подруга.

- Весьма. Но ты же знаешь, я тоже не бедная. И сказала ему, что пока к серьезным отношениям не готова. Я хочу жить с Иришей, без меня она пропадет. И потом...не молод. Как поклонник он меня вполне устраивает, тем более пока у нас нет машины. Вася? Ну водит там что-то по ренте, но я не пользуюсь. Да Бог с ним. Но замуж! Ха-ха-ха. Извините.

В это время из поездки по магазинам вернулись Василий и Ирина.

- Все, все, пока, я перезвоню! – поспешно завершила разговор Нинель, живо припомнив недавний скандал с телефонными счетами за международные разговоры и потихоньку повесила трубку.

Все началось с разговора о кофе.

Нинель очень быстро прониклась местными идеями, в частности, манией поиска «здоровых» продуктов. Реклама действовала на нее завораживающе. В то утро Нинель трясла банкой дорогого кофе:

- Смотри, вчера купила. Очень дорогой, абсолютно без кофеина. В Америке изобрели столько безвредных продуктов, а вы никак не научитесь пользоваться достижениями передовой науки о человеке!

Ирина и впрямь чувствовала легкую дурноту от выпитой утренней чашки.

- Человечество шагнуло вперед...новые технологии! – продолжала Нинель. – Эх, если бы Ник мог возить меня почаще, я бы все здесь разузнала, впитала прогрессивные идеи.

- Он не обязан, как мне кажется. Лучше сама учи язык, - добродушно заметила Ирина, - или попроси Марка, он будет счастлив возить тебя.

Нинель задумалась и ответила серьезно:

- Как мужчина он мне совсем не нравится, потому не хочу быть ему обязанной. И потом, эмигрант – что он может понимать в хороших магазинах и в хороших вещах? – Нинель выразительно посмотрела на Василия. – Мне даже в бутик с ним зайти

неудобно как-то. Подумают, что мы вместе.

- Мам, что ты все – бутик, бутик. Наши деньги почти закончились – и, кстати, совершенно непонятно, куда они делись.

Нинель насторожилась:

- Я должна была вставить зубы и купить себе приличные очки. Темные очки тоже, не могу же я показаться на пляже с неодетым лицом.

- За триста пятьдесят...

Перепалки по поводу денег стали возникать между ними со скучной регулярностью.

Даже когда они обе этого не хотели, деньги словно заставляли их ругаться.

- А если ты опять намекаешь на шубу...она совсем недорогая, я купила ее на распродаже.

- Пусть на распродаже, - завелась Ирина, - ты сама не сможешь объяснить, зачем она тебе здесь нужна. Шубы, украшения, вечерние наряды, – будем считать, что это все предметы первой необходимости. Давай лучше прикинем спокойно, сколько всего было потрачено, остаток запишем и будем думать, как жить дальше.

По правде говоря, не только Нинель, но и самой Ирине страшно было узнать правду о тратах.

- Тысяч пять потрачено, - неуверенно начала Нинель с оптимистичной цифры. - Или пять с половиной, - поспешно добавила она. - Самое большее – шесть. А на рамы сколько ушло? Вы с ним, - перейдя в наступление, Нинель указала на Василия, - уже тратите наши деньги на свою галерею!

- Мы потратили две, но точно не помню, надо проверить по счетам.

- Вот видишь!

- Что значит «вот видишь»?! Это же для работы, ма! Считай, что мы взяли в долг.

Придется просить Ника, чтобы в этом месяце дал больше денег. Я попрошу, ладно.

Василий, безмолвно присутствующий при разговоре, вдруг стукнул ладонью по столу:

- Вы можете хоть когда-нибудь говорить не о деньгах? О литературе хотя бы? Или о кино, я же накупил хороших советских фильмов.

- Подумайте, какой чувствительный! Субъект, - тут же переключилась Нинель.

- Ириш, - начал Василий и посмотрел на Ирину, как ей показалось затравленно, - прости, не могу я больше.

Он поставил свою кружку и вышел из кухни в студию, встал перед мольбертом. Ирина, видя перед глазами темные пятна, с трудом дошла до кушетки в студии, легла и тихо сказала:

- Васенька! Мне так плохо. Вдруг я беременна?

Она не понимала, откуда взялись эти слова, до сегодняшнего утра не было и мысли о беременности. Больше всего Ирине хотелось преодолеть тягучий, засасывающий порядок вещей, разъедающий ее жизнь. Она действительно была беременна.

Думая о своей семье, Лиза часто вспоминала картину «Тройка» Перова, где изможденные плохо одетые дети в метель тянут санки с убогим скарбом. Лиза понимала, что жалеть себя и даже жалеть своих детей – вредно, это лишает последних сил. Но, кажется, лишаться уже было нечего. Настроиваясь поздним вечером на долгую ночную работу, Лиза рассуждала так так: «Подумай, разве это достоинство быть веселой и много работать когда у тебя все благополучно, рядом любящий человек, муж, вокруг – много щедрых друзей. Нет, в такой ситуации только дурак не сможет быть правильным и мужественным. А ты попробуй одна, как в лесу, - иди вперед, быть радостной и сильной. Словно какой-нибудь герой Фенимора Купера – Чинганчгук, что ли, - или, например, Гулливер. Боролись же они в одиночку, выкапывали полезные корни, сооружали хижины. Кроме того, Лиза, у тебя замечательные родители, красивые дети. Над головой крыша маленького дома. Разве ты имеешь право грустить? Нет, ты должна еще больше работать и благодарить за то, что у тебя есть».

Часто она не могла купить детям и себе ничего кроме крупы и хлеба.

Маленькая Зося не ходила в садик, потому что там надо было платить. В школе старшим постоянно требовалось что-нибудь принести или на что-нибудь сдать деньги. Родители Лизы, пенсионеры, тоже стали нищими, но чем могли помогали: забирали летом детей к себе на дачный участок в Подмоскowie, там же трудились без усталости, заготавливая соленья, консервированные салаты и варенья, возделывая самовольно засеянное картофельное поле возле железной дороги. Этими заготовками и запасенными крупами зимой питалась вся семья.

Лиза старалась делать побольше глиняных фигурок и нарядных кукол. Материалы для кукол искала в ненужном тряпье у знакомых. Иногда друзья художники делились с ней, отдавали часть своих материалов или продавали дешево. Знакомый скульптор разрешал ей пользоваться печью для обжига. В общем, куклы рождались своим чередом. Труднее было их продать. Оставив дома Зося с бабушкой, Лиза брала тяжелую сумку и объезжала художественные салоны и галереи. Ей пришлось забыть о застенчивости, научиться просить, и надоедать, и унижаться. В одних галереях кукол просто не брали, в других брали, но после продажи платили слишком мало. Чаще Лизины изделия покрывались пылью на витринах и на полках, но не продавались. Бывало, ее обманывали. Этому тоже пришлось научиться – никому не доверять и не слишком расстраиваться, если обокрали. Глиняные фигурки на прилавках коробейников в Измайлово и на Крымском валу расходились неплохо, но совсем за копейки, продавцы брали половину выручки, да еще просили приплатить за аренду и сдать взнос на рэкетиров.

«Если плохо продаются куклы, то ты сама виновата, - говорила Лиза себе. - Значит, люди могут взглянуть на них и равнодушно идти дальше. А ты должна обрести такое дыхание, чтобы люди не смогли уйти, все думали бы о куклах влюбленно. Тогда, если даже у людей нет денег, они снова и снова будут приходить пообщаться с ними. А те счастливые, которым дано достаточно денег, купят, принесут принцесс, клоунов и гномов в свои теплые дома». Только особенные, одухотворенные творения, верила Лиза, способны притянуть чудо и привести, наконец, сказку.

Она всегда представляла себе одну и ту же сказку:

Из Америки возвращается Вася, прежний, и подарков для детей у него столько, что они не помещаются в руках. И даже в коридоре не помещаются. Вася изумлен тем как выросли его дети. Какой хорошенькой – голова в белых локонах - стала малышка Зося. Старшие играют в это время друг с другом в шахматы, они степенно подходят и здороваются с достоинством. Зося лепечет песенки и длиннющие стихи, которым ее научила бабушка, она уже умеет читать, в свои четыре года! Сначала она не узнает папу, и Васенька немного смущен этим, даже огорчен, но в конце концов Зося целует его и повторяет за Лизой «мой папа приехал». Когда Васенька с трудом приходит в себя ото всех этих невероятных событий, он прижимает к себе Лизу, они вместе, не сдерживаясь, плачут от радости. И потом прыгают по квартире, обнимаются, целуются.

В Лизиной сказке не было для мужа никакого упрека, тем более наказания. Да и вины за ним не было; там, на пороге квартиры, среди ярко упакованных подарков, он очищался от любой вины и роковых ошибок, будто снимал пальто.

Такое настроение бывало на вдохе.

Шли дни, проходили ночи перед темным окном, перед пустыми глазами кукол. Вася ни разу не позвонил. Писем и посылок от него тоже не было. На выдохе – Лиза пошла и попросила в аптеке продать ей снотворное. В аптеке продать сильнодействующее снотворное без рецепта отказались. «Как же так, мне с тремя детьми некогда выбраться к врачу. Но я говорю вам определенно, что врач велел мне долговременно принимать именно эти таблетки. Хорошо, я приду с детьми, и вы увидите», - пообещала Лиза.

Остановиться в тот день она не могла, возможно – мартовский авитаминоз был тому

виной. Или полнолуние. Два дня назад ее обманули в обменке, где она меняла заначку, сто долларов. Вчера два раза пытались вытащить кошелек, сначала в центре, на станции метро Смоленская, потом в автобусе на Молодежной. И с третьей попытки – вытащили.

Лиза привела в аптеку Зосю и мальчишек, велела им постоять у окна, подошла к продавцу и спросила с вызовом: «Наконец, вы можете утомленной матери этих детей продать необходимое лекарство? Я не высыпаюсь». Ей продали.

Лиза уговорила себя, что ни по одной таблеточке, ни сразу все она принимать, конечно, не будет. Ей казалось, что с присутствием в доме пузырька станет легче работать, веселее вставать по утрам, если знать, что лекарство от жизни лежит в верхнем ящичке кухонной тумбочки.

В понедельник Зосю забрали родители, старшие дети еще не вернулись из школы, и она оказалась в квартире одна. Растрепанная, подвивая и раскачиваясь в забытьи, Лиза моталась по квартире, от окна на кухне до окна в единственной комнате, потом обратно, через тесный коридор. Стукнуться бы случайно о косяк головой! А можно и нарочно.

Она решила посмотреть на пузырек с таблетками, только посмотреть. Принять одну таблетку, Лиза помнила, она не имеет права: у нее чувствительная психика, здоровье ослаблено, и после этой таблетки двадцать часов подряд никто не сможет ее разбудить. Ей же надо приготовить обед, сводить среднего сына на музыку, забрать Зосю от родителей, приготовить ужин, проверить упражнение по русскому у старшего Павлика, позвонить в галерею и попросить займы, в счет продажи коллекции. Никак нельзя одну таблетку.

Если только все сразу.

Взгляд упал на расчлененное, вернее, еще не собранное тельце куклы на кухонном столе: две фарфоровые ладошки и два ботиночка лежали отдельно, голова белела не прорисованным лицом. Бледность лица была безупречна, и кукла явно не страдала, лежала себе в забытьи и беспамятстве. Счастливая кукла, у которой душа пока была в путешествии в иных мирах.

Лиза опоздала.

Потому что мальчишки вернулись из школы вдвоем, и не только наполнили квартиру жуткими криками, но не снимая ботинок протопали по квартире, разыскивая мать. На бегу они умудрялись драться, оставлять на полу лужицы из грязного снега, отнимать друг у друга что-то. И истошно вопить. У Лизы было ощущение, что ей вылили на голову ведро холодной воды или же ударили алюминиевой трубой по темечку. «Тоже терапия», - подумала она, увидев румяные мордахи сыновей.

- Мама, - старшему удалось добежать до нее первым, - мы принесли газету!

- Письмо! Ты его уронил, придурок! Это от папы! Конверт и марки, чур, мои!

- Отдай, сам открою! – завопил старший.

Лиза опустила на табуретку.

- Ну-ка, вы так порвете. Дайте мне.

- Папа нам написал письмо.

Лиза вскрыла необычно узкий конверт.

- Это не от папы, - сразу определила она.

Как и ее дети, Лиза, поняв, что письмо не от Васи, потеряла к нему всякий интерес и готова была хоть сейчас выбросить его в мусорное ведро. Но бланк был красивый, с коронами и вензелями вверху.

Лиза прочла:

- Посольство Дании в Москве. Уважаемая госпожа Елизавета Ал..., - без интереса продолжала читать Лиза. - Господин Хельдер...схофф, так, господин такой-то, владелец частного музея «Леголенд»... «Леголенд», дети, - знаменитый музей кукол в Дании. Направляет Вам...Перевод письма - прилагается. Посмотрим.

Лиза достала из конверта еще один листок, перевод письма владельца «Леголенда».

- Мам, посмотри, в конверте нет картинки?
- Нет. Только маленький рисунок на бланке музея. Можешь поддержать, но аккуратно. Сначала ты, потом Гриша, по очереди.

Сказочник, любимая Лизина кукла, исполнил по-своему. Так, как ему казалось лучше. Получилась весенняя сказка для Лизы.

В Данию, а затем в Леголенд попали две ее куклы - Оле Лукойе и Снежная Королева. Случайно запрос из музея пришел, куда нужно: сначала в Копенгаген в посольство России, а оттуда именно в ту секцию именно того творческого Союза, в котором состояла Лиза. Письмо сообщало, что Музей кукол хочет заказать коллекцию по сказкам Андерсена, на следующий год приходился юбилей великого сказочника. Посольство Королевства Дании в Москве вежливо просило Лизу прийти в удобное для нее время к советнику по культуре посольства, чтобы изложить свои требования для возможного контракта с музеем. Потом был контракт, заказы, приглашение летом поехать на неделю в Данию.

В Москве Лиза успешно сделала кукольных персонажей к спектаклю известного театра. У Лизы в России и в Скандинавии появились постоянные покупатели-коллекционеры. Теперь она могла позволить себе мастерить дорогие выставочные экземпляры кукол и участвовать в художественных выставках. Важные нарядные особы были крупными и тяжелыми, упаковывались в специальные деревянные коробки. Лиза знала, что те из них, кто не найдет свой дом в Москве, в скором времени отправятся в Данию и Швецию.

В тот день Лиза со старшим сыном вытащили коробки из подъезда и пытались поймать машину, чтобы отвезти кукол в маленький выставочный зал на Петровских линиях. Их подвез Борис, живущий в соседнем подъезде; военный в отставке подрабатывал извозом на «Жигулях». Борис взял с нее мало денег, сказав, что ему все равно надо ехать в центр.

- Нормально, - подтвердил он в ответ на Лизин протест. - Первый раз в жизни подвожу настоящую художницу. Может, вам еще когда-нибудь понадобится машина – вот моя карточка. Могу паспорт показать.

- Не надо паспорт, - она всегда была доверчивой, - а машина иногда очень нужна. Выставка закроется через неделю, кукол придется забирать. Завтра печку надо привезти из ремонта. Каждый раз ловить машину на улице настоящее наказание.

Так у Лизы появился помощник: по утрам, прежде чем отправляться «бомбить» на улицах Москвы, Борис звонил и спрашивал, не нужно ли купить продукты или подбросить куда-нибудь Лизу с детьми. Он также взял на себя труд привозить материалы и заготовки для кукол. Одиноким, он так искренне радовался общению, что вскоре Лиза перестала мучиться из-за того, что Борис или не берет с нее денег или берет слишком мало.

Другой Майами

6.

Три года после рождения сына Мити были самыми тяжелыми для Ирины. Какое-то время она не могла работать в галерее, а потом, во время окончательного охлаждения отношений с Василием, и вовсе потеряла интерес к этой работе. Галерея так и не начала окупаться, и в конце концов Ник вынужден был признать, что арендовать помещение нерентабельно.

Ирина с матерью и с маленьким Митей переехали на другую квартиру.

У Севы случился разрыв сердца: кроме потрясения, которое он пережил при переселении из Москвы в Майами, ему пришлось познать чувство ревности, когда при

рождении маленького громкого ребенка обе хозяйки внимание и любовь отдали мальчику. Потеряв Севу, Нинель полгода плакала по ночам и поклялась никогда больше не заводить собаку.

Первое время Василий жил с ними на новой съемной квартире, но потом привык ночевать у приятеля-художника в мастерской. Потом поселился там окончательно. Василий сначала приходил в гости и приносил деньги на ребенка, однако чаще являлся пьяным.

Ирина пошла на свою первую работу, два раза в неделю помогала в небольшом магазинчике. Василий выслеживал ее и скандалил. Во время выяснений отношений Ирина уже не могла понять, каким образом прежде рассчитывала выстроить жизнь рядом с этим возможно не бесталанным, но слишком безответственным человеком. Вечно на кого-то обиженным, хаотичным изнутри. Ирина с горечью думала, что ей достается заведомо чужое, любой шаг оборачивается или страданием или грехом, который в будущем все равно обернется страданием. Ника отняли, и пока Ирина обрела его вновь – он женился. Прислонилась к Василию, влюбилась в его тело и в его картины, но сам он так и не стал ей родным. Тень недозволённости, тяжесть горя его жены и детей, - теперь Ирина, ставшая матерью, понимала это очень хорошо, - всегда лежала на ней.

Нинель несколько раз удалось получить дивиденды из фонда для Очень Важных Персон. Подруга Нинель - Светлана получила эти деньги по доверенности и привезла в Майами спустя несколько лет. Позднее никто не мог найти Эльку ни по старым, ни по новым телефонам. Какое-то время Светлана пыталась продолжать поиски, но потом на нее саму навалилось: произошел крах других фондов, «Чара», «Тибет» «МММ», куда она вкладывала собственные сбережения. Волнения и стояние в многотысячных очередях так называемых «обманутых вкладчиков» отвлекли Светлану.

Ник продолжал помогать постоянно, долгое время Ирина и Нинель жили практически на его деньги. Они с Ником теперь почти не разговаривали: Ирина благодарила за помощь, но в глубине души считала, что берет ничтожную часть его немалых регулярных доходов, и в этом нет ничего разорительного для него и ничего противоестественного для нее, что-то вроде алиментов. Клэр привыкла к этому, даже боль при мысли о «русской, которой постоянно нужны деньги» с годами притупилась.

Осенью 1998 года Ирина начала работать в большом магазине женской одежды продавцом-консультантом. У нее появились новые знакомые, она привыкла к этому городу, но чаще жизнь казалась чередой серых будней. Иногда поход на пляж с сыном и матерью, изредка вечеринка на работе - вот и все радости. Наверное, Нинель жилось веселее: Марк приглашал ее в рестораны, забирал в загородный дом на уикенды вместе с Митькой.

Ник предложил Ирине встретиться в новом кафе на набережной. Она удивилась: их встречи давно были лишены эмоциональности.

Накануне старый Майк невзначай завел с Ником разговор о щекотливой теме.

Разумеется, сдержанно, по-джентельменски деликатно, но этого хватило, чтобы Ник не спал всю ночь. Как правы люди, редко высказывающие свое мнение! Стоит им раз в два года заговорить о чем-либо значительном, это звучит для окружающих как гром камнепада в горах.

Ник подвозил Майку куда-то. Старик, задумчиво глядя на дорогу, произнес вдруг:

- Клэр никогда не жалуется, ты знаешь.

- Знаю, Майк.

- Я скажу тебе только две вещи, - продолжил тесть Ника после паузы. - Первое: поступай со своей женой так, как хочешь, чтобы потом поступали с твоей дочерью. Второе. Постоянно оказывая помощь, ты не даешь судьбе человека проявиться. Следовательно, ты противоречишь провидению.

Ник был поражен: ни с одним человеком, кроме Клэр, он не говорил на эту тему. И тем более был уверен, что его жена ни разу в жизни не обсуждала этот вопрос с сенатором.

Ник так надолго задумался, что они успели подъехать к зданию, к которому надо было подвезти Майка. Они сидели в припаркованной машине, оба молча смотрели вперед. Наконец, Ник спросил:

- Может, я предусмотрен в судьбе этого человека? Несу за него ответственность?

- Тогда, - ответил старый Майк, - просто посмотри, становится ли этот человек лучше от твоей помощи. Спасибо, что подвез, пока.

Сенатор вышел из машины. Ник попрощался, а потом долго сидел, ломая голову над тем, каким образом Майк может так хорошо понимать эту ситуацию и почему он счел нужным именно сейчас затеять этот разговор. Может быть, дело в том, что маленькая Ирэн, единственная обожаемая внучка сенатора, стала почти взрослой девушкой. Майк боялся, что теперь Ник оставит семью? Ник поймал себя на том, что часто думает об Ирине и о дочери одновременно. Не в обыденной жизни, а там далеко, где параллельные пересекаются, – там они, по-видимому, были теперь для него одним целым.

Ирине не понравился новый тон Ника. «Педагогический», - определила она для себя. Беседовали за столиком кафе среди красивого пейзажа, ей надолго запомнился этот неестественно яркий пейзаж и музыка, которая звучала деликатно. Сначала разговор шел по обычному сценарию. Ирине требовалось немного больше денег, чем в предыдущий раз. Ник побледнел и ответил, что сначала уменьшит выплаты, но пусть она будет готова к тому, что в ближайшем будущем ей придется кормить себя и семью самостоятельно.

Когда Ник произносил эти слова, ему показалось, что сейчас его хватит удар или же он провалится сквозь землю от стыда. Шансов выдержать собственную позицию, он чувствовал, было мало.

Ирина, как ни странно, помогла ему. Все, что она говорила, звучало неожиданно резко:

- Обеднеешь, да? А кто говорил – дружба, взаимопомощь хороших людей?! Тебе стало жалко несколько сотен в месяц?

- Дело не в том, - тихо сказал Ник. – Мне для тебя не жалко. И ты это знаешь.

Ирина зло рассмеялась:

- Жена ругается?

- Прости меня пожалуйста, Ирина, ты не права. Прости меня, если я делаю тебе больно. Он протянул руку и погладил ее ладонь.

Опомнившись от обиды, Ирина почувствовала боль. Но разве не он сам уговорил ее остаться здесь, не возвращаться в родную Москву? Теперь, когда она постарела, изменилась из-за чужого - чуждого пустого воздуха, стала...какой же она стала?

- Может, я не могу ассимилироваться! – У Ирины затряслись губы. Ник положил свою руку на ее.

- По-прежнему могу сказать: ты чудесная. И такая красивая.

- Неправда.

- Правда. Может, и я виноват, думая, что помогаю. Просто в то время, когда мечтала и рассуждала о высоком, ты была сильнее. И будущего у тебя было больше.

- Мне не нужно было думать о деньгах.

- Ирина, мне кажется ты здесь...отвергаешь все, что есть в тебе сильного, настоящего. Пытаешься ассимилироваться.

- Но что, что мне делать? Скажи, Ник.

- Может...Как это...Полететь? Мне кажется, тебе надо вспомнить свой путь. О, прости, что я учу тебя, прости меня!

- Воспарить? Ты издеваешься, Ник! У меня на руках Митька, мама. Могу из окна выпрыгнуть. Только что.

- Ты могла бы начать писать статьи...уверен, у тебя чудесный слог. И мысли. Ты будешь счастливой, я чувствую!

- В данный момент все мысли у меня – как прожить на зарплату.

- Думаешь, для Мити хорошо, если ты лишишь его того багажа, который был у тебя, о котором ты забыла? Ты лишаешь его породы.

Ирина рассердилась. Если бы Ник сам жил так, как хочет сейчас внушить ей, если бы он так жил, то глядя на него разве стала бы она существовать столь безрадостно?

- На себя посмотри, ты сам чем занимаешься? Архитектор, который хотел создавать необыкновенные проекты, а сам строит типовые дома в провинции ради все тех же денег?! Ты зарабатываешь на будущее своей дочери, а кто обеспечит будущее моего сына?

Ник не отвел взгляда, продолжал смотреть Ирине в лицо. И вдруг она, позабыв о своей обиде, пожалела его, потому что его взгляд изменился страдальчески, словно она нанесла ему удар. По глазам?

- Ты права, я не способен быть идеалистом. Зато ты способна. Ты лучше меня. Сильнее. Поэтому я и люблю тебя, только сейчас это понял. Прощай.

Во время их разговора звучала песня. Она была объяснением жизни, звуком ветра. «Это твой путь, и только ты сам можешь пройти его светло...Только ты сам решаешь чего стоит твоя жизнь».

Поступок Ника показался Ирине жестоким. Лишь много позднее она призналась себе, что возможно это была самая важная дружеская помощь, которую он ей оказал. Больше Ирина с Ником не встречалась, и денег у него не просила. Они с матерью стали жить беднее, все оказалось не так страшно: Ирина пошла работать в магазине на полторы ставки, Нинель несколько раз в неделю сидела с чужими детьми, пришлось привыкнуть покупать дешевые вещи.

Эмоционально Ирина оказалась на том самом дне, откуда надо было выплывать. Однажды, убираясь в кладовке, она наткнулась на коробку, которую по ее просьбе привезла когда-то в Майами Светлана Владимировна. Это были фотографии, сделанные ею в 1987 году, и некоторые записи по поводу этих фотографий. Теперь иногда по ночам Ирина стала записывать новые тексты, которые никак не называла. Единственное, чего ей хотелось – уходить в тексты.

Снимки дома в Трубниковском переулке. В одной из коммунальных квартир этого дома в небольшой комнате жила в семидесятых годах моя школьная подруга. А когда-то несколько лет здесь жили Марина Цветаева с Сергеем Эфроном. Неподалеку в Трубниковском в это же время снимала квартиру семья Елены Дьяконовой, будущей Галы.

У Галы судьба шла по восходящей, к славе и благополучию. У Марины по восходящей шли только страдания. Слава и почести – лишь потом, после ухода.

Когда я в старших классах приходила к подруге в Трубниковский, мы украдкой рассматривали комнаты, прозрачный потолок в проходном зале, лестницы и коридорчики. Очень живо представлялось, как счастлива была в этих комнатах почти девочка Марина со своим мужем, таким же веселым ребенком.

Потом, уже после семнадцатого, здесь осталась мать двух маленьких девочек. Проводила месяцы, наполненные любовью и голодом, ребячествами и трагедией. Тогда кольцо рока уже сжималось, полюбило Марину, так любившую кольца.

Меня всегда тревожило одно: каково это, исчерпать радость на много лет вперед, не горстями – горами! Неужели радость всегда берется взаймы у будущего?

В конце восьмидесятых, во время моих одиноких прогулок по Москве, мне очень хотелось показать Нику этот дом, крышу, видневшуюся из окон цветаевской квартиры, - ту самую крышу, на которую вылезали молодые вахтанговцы смотреть на звезды. Шел девятнадцатый год, рушились основы, а они все были влюблены друг в друга.

Я спросила бы Ника: «Как ты думаешь, можно ли умолить судьбу выдавать радость постепенно, равномерно? Я боюсь страдать» - «Но ведь у нее был дар? Может, это компенсировало несчастья?», - спросил бы Ник. «Да, у меня нет дара, - ответила бы я, - поэтому мечтаю, чтобы мое счастье было распределено по годам, а не сосредотачивалось в единственном месте где-то в молодости». Пусть будет экономно.

Но оказалось, что и мое счастье или то, что на протяжении многих лет кажется мне счастьем, длилось десять месяцев. Давно, в Москве.

Прошли месяцы, прежде чем Ник снова им позвонил. Ирины не было дома, но Нинель с удовольствием подтвердила, что он может приехать, и если хочет – немедленно. Расцеловав Ника, Нинель рассказала ему об их жизни, о своей работе и о том, насколько сильно устает Ирина. Ник смотрел печально и даже тоскливо, как показалось Нинель. Он попросил ее еще раз показать ему семейные фотографии, детские фото Ирины. Смотрел, слушал объяснения, задавал вопросы, грустно улыбаясь. Выпив вторую чашку чая Ник признался:

- Я знаете почему приехал?

- Просто...Разве мы не друзья?

- Да, поэтому, - смутился он.

Нинель отвлек странный телефонный звонок: некий агент спрашивал, нет ли у них в доме картин Василия Алгунова, а если есть, не согласятся ли они продать эти произведения. Деньги предложил хорошие. Пока оторопевшая Нинель приходила в себя, пересчитывала картины и согласовывала цены, Ник сидел неподвижно и внимательно смотрел на детскую фотографию Ирины. Нинель вернулась со словами:

- Васькины картины кому-то понадобились. Очень вовремя. Извини. Так что ты говорил?

- Нинель, я еду в Москву.

- Неужели в немытую собрался? А что вдруг - неприятности?

- Бизнес идет хорошо, все движется по заданной программе. Но чего-то не хватает, то ли неожиданностей, то ли творчества.

- Да уж, неожиданностей там найдешь выше головы.

- Я еще не знаю, с чего начать в Москве. И, конечно, буду летать туда-сюда, семью пока оставляю здесь. Пришел попрощаться.

- Дай тебе Бог, мой хороший. А знаешь, я могу тебе помочь. Светлана, моя любимая подруга, такая умница и с очень хорошими связями... Она все эти годы занималась... недвижимостью. Тебе понадобится надежный друг.

Нинель написала телефон подруги, перекрестила и поцеловала Ника на прощание. Он ушел, не дождавшись прихода Ирины. Закрыв за ним дверь, Нинель стала снимать со стен Васиных картины.

Василий красил щит перед супермаркетом. Работал не торопясь: жары он не боялся, а оплата была почасовая, так что махать кистью слишком быстро надобности не было. Молодой парень в костюме и аккуратной стрижкой, типичный «яппи», остановился по другую сторону газона и произнес по-русски:

- Вы Василий Алгунов, художник?

Услышав утвердительный ответ, парень спросил, может ли Василий уделить ему полчаса времени.

- Реклама? – поинтересовался Василий хмуро. – Отвали, парень, я ничего не собираюсь покупать.

- Нет, приватный разговор.

- Не имеете права, – вскинулся художник, - я оказываю дружескую услугу знакомым,

подкрашиваю бесплатно, для аккуратности.

Юноша оставался невозмутимым:

- Я не по поводу того, что вы здесь мажете. Моя хозяйка поручила доставить вас в офис. Для собеседования, - произнес он серьезно и сделал жест в сторону безвкусного лимузина.

Василий подозрительно сощурился, пытаясь рассмотреть машину. Солнце слепило глаза.

- Хозяйка просила напомнить, что вы с ней знакомы, - вздохнул парень. - Она покупала ваши картины.

Василий положил кисть на траву и присвистнул:

- А ты, а вы, значит от мадам...

- Я секретарь Людмилы Терентьевой.

Спустя полчаса Василий все в тех же грязных шортах и в шлепанцах на босу ногу вошел в офисное помещение на территории особняка. Он без смущения осматривал убранство приемной, где его попросили подождать.

- Василий, извините, - Мадам появилась быстро, выглядела свежо и нарядно.

- Где тут руки помыть? – Вася вытер ладони о шорты.

- Туда, туда, - заулыбалась Мадам.

Когда художник вернулся, она предложила без обиняков:

- Знаешь...Давай на ты?

- Давай, - ответил Вася просто.

- Зови меня Мила. Я предлагаю тебе воспользоваться ванной, потом мы бы перекусили – и лишь после этого приступили к разговору. Не возражаешь?

Неожиданное приключение ему нравилось. Василий поплескался в ванной, надел новую майку и вернулся к Мадам, которая сидела за столом и что-то писала, время от времени взглядывая на панораму сада.

- Мила, я готов, - сообщил Василий.

Потом они обедали на веранде, много смеялись. Василий ни о чем ее не спрашивал: он привык мало удивляться и шагать навстречу неожиданностям. После обеда Мила повела его на верхний этаж виллы, в просторное светлое помещение студии.

Стеклянная стена студии смотрела на сад, вдоль других стен были полки с художественными альбомами и музыкальной аппаратурой, стоял диван, два мольберта и массивный письменный стол. Василия восхитил светлый зал:

- Кто здесь работает?

- Это твоя студия. Если захочешь, - Мила смотрела серьезно.

Он не поверил. Но заново осмотрел полки, аппаратуру, обнаружил около стола несколько загрунтованных холстов одного формата.

– Почему?

Мила промолчала, и Василий наконец смутился. Вернулся к холстам, потрогал поверхность одного:

- Странная у них все-таки фактура холста! Как клеенка.

- закажем другие, из Европы, - улыбнулась Мила. - Пойдем еще чего покажу.

- Мне даже уходить отсюда не хочется!

- А мне бы не хотелось, чтобы ты уходил отсюда. Но пойдем.

Соседнее помещение было поменьше и стены все увешаны картинами.

- Это же мои картины! Так много, откуда? – изумился Василий. - А эти Иришка тебе отдала? Или ты их тоже купила? Ну дела.

Потом они долго разговаривали и пили прохладное вино. Мадам объяснила, что за последние месяцы скупил все картины Василия, которые смогла найти в Штатах.

- Не «зачем», а «почему», - отвечала она на вопрос Василия, - я вижу в тебе большой потенциал. Чтобы сделать имя надо контролировать как можно большее количество работ и цены на рынке.

- Это понятно. Ты хочешь вложить деньги?

- Деньги тоже, но не только. Я могу и хочу сделать тебя известным, могу и хочу

поддержать и направить тебя.

- Не надо меня никуда направлять. Купить меня желаешь? Не выйдет, сразу тебе скажу.

- Какой ты резкий, - Мадам встала и прошла вдоль парапета террасы. - Это называется «у советских собственная гордость».

- Совершенно верно, - подтвердил Вася и устроился поудобнее в плетеном кресле. Вино, сыр, фрукты ему нравились. И закат в долине за садом был красив. Но стоит ли поддаваться дамочке, которая решила приобрести себе художника?

Мадам повернулась к нему:

- Я предлагаю деловое сотрудничество: ты работаешь, пишешь картины. А я занимаюсь другой работой. Ваша галерея разорилась, насколько мне известно. Значит, пока тебе негде продавать картины. Этим я и займусь, если позволишь.

- А доходы – пополам? В денежных делах должна быть четкость.

- Ты все время говоришь о деньгах, что странно для художника.

- Ну да, у кого их нет – все время о них говорит. Закон компенсации, - серьезно подтвердил Вася и закрыл глаза. Он думал.

Помолчали.

- Помнишь, - наконец сказала Мадам. - в начале и в середине девятнадцатого века в Риме на виллах русских богатых людей и аристократов жили художники, писатели, тот же Гоголь. Он там не один год прожил и не считал, что его покупают. И Брюллов писал «Гибель Помпеи» на деньги Демидовых, ну кто еще...

- Значит, ты бескорыстная поклонница моего таланта, меценат-ка.

- Если угодно.

Модель показалась Василию приемлемой.

- Согласен, меценаты всегда раньше поддерживали художников. Щукин. И ты такая же Щукина. Почему нет?

- Жилые комнаты для тебя здесь. Мои апартаменты в другом крыле. Вот твой телефон. Встретимся за ужином. Да, машина тоже в твоём распоряжении.

После ухода мадам Вася решил осмотреться и еще хорошенько подумать. Но в конце концов ситуация представилась ему забавной и любопытной, не более того. Мадам некуда девать время и деньги, ну понравилась его живопись и, возможно, нравится он сам. Что здесь противоестественного? – рассуждал Василий. В конце концов, самый скользкий вопрос заключается в том, придется ли спать с ней, работая в созданных ею роскошных условиях. Притворяться совершенно не хотелось, но и женщина она хотя и зрелая, а все ж таки привлекательная. Плотная блондинка со следами дорогостоящего ухода на лице. Лет, лет сколько – трудно сказать – от тридцати пяти до бесконечности. Так что поживем – увидим, - решил Василий.

Первую выставку произведений Василия Мадам организовала уже через две недели, экспозицию составила из картин, имеющихся в ее коллекции. К тому времени Василий начал писать три новые работы, однако закончить ни одну из них ему не удавалось. Он вставал по своим понятиям рано и с удовольствием шел плавать в бассейн. Мадам к этому времени уже не было дома или же она приветствовала его, направляясь к машине, чтобы уехать по делам. Василию нравилось, что он предоставлен самому себе, вопреки ожиданиям никто на него не давил.

В то утро Василий сидел у бассейна, потягивая сок. Мила подошла, одетая для дневных деловых встреч, и положила перед ним на столик пачку газет:

- Пресса по выставке. Будет время – почитай.

- Слушай, вчера тебя не видел целый день, - Василий поймал ее руку. Сегодня только встал – ты уже уезжаешь. Совсем со мной общаться не хочешь?

- На выставке много работы.

- А что за деньги мне вчера принесли?

- Твоя доля за одну проданную картину.

- Ну вот, хорошо, - Василий встал и застенчиво запахнул купальный халат, поскольку

она стояла перед ним аккуратная и элегантная. – Мила, давай поужинаем вместе? Я приглашаю.

- Согласна, - улыбнулась она. - До вечера.

Мила поцеловала его в щеку на прощание, но Василий притянул ее и поцеловал в губы. После ее ухода он сел за столик и стал неторопливо просматривать газеты, по слогам разбирая заголовки:

«Известный московский художник-авангардист, пострадавший от советского режима, участник подпольных выставок. Выставляется на Линкольн-роуд...».

- Бред собачий, - определил Василий и задумался: почему так трудно в последние дни заставить себя работать? Когда закончится его временная лень?

С этого вечера он ночевал в спальне Милы. В их распорядке от этого ничего не поменялось; она вставала рано и отправлялась встречаться с клиентами или заказчиками, а он должен был идти творить в свою студию. После бурных ночей работалось еще хуже. Василию хотелось привыкнуть к продуманному интерьеру, предупредительности слуг, разумному режиму и диете, но пока получалось плохо. Комфорт расслаблял и усыплял; бассейн, домашний кинотеатр, бильярд и другие соблазны отвлекали.

Настал день, когда Мила, нанося утренний макияж, спросила его о работе. Василия это взбесило, и прежде всего потому, что как раз перед ее вопросом он лежал, любовался ею и с удовольствием мечтал о красках. Ему казалось, что сегодня картина может получиться.

Мила спросила строго:

- Ты хоть одну картину за этот месяц закончил?

Василий с детства не выносил контроля. Он не собирался отвечать.

- Я могу прийти в студию посмотреть? – настаивала Мила.

- Не желательно, - ответил он мягко. - Надо будет - сам позову.

Настроение, утро, мечты о работе - все было испорчено. Но она не останавливалась:

- Ты должен помнить, что у нас обязательства. Мы обещали выставить двадцать новых картин в Лондоне.

- Я все помню, - он старался сдерживаться. Если быть справедливым – она действительно много для него сделала.

- И чем ты докажешь это?

Между ними начался первый скандал:

- Никогда, никому не подчинялся! – кричал Василий. – «Мы» обещали! Какое мне дело, что ты там обещаешь?!

- Ты! Целыми днями торчишь у бассейна, валяешься по диванам, смотришь телевизор! Тебя видели в баре с какой-то девицей! – обвиняла Мадам.

- У тебя везде соглядатаи, лакеи! Повелительница лакеев! Но мне ты не хозяйка, запомни, я свободный человек. А вдохновение не приходит, когда ты этого хочешь! По твоим деловым договоренностям оно не прилетает, поняла?

- Однако чтобы пришло – надо работать регулярно, - твердила Мила, защищая ценности, в которые верила.

- Спасибо, что подсказала. Что ты понимаешь в этом?

Василий вышел из спальни и шагнул к бассейну, посмотрел на прозрачную воду, громко крикнул «Дура!» - и прыгнул вниз головой.

Мадам вышла за ним и не могла не улыбнуться, глядя как голый Василий фыркает и плюется, выныривает и снова ныряет.

Василий не выходил из студии два дня. Он страдал от духоты, но было лень подняться и включить кондиционер. Тем более что он ненавидел кондиционеры. В данный момент он также ненавидел алкоголь вообще, неряшливо разбросанные по полу пустые бутылки в частности. Больше всего – ненавидел себя за безволие. Хотелось ради разнообразия устроить шум и еще больший беспорядок, просто чтобы сдвинуть

противный жаркий день с мертвой точки. Четыре часа пополудни. Самое ненавистное время: спать уже поздно, идти в бар еще рано. Гадость. Раздался шум, в дверь барабанили громко и решительно.

- Я же сказал – занят, - отозвался Вася. - Здесь занято.

- А я говорю: открой сейчас же. Или я позову ребят, и они выломают дверь.

Вася спустил голую ногу с дивана и проворчал:

- Подожди, подожди немного, не зови своих гвардейцев. Я не одет, видишь ли.

Он медленно встал и побрел вдоль стен студии, словно оказался здесь впервые.

Рассматривал холсты: на некоторые была нанесена краска, на других пока только обозначен рисунок. Василий увлекся разглядыванием, мельком даже просмотрел свои почеркушки на кусках кальки, разбросанные на столе и на полу. «Не аккуратно, как у тебя все не аккуратно», - горестно упрекнул он себя и стал с хрустом рвать кальку.

- Вася, слышишь? – продолжала стучаться Мила. – Впусти меня сейчас же.

Василий открыл огромное окно и посмотрел вниз на лужайку. Обернувшись, взял со стола начатую бутылку, из ящика достал купюры и сунул в карман. Затем легко спрыгнул на траву. Через несколько минут человек в шортах, в шлепанцах на босу ногу и с бутылкой в руке шел вдоль шоссе. Ему нравилось идти по обочине, нравилось быть пешеходом в стране бесшумных машин.

Обнаружив бегство Василия, Мадам впала в иступление. Она привыкла, что люди и обстоятельства подчиняются ее организованной силе. Василий растоптал ее план, и она не собиралась прощать предательство: он нагло, необъяснимо жестоко попрали ее дары.

Мадам громила собственный офис. Разбивала стенды с фотографиями неблагодарного художника, рвала вырезки из газет и журналов, разоряла папки со статьями.

«Вернисаж новых картин Василия Алгунова в Лондоне», - с этой статьей в руках она взывала по-бабы, некрасиво искривившись лицом:

- Он пропадет без меня!

Василий тем временем добрался до затрапезного бара около бензозаправки и устроился в углу у окна; он сидел, смотрел в окно и слушал музыку, затем сделал заказ. Ему нестерпимо захотелось позвонить единственной женщине, которая чувствует все. И будет любить его всегда.

Лизу пригласили преподавать в летней школе искусств в Дании. Она впервые так надолго уезжала вместе с детьми. Радостное событие сейчас, накануне свершения, казалось огромной проблемой и даже вызывало страх.

Чтобы сосредоточиться перед отъездом, Лиза отправила Зосю и среднего сына к родителям. Старший Павел жил дома, но на глаза матери показывался редко: у него был первый в жизни серьезный роман. Павел мечтал остаться в Москве с «дядей Борей». Два дня назад Лиза внушала сыну, что он не имеет право претендовать на внимание соседа, как она выразилась «фактически постороннего человека» – и невольно обидела Бориса, который случайно услышал их разговор.

Лиза была раздражена. Она устала от сборов, и сейчас, сделав в квартире генеральную уборку, сидела среди чемоданов. Борис должен был зайти взять ключи и получить инструкции по уходу за котом, рыбками и комнатными цветами. Опять вспомнив свои запальчивые слова о «постороннем человеке», Лиза поехала. Господи, если Борис сейчас не придет, обидится, то будет тысячу раз прав. И не только потому, что она так некрасиво высказалась. Она ведь в последнее время, если полдня не слышит его голос – уже скучает. Зачем ему это? Симпатичный, нестарый. Такой обаятельный. Хорошо, что она уезжает и попытается в Дании, загрузившись новыми впечатлениями, отвыкнуть от Бориса.

Всего два часа осталось.

Борис скажет по телефону: «Елизавета, извините, я не смогу отвезти вас на вокзал. Готов помочь поймать такси, и заодно вы передадите мне ключи». На ходу попрощаются, как соседи и «фактически посторонние».

В этот момент Борис позвонил в дверь, он явился с букетом незабудок. Лиза впервые осознала, позволила себе осознать, что он смотрит на нее с любовью. Может, это из-за разлуки? Лиза рассказала про кота, познакомила Бориса с привычками каждого цветка в доме. Время убывало.

- Букет возьму с собой, не хочу оставлять.

- Мне будет приятно. Лиза.

- На кота не обижайтесь, как бы по-хамски он себя не вел. В глубине души...

- Он добрый.

- Да, и если не прыгает вам на голову со шкафа, значит, он вас уже любит.

- Пока что прыгает.

Помолчали. Борис сказал:

- Три месяца. Я буду скучать по вам и по мальчишкам.

- И я, - решила Лиза, спрятав нос в букет.

- Будете скучать по коту? – уточнил Борис.

- Скучать без вас. Вы моя опора. И радость. Что бы я без вас делала, Борис. Вы мой ангел-хранитель.

Она чихнула. Нос у нее был перепачкан цветочной пылью, на лице веснушки. Лиза была похожа девочку из сказки.

- Это вы, Лиза, вы – ангел.

Лиза посмотрела ему прямо в глаза и опять увидела: он любит. Это чудо.

Когда телефон затрещал, Лиза жестом попросила Бориса взять трубку.

- Простите, кто ее спрашивает? - По военному четко проговорил Борис. – Я? Это не имеет значения. Понятно. Муж, - сообщил Борис, передавая трубку Елизавете. Он старался сохранять бесстрастное выражение лица. Ему это удавалось лучше, чем Лизе, у которой при слове «муж» в глазах промелькнул ужас.

Лиза слушала слова, о которых мечтала десять лет: «Лизонька. Любимая моя Лизонька. Ты нужна мне. Ты всегда была мне нужна, только я не осознавал это, понимаешь? Мне страшно и плохо без тебя».

Заметив, что Борис порывается уйти, Лиза опомнилась; она поймала его за рукав и усадила на диван. Затем, стоя напротив и в упор глядя на Бориса, Лиза проговорила:

- Очень плохая связь. Совершенно никакой связи. Никакой, слышите?!

Положив трубку, села рядом с Борисом и уткнулась ему в плечо.

- Столько лет ждала этого звонка. А теперь будет так: лишь бы вы, лишь бы ты был рядом. Не оставляй меня, хорошо?

- Очень хорошо, - Борис осторожно обнимал, гладил ее по голове.

- Он даже не спросил о детях! – пожаловалась Лиза.

- О наших детях?

Лиза бурно, счастливо разрыдалась.

Ирина сумела завести новые привычки: по воскресеньям, подбросив Митю на занятия, она отправлялась в библиотеку. Ей удалось найти фермент, преобразивший существование. Она писала то, что никто никогда, Ирина знала наверняка, не прочтет. Однако ей было интересно, она работала много. Важен был только процесс.

Нинель прочла в эмигрантской прессе несколько статей о модном художнике Василии Алгунове и его успехе, о грядущих выставках в Лондоне, высоких ценах на картины. И Нинель обуюла идея «раскрутки» несомненного литературного таланта дочери, она даже спросила Марка, не может ли он стать менеджером Ирины. Марк ответил, что сам в литературе ничего не понимает, но у него есть одна знакомая писательница. Он предложил устроить барбекю у себя в загородном доме и пригласить ее.

- Надо, чтобы она обязательно прочла твои тексты, - настаивала Нинель.
Ирина, сомневаясь и волнуясь, распечатала некоторые из своих эссе.

Вид у писательницы Инны был отрешенный, но свиной шашлык она поглощала с неправдоподобным аппетитом. Инна принесла два экземпляра собственной книги и вручила их Марку и Нинель перед обедом.

- Двадцать лет уже здесь – и вот, всего одна книга, - жаловалась писательница. - Кстати, написала ее еще в Советском Союзе. Я вам ее не дарю, просто принесла посмотреть.

- Почему вам пришлось уехать? – поинтересовалась Ирина.

- Я из первых феминисток Советского Союза, прошла через все. Нас преследовало КГБ, нас притесняли, хотели убить – но не убили, только выслали. Одним самолетом – и в Вену.

- За что? – ужаснулась Ирина.

- Вот за феминизм. Я горжусь своим прошлым, но продолжаю борьбу и сейчас, это самое главное, пожалуй. Возглавляю Лигу писательниц-феминисток, противостоящих притеснениям.

- Со стороны кого? – спросила Ирина.

- Мужчины притесняют нас! Особенно мужчины-писатели. Это же ужас что такое. Бороться необходимо.

- Инночка, - встала Нинель, - Ирина тоже пишет, коллега ваша.

- А, - отозвалась писательница и махнула рукой неопределенно. - Сейчас все пишут, кому не лень.

Возникла неловкая пауза, которую попытался разрядить Марк, он стал накладывать мясо и салат быстрее, наливать чаще, говорить комплименты всем дамам. Инна опять продемонстрировала феноменальные способности к пережевыванию шашлыка.

- Но, может быть, вы все-таки прочтаете Ирочкины творения? Ваше мнение как профессионала для нас очень важно, - еще раз обратился к писательнице Марк спустя полчаса.

- Ну давайте, - вяло согласилась Инна, она взяла листы из рук Ирины и положила рукопись около сумки. - А о чем вы пишете?

Ирина подумала, что если бы она смогла в двух словах сформулировать, о чем пишет, то ей незачем было бы заполнять строчками и фразами двадцать листов.

Ирина разволновалась:

- Мне трудно определить свой жанр кратко – это философия, культурология, связи России и Франции на протяжении трех веков, фонетические переключки. Даже если просто сравнить эти два языка, с пушкинских времен, например...или каким образом французский повлиял на структуру современного русского...

- Ясно. Сейчас это никого не волнует. Я скажу, на что можно получить приличные деньги, гранты. Их здесь пруд пруди, грантов этих. Вы по-английски говорите?

- Конечно.

- Тем более вам легче.

- А вы?

- Даже не собираюсь. Иначе я бы уже написала диссертацию. Например, о гендерном анализе языка геев и лесбиянок в современной литературе. Очень хорошая тема, продается хорошо. О тенденциях развития радикального феминизма в русскоязычной диаспоре. Можем написать вместе: я набросаю тезисы, а вы напишете на местном английском. Тоже хорошо продается.

- Но я пишу о том, что знаю и люблю, - пролепетала Ирина, и сама услышала как наивно прозвучали ее слова. Однако Инна не слушала.

- Вступайте в нашу лигу писательниц-феминисток, - предложила Инна. -

Вступительный взнос небольшой. Собрания раз в неделю. У нас интересно.

- А что вы делаете на собраниях? Читаете свои произведения?

- Обсуждаем план мероприятий, утверждаем график сдачи вступительных взносов и сбора пожертвований. Пьем пиво.

- У меня вопрос, - встряла любознательная Нинель, – может ли мужчина быть феминистом?

- Нет, - отрезала Инна, - он может быть только спонсором.

- Женщины - это самое лучшее, что есть в мире, - воскликнул необидчивый Марк. - Пусть себе борются за что хотят. Выпьем!

Марк рассказывал анекдоты, все смеялись и говорили о пустяках. Ирине хотелось незаметно убрать рукопись со скамейки, чтобы Инна забыла о ней. Но писательница, уходя, взяла рукопись подмышку и обещала прочесть и даже дать рецензию в местной русской газете.

Ник никак не мог понять причины своего состояния, преследовавшего его в последнее время на московских улицах. Он решил, что это от одиночества. Первые месяцы в Москве он был настолько занят, что не ходил, а быстро передвигался, не засыпал, а валился на кровать, чтобы наутро вылезти из постели наощупь.

Теперь же, когда дело было поставлено, фирма заработала - Ника стали посещать странные ощущения, будто улица была живая и недобро его преследовала. Ник, выходя на крыльцо своего офиса, старался незаметно оглядеться и быстро проскользнуть до машины. Как обнаруживать слежку и как от нее избавляться он не знал. Но отчетливо ее чувствовал.

В Москве Ник арендовал офис недалеко от Патриарших, и мечтал, что когда станет посвободнее, то возобновит прогулки по знакомым улицам, вспомнит разговоры с Ириной, помечтает о том времени, когда покажет эти места дочери. Но теперь получалось, что стоит ему пройти сто метров – и возникает неизвестный прежде страх, от которого хочется бежать в закрытое помещение и забаррикадироваться. «Возможно, – рассуждал Ник, – причины чисто медицинские, допустим, так может проявляться стенокардия или проблемы с психикой, вызванные переутомлением. Тогда гулять полезно, необходимо преодолеть мнительность». Он уговаривал себя утром и вечером, принимал успокоительное. Разумные доводы не помогали; чувство страха теперь не оставляло его и в офисе, и он старался не отвечать на звонки, если номер не определялся.

Клэр стремилась в Москву, и таков был ее характер, что если она стремилась – значит уже взяла билет и ехала, летела, приближалась. Ее беспокоило, что последние несколько дней Ник даже не подходил к телефону. Клэр знала, для чего Ник на этот раз так надолго оставил семью и отправился в этот неустроенный город: наверняка он там с этой русской. Знала также, что ей следует предпринять в связи с происходящим. Она не позволит и дальше делать из себя слепую жертву, слишком долго история сия напоминала дурную мелодраму. Она, Клэр, первая прервет затянувшийся безвкусный фарс.

Она отпустит Ника в обмен на роскошь уважать себя. Верить только себе.

За долгие часы в самолете Клэр подготовила прощальное слово. Никто не имел права лишиться ее этой последней привилегии:

Моя обязанность дать тебе понять, что я чувствую на самом деле. Чтобы ты не терзался, а шел спокойно. Я была счастлива прожить с тобой много лет. Это был мой выбор. Я, очень благодарна тебе и не хочу, чтобы ты умер от невоплотившейся любви. Хотя любовь – она всегда воплотившаяся, да?

Наконец настал день, когда пытаюсь открыть свою машину, Ник оглянулся и увидел человека, серую фигуру в глубине двора. Что-то внутри подсказало Нику, что тот

человек и есть причина страха. Поскольку ничего хуже двух прошедших недель представить было нельзя, Ник оставил судорожные попытки перебороть заклинившую дверцу машины и шагнул навстречу опасности.

Он приближался покорно и мужественно, а человек в серой одежде стоял неподвижно в тени кустов и взгляд его был жестким.

- Хеллоу, я Ник, - сказал Ник и протянул руку.

- Я знаю, кто вы, - ответил человек мрачно. Руки не подал и глаз не опустил.

Нику показалось, что лицо человека выражает противоречивые эмоции: безусловно, главенствовала неприязнь, но вместе с тем читалось и странное смущение.

- А можно узнать, почему вы здесь? – спросил Ник.

- Потому, - ответил тот совсем по-детски.

- Я хотел поговорить. Выпьем пива? – неожиданно для себя предложил Ник и сам удивился, как хорошо он, разволновавшись, заговорил по-русски.

- Пойдем, - ответил человек. – Анатолий, - добавил он мрачно.

В кафе они начали с пива, потом перекусили и заказали коньяк. Два одиноких человека в Москве методично напивались и постепенно начинали чувствовать друг к другу дружеское доверие. Они вспоминали последние недели, проведенные вместе, но на расстоянии.

Благодаря нескольким смелым шагам Ника страшное обернулось почти забавным.

- И тут, - объяснял Анатолий, - меня словно переклинило. Ты, который был моим заданием, моей работой пятнадцать лет назад, вдруг появляешься опять – а я, кто я теперь? Уже десять лет хрен знает чем занимаюсь.

Ник проникновенно положил руку на плечо несчастного:

- Понимаю. Но для тебя, поверь, я всего лишь, как сказала одна русская девушка – «средний архитектор провинциального толка».

- Да знаю я, что ты не Джеймс Бонд, - отмахнулся собеседник снисходительно. - Я ж профессионал. Но так оби-идно. Ты весь тут опять упакованный. Фирму имеешь, офис. А я кто – охранник, халдей?

- Прости.

- За что, Николай? Ты нормальный мужик, дело не в тебе.

- Прости, что привязался к твоей стране. Я та-ак ее любил! – Нику было стыдно оттого, что очень хотелось плакать, а еще больше хотелось произнести имя. - Ирину. О, Ирина! Прощай навсегда, навсегда, - он закрыл лицо руками и всхлипнул.

- Ужас. Николай, давай выпьем. И ты меня прости. Да, я такой, хотел напугать тебя. П-п-профессионально. Прости.

Ник понял, что про Анатолия забыло государство, и он, не умея жить без команд, без опеки, - потерялся. Анатолия предала его стая.

- Пойдешь ко мне работать? – спросил Ник.

- Нет! Охранником, что ли? Ни за что!

- Почему охранником? А интеллект. Будешь – эдвайс...советником. Ты же во-он как много знаешь.

Анатолий погрозил собеседнику пальцем:

- Не шали. Мои знания – не про тебя. Не могу, Коль. Даже хочу, но не могу ничего с собой поделать. Мой интеллект принадлежит родине. Вдруг она обо мне вспомнит?

- Друг. Понимаю, – искренне восхитился Ник и мысленно дал себе задание придумать для Анатолия что-нибудь приемлемое. На трезвую голову.

На улице они обнялись и стояли долго, не имея ни сил, ни желания расстаться.

Таксист привез Клэр из аэропорта по названному адресу. Подъезд был огромным. «Забавно, если все русские живут в таких больших домах, - подумала она, – тогда, наверное, свои демонстрации или как это называется – собрания они, наверное, устраивают прямо в подъездах. Хором поют Интернационал». Из-за столика привстал охранник, и Клэр назвала ему фамилию мужа. Охранник жестами показал, что этого

жильца сейчас нет дома. Клэр пыталась выяснить, когда обещал вернуться ее муж, но служитель оказался бестолков и к английскому языку невосприимчив, он даже сделал вид, что не понимает просьбы Клэр пропустить ее в квартиру. Тогда, не обращая внимания на этого немолодого упрямого парня, Клэр удобно устроилась на просторной площадке между его столом и лифтом. Она решила передохнуть и затем принять решение – что ей делать и как действовать в незнакомом городе. Клэр еще раз набрала номер мужа на мобильном - безуспешно, затем недолго почитала книгу, которую решила непременно осилить в этом путешествии, и заснула.

В такси Ник разговаривал сам с собой и смеялся, сочиняя план рассказа, которым, выспавшись, позабавит Клэр по телефону. Название приблизительно придумалось: *пиво растворяет остатки железного занавеса, нет, не совсем пиво – не совсем растворяет. Клэр умница, сама подскажет как можно определить эту комедию ацию.* Ник с удовольствием предвкушал душистую ванну и спокойный сон.

В подъезде он очень тепло поздоровался с красномордым вахтером, тот явно хотел о чем-то поведать. Что-то его, по-видимому, тревожило.

- Не бойся, друг, - успокоил его Ник, у которого был приступ любви к военным. – Все будет очень хорошо, оч-чень..

Он увидел рюкзак и Клэр, мирно спящую на расстеленной куртке.

Прежде всего Ник умилился: его жена спала безмятежно, словно на пикнике у горной речки. Она такая отважная и в то же время – нежная, подумал он. Живая.

Ник осознал, что давным-давно так не радовался, и стал тормозить Клэр:

- Ник...- прошептала она, открыв глаза.

- Проснитесь, мисс, вы арестованы.

Клэр разглаживала морщинки вокруг глаз мужа, гладила по волосам. Почему-то ей сразу стало понятно, что он ей верен.

- В чем вы обвиняете меня, сэр?

- Ты обещала родить мне сына.

Клэр вскрикнула, Ник поднял ее и стал собирать ее вещи:

- У тебя есть право на звонок адвокату. Впрочем нет, здесь другие порядки. Ты имеешь право лишь согласиться быть со мной, Клэр.

- Я хочу есть!

Мама, ты не понимаешь, я словно рыба на берегу, меня тянет обратно, я чувствую, что это не блажь, а внятная команда инстинкта выживания.

Мама, прошу тебя! Так, как мы сейчас живем, вне какой-либо культурной среды...Нет, мама, телевизор не может быть культурной средой, уверяю тебя...Так, как мы живем, мы сможем жить в Москве уже через пару месяцев.

Обещаю тебе. Я умею терпеть, умею работать, рассчитываю теперь только на себя. Здесь я чувствую будто меня уже нет на свете. Хоть плачь, хоть тресни – просто нет.

Я очень тебя люблю, но мне хочется разговаривать с кем-либо, кроме тебя, не обижайся пожалуйста. Надо двигаться, надо совершать поступки. Только этим спасемся, мама, и продлим свою жизнь.

Ирина не могла вспомнить как ей удалось уговорить мать вернуться в Москву.

Вероятно, Нинель сама уже была готова к этому шагу, потому что между их душераздирающими спорами и тем днем, когда вещи были собраны, а книги связаны в стопки, такси заказано, - прошло не так уж много времени. Провожал их Марк, он все время повторял, что будет страдать.

- Ну, приезжайте, - наконец, сказала Ирина, хотя знала отлично, каким будет ответ. - Или давайте с нами!

- В эту страну? Ни за что! Вы что, газет не читаете?

- Не читаю, - улыбнулась Ирина. Она не смела предложить матери остаться, но в глубине души надеялась, что мать сможет решиться на что-то. Почему бы им с Марком, наконец, не жить вместе?

Последние полчаса перед приходом такси Нинель и Марк уединились на кухне и шептались.

- Почему вы бросаете меня здесь, Нинель? – в сотый раз спрашивал Марк, держа за руку любимую женщину.

- Ирина говорит, что делает это ради Мити. У моей дочери какие-то дикие идеи, не понимаю. А я – меня ведь никто никогда не спрашивает.

- Оставайтесь, прошу.

- Мне тоже тяжело, Марк, но я не могу. Они без меня пропадут...

Они поцеловались.

Ирина утром попрощалась с океаном. Сейчас она думала о том, что прилетев в Майами больше радовалась встрече с вещами и явлениями рукотворными. Но прожив здесь целую жизнь, прощалась она уже не с городом и не с магазинами, но с этой землей и с природой. Самое главное – с водой океана. Мать говорила ей давно, что жизнь Ирины зародилась на берегу Черного моря, почти на пляже, среди камней, где Нинель с мужем отдыхали когда-то. Возможно поэтому стихия моря, и еще в большей степени океан, для Ирины был огромной тайной, но родной – она никогда не боялась бескрайней воды. Утром накануне отлета она никак не могла покинуть пляж. Поворачивалась спиной к прибою, чтобы уйти, но не в силах была отказать себе в удовольствии еще раз взглянуть на морскую пену, на золотую рябь воды в лучах солнца, - и возвращалась. Наконец, солнце помогло ей: оно нашло тучу, и лучи перестали играть с водой на кромке океана.

Москва и я

7.

Отъехав от Шереметьево, мы долго ехали по окружной, и наконец свернули на загородное шоссе. Появились подмосковные селения: то какие-то невообразимые терема, смешение стилей тевтонского с нижегородским, то покрытые мхом покосившиеся избышки. Митя смотрел по сторонам изумленно. Да, сынок, здесь эклектика тотальна и непостижима, к такому не подготовишься. Можно только принять как данность и потом привыкнуть.

Я тоже не ожидала, что контрасты здесь стали трагичными и забавными одновременно. Где мы будем жить, интересно? Мама словно прочла мои мысли, она вздохнула тихонько, глядя на подмосковные дворцы:

- Ни своего угла, ни квартиры. Приехали называется.

Я увидела необозримое поле, а за ним массив – море голубой июньской зелени, настоящий лес.

- Митя, - не сдержавшись, закричала я. – Посмотри, сынок, как красиво.

Мне показалось, Митя меня понял. А вот шофер покосился как-то странно. Потом мы куда-то свернули, и шофер взял в руки рацию: «Двенадцатый. Подъезжаем. Будем через восемь минут», – сказал он.

Машина и джип сопровождения подъехали к огромным кованым воротам.

Замысловатая вязь ворот складывалась в готические вензеля. Ворота медленно раскрылись – и мы въехали на территорию ухоженного поместья. Как настоящие провинциалы, мы были не просто изумлены масштабами поместья, но и пришиблены. Я уезжала из страны, где не было частной собственности и вернулась к особняку, обсаженному розами и редкими растениями. И все это принадлежало моей скромной подруге. Строений в поместье было много, мы же подъехали к трехэтажному длинному

дому, очевидно, к парадному входу.

На крыльце с колоннами никого не было. Шофер выгрузил наши чемоданы, появились какие-то люди и понесли скарб неизвестно куда.

- Будет нас кто-нибудь встречать? – Не выдержала мама.

- Оркестр хочешь? – Я сама была растеряна. Как у них здесь теперь принято общаться – непонятно. Может, зря я согласилась на предложение Татьяны первое время пожить у нее? Вдруг придется разговаривать только через слуг, предположим, посылать друг другу записки?

Мы вышли из машины, и тут из красиво увитой аллеи появилась девочка, Митина ровесница.

- Здравствуйте, я Настя, - сказала девочка. - Ты Митя, да?

Митя молчал, он стеснительный.

- Митя, поздоровайся, - сказали мы хором с мамой.

- Hello!

После этой реплики Митя дернулся, развернулся, я видела, что ему очень хочется убежать в сад. Но девочка спокойно подала ему руку, и они побежали вместе.

Наконец на крыльцо вышла Татьяна: по-прежнему в очках и без косметики, она только немного усохла, и черты лица стали заостренными. Я, наверное, изменилась гораздо больше. Мы не виделись пятнадцать лет.

- Это была твоя девочка? - спросила я Татьяну после объятий и поцелуев.

- Нет, дочка знакомого. Не знаю, что делала бы без Насти, она помогает мне, моя совсем маленькая и ужасно непоседливая.

- Татьяна! Какая роскошь вокруг, прямо Голливуд какой-то, - восхищалась мама.

- Да ладно, - сказала Таня, но видно было, что похвала ей приятна, - Я вам все потом покажу. Ваши вещи в гостевых апартаментах. В какую гостевую вы отнесли? – строго спросила она одного из людей, возившихся с нашими чемоданами.

- В правом крыле.

- А кто решил, что именно в правом? – нахмурилась Татьяна недовольно.

- Мне так сказали, – испуганно отозвался человек.

- Ладно, носи, - покачала Татьяна головой. – И пришли мне Антона, куда он делся?

Ничего не могут сделать как следует! – посетовала Татьяна, обращаясь к нам.

Гостевые апартаменты состояли из двух комнат с большой ванной комнатой.

- Ну точно дорогой отель, живи – не хочу, - радовалась мама.

- Ты не очень расслабляйся, - посоветовала я. - Завтра же займусь поисками квартиры для нас. Мы здесь на неделю-полторы, не дольше.

Мама открыла дверь на балкон. Внизу – ухоженная лужайка с качелями, дорожки уходят в лес и в цветущий фруктовый сад:

- Доча, это же несколько гектаров. Ничего себе! Согласись, неудобно будет сразу развернуться и уехать. Пожалуй, я приму ванну. О-хо-хо, джакузи, мамочки мои!

С балкона я увидела, как Настя поддерживает маленькую девочку, катающуюся на трехколесном велосипеде. Митя стоял поодаль, но – что удивительно - передвигался в том же направлении, что и девчонки. Я окликнула его и предложила подняться и помыть руки, прежде чем бабушка займет ванну. Но сын, взглянув на меня, быстрее побежал за Настей.

Татьяна показывала мне виды и подробности поместья, с нами вместе гуляли три любопытных пекинеса. Голова у меня слегка кружилась от свежести, запаха цветов, дыхания земли и леса. Все вокруг было красиво, неожиданно, многочисленны строения и садовые затеи радовали глаз. Версаль. Но интереснее всего мне было наблюдать за Татьяной в роли хозяйки обширных владений. Кроме основного дома, который мы еще не осмотрели, был двухэтажный дом для персонала, гараж, стрельбище, корты, крытый бассейн.

- Вы очень много сделали, - искренне оценила я.

- Даже не представляла, что это так тяжело - постоянное строительство: привлекаем

много людей, приходится следить за каждым.

- Но есть же специалисты? – я опять подумала о Нике, второй раз за день!

- Есть. Но им-то наплевать, лишь бы деньги получить. Ладно, что я тебе буду жаловаться на наши проблемы. Здесь у нас велосипедная дорожка, там мы строим гостевой дом.

Я вспомнила, какой была Татьяна в юности, когда не могла и слова произнести, не покраснев, и спросила:

- А если человек не справляется?

- Увольняю, без разговоров.

- И не жалко?

- Ха, а кто мне посочувствует? Считается, только я обязана всех жалеть.

Бригада таджиков трудилась на строительстве изящного «гостевого» особняка, и мне вдруг подумалось: мои друзья и знакомые теперь исполняют здесь новые и важные роли. А кем смогу быть я? Так же приехала издалека, как эти бесправные гастарбайтеры, так же согласна на любую работу.

- Татьяна Юрьевна, с плиткой проблемы, - обратился к Тане один из рабочих, наверное, бригадир.

- Все вопросы к Илье Александровичу, я занята.

- Но он сказал, чтобы я спросил у вас.

- Все равно решай с ним, - рассердилась Таня и повернулась к бригадиру спиной.

Мы пошли дальше по дорожке.

- Где твой муж, кстати? – Мне было очень интересно увидеть, наконец, хозяина этого масштабного благополучия.

- Он с приятелем на своем стрельбище, невозможно оторвать его от этой игрушки.

Боже, как я устала. От мужа никакой помощи.

- Но он ведь деньги зарабатывает?

Таня в ответ разразилась раздраженной тирадой. Очевидно, в этой семье взаимных претензий накопилось не меньше, чем в любой другой:

- Что деньги? Я просто не выдерживаю – любая проблема замыкается на мне, понимаешь? А когда он вмешивается, то каждый раз получается невпопад.

Я попыталась ее отвлечь:

- А что здесь раньше было?

- Санаторий. Детский.

- Разве можно купить территорию санатория?

- Конечно. Деньги плати и владей.

Будто я проспала долгое время и проснулась: мне стало казаться, что я никогда не привыкну к своей новой родине, к старым друзьям в новом качестве. Татьяна с Ильей выстроили огромную усадьбу. Полина неизвестно где, вроде бы процветает в Европе. Элька наверняка миллионерша – вот только с ней я не буду общаться, кем бы она ни стала, хоть премьер-министром.

- Тань, а про Эльку слышно что-нибудь?

- Ее убили два года назад, в марте. Но я не знаю ничего – кто, почему. Пойдем покажу, у нас ведь и ферма есть.

- Но как?! Как это возможно?

- Что, ферма?

- Убили?!

- Застрелили тремя выстрелами. Я мало знаю, по правде говоря, нет желания узнавать подробности. Особенности ее натуры, уверена, сыграли решающую роль. Она ведь вас тоже обманула?

- Я ей все давно простила, - сказала я искренне.

Элька, честное слово, я простила тебя раньше, еще когда не знала о твоей гибели. И ты прости меня. Вдруг я увидела: Элька лежит в снегу около гаража. Хрупкая, в коротенькой шубке, она любила носить короткое. Упокой, Господи, с миром душу ее. Татьяна пошла распорядиться насчет обеда, а мне захотелось побродить по лесу.

Обед был торжественным. Стол в честь нашего приезда накрыли в большом зале с камином. Во главе сел хозяин дома: Илья стал гладким полным человеком с самоуверенными манерами. Несмотря на очки, пожалуй, теперь он меньше походил на свою жену, чем в молодости. Татьяна постоянно давала указания и делала замечания прислуге. Молча уселись пожилые родственники, как я поняла, родители Ильи (отец даже за столом не расстался с шахматной доской) и его бабушка, совсем древняя. Рядом с ней устроилась бабушкина компаньонка. Потом усадили нас с мамой. В конце стола дети – Митя, Настя и дочка хозяев с молодой няней.

Прислуживали за столом две женщины, обе держались испуганно, постоянно допуская промахи, не укрывавшиеся от внимания Татьяны.

Митька от смущения ничего не ел, но меня обрадовало, что он сам сел рядом с Настей. Мама оживилась, увидев огромное количество деликатесов, мне же было интереснее наблюдать. Родственники тоже разглядывали нас, с любопытством, но без видимой приязни. Я обратила внимание, что здесь за столом не принято вести общую беседу, в основном говорил Илья. Если он обращался к Татьяне или начинал с ней обсуждать хозяйственные вопросы, то остальные молчали, уткнувшись в тарелки. После закусок Илья обратился к нам:

- Ну и как там Амэрика, вще не сгинела?

- Да нет вроде, - ответила я.

- А чего к нам, обратно?

Пока я сама не знала, как отвечать на этот резонный вопрос. А мама, оказывается, могла сформулировать:

- Бездуховность эта! Достала – сил нет, - высказалась она, дожевывая кусок окорока.

- Ну-ну, вживайтесь, - разрешил Илья, переключив внимание на принесенное блюдо и забыв про нас.

Бабушка громко спросила у помощницы:

- Оне откуда?

- Из Америки, - прошептала та.

Бабушка не расслышала и спросила еще громче:

- Приезжие-то – откуда?

- Мама! Тише вы, мама, - урезонила ее нарядная пожилая дама, мать Ильи.

Сразу после горячего Илья встал и объявил:

- Чай пейте без меня. Я ушел, убежал, я уехал в Москву. Завтра не ждите. Послезавтра возможно, но еще не знаю.

Татьяну он на ходу потрепал по плечу, дочку поцеловал. Удалился, больше ни на кого не обращая внимания. Татьяна пригласила нас с мамой в свой кабинет и приказала подать туда десерт и чай.

- Зеленый чай зальете водой не горячее восьмидесяти пяти градусов, - строго наказала Татьяна прислуге и кивнула нам, - Пойдемте.

Кабинет был устроен дорого и добротно, но главное, - Татьяна наконец заговорила по-человечески.

- Теть Нель, вы на кофейной гуще по-прежнему гадаете? – спросила она.

- Упаси Господи! У нас в Америке никто не пьет эту гадость.

Татьяна показала нам красиво изданные книги, переводы английской и американской поэзии. Предисловия к изданиям написала она.

- Арсений, друг Ильи еще с института, но издательским делом занимается давно. Для него это, конечно, не основной бизнес. Он уехал перед самым обедом, жаль, что вы не познакомились. Это отец Насти.

Книги выглядели роскошно.

- Вот, посмотрите, поэзия XIX века, на двух языках, мое предисловие.

- Пригодилась твоя диссертация, – порадовалась я за нее.

- Арсений повез эти книги на ярмарку во Франкфурт. Если бы не было изредка такой работы, я бы поверила, глядя в глаза мужа, что меня больше нет.

- Тань, ты чего? – удивилась мама.

- Теть Нель, в его глазах я больше не отражаюсь, – сказала Таня, глядя куда-то в угол,

- словно привидение. Помните сказку про Кая и Герду? Мне кажется, у него теперь точно такая же модель организма.
 - У меня было похожее чувство, - вспомнила я, - только по отношению ко всем окружающим. Думаешь, что тебя уже никто никогда не поймет. Я поэтому потихоньку стала писать. Начала с любимого, с французской поэзии, постепенно целое эссе получилось.
 - Дашь почитать?
 - Потом, - пообещала я. – Оно странное.
- Маме не терпелось похвастать своими успехами:
- Тань, ты знаешь, мне же там один богатый мужик, из эмигрантов, замуж предлагал. Не успела я приехать – сразу влюбился. Но я ему так и сказала: уважаемый, мой первый муж пел в Большом театре.
 - И что?
 - Оставила в статусе поклонника, - мама поискала глазами зеркало.

Следующие дни я провела с телефонной трубкой в руке, пытаюсь найти недорогую съемную квартиру. Номера телефонов мне подобрала мамина подруга Светлана Владимировна. Через три дня рано утром я собралась в Москву начинать битву за новую жизнь. Выйдя на крыльцо, встретилась с Татьяной, которая возвращалась с утренней прогулки во главе стаи мяукающих пекинесов.

- Я же сказала, после обеда шофер тебя отвезет, - сказала она отдышавшись. Сейчас все машины заняты.
- Но мне хотелось двигаться без посторонней помощи:
- Спасибо, что могу Митю и маму оставить еще на несколько дней. У меня встреча с хозяйкой квартиры.
 - Что сняла-то?
 - Сказали - хорошая квартира недалеко от метро. Но цены! Я не ожидала. У нас с мамой четыре тысячи долларов – думала, хватит на полгода.
 - Для Москвы это не деньги, - улыбнулась Татьяна.
 - Как только устроюсь на работу заберу своих, не волнуйся, - пообещала я.
 - А что мне волноваться? Тетя Неля без дела не сидит, то с детьми, то собак выгуливает. Развлекает Илюшкиных родителей. Все равно у нас тут целый колхоз. Митька твой за Настей ходит как хвостик, видела? – Татьяна указала на детей, они, несмотря на ранний час, бегали на улице.
 - Удивительно. А кто ее мать?
 - Считается, что у Насти нет матери. На самом деле она, конечно, была, но замучила Арсения и бросила как-то очень некрасиво. Там такая сложная история, потом расскажу. Давно было и кончилось все плохо. Он до сих пор на женщин смотреть не может, аллергия у него на них. У самого характер тоже не сахар, но вообще мужик он правильный.

Мы попрощались. Я вышла за ворота поместья и оказалась на проселочной дороге. Мне объяснили, как дойти до маршрутки, которая могла подвезти на железнодорожную станцию. Мой первый подвиг на вновь обретенной родине: марш-бросок до станции. Препятствий возникало множество, преодолевала я их, как и положено, с трудом. По лужам и ухабам на шоссе вышла, маршрутку увидела. Первая не остановилась. Во вторую я ухитрилась запрыгнуть, но не смогла расплатиться: обнаружив, что у меня в кошельке только стодолларовые бумажки, я почему-то покраснела, стала что-то мямлить. Шофер высадил меня посреди леса, сказав в напутствие несколько грубых слов. Долго стояла с поднятой рукой на шоссе и замерзла, наконец, добрый водитель на старых «Жигулях» согласился довезти до станции. Потом мы с этим парнем искали обменный пункт в городе Хотьково.

Когда у меня появились рубли, и я смогла купить билет до Москвы, то оказалось, что начался дневной перерыв в работе электричек; предстояло провести на платформе почти три часа. Мои беспомощные шаги могли бы позабавить заинтересованного

наблюдателя. Но таковых, увы, не нашлось. Шел дождь, я оделась легко и замерзла. Обстоятельства словно загоняли меня обратно в Татьянину усадьбу.

Заплати первому попавшемуся водителю сто рублей, вернись, согрейся, выпей кофе, отложи встречу на завтра. Попроси работу у Татьяниного мужа, в конце концов! – нашептывал кто-то. Попроси.

Нет, теперь буду идти сама. Мне было дано время. Я зашла в храм монастыря в Хотьково. Перед иконами оплакала Эльку, оплакала и свою жизнь.

Злую шутку сыграло мое глупое тело, подменив меня собой. Мы хотели стереть то, что было оставлено за плечами, но не получилось. И только потом, когда мне самой понадобилось сочувствие, я вспомнила слова сочувствие, милосердие.

Верность. Счастья, по-видимому, мне не видать. Хорошо. То есть плохо очень, конечно. Осознав это, ради сына я обязана суметь жить достойно. Нет, больше. Обязана научиться жить светло, ну хотя бы светлее чем прежде.

Мне удалось снять квартиру в тот же день, это оказалась обшарпанная хрущоба с минимумом мебели, но недалеко от метро. Вечером свежeweымытый пол уже был завален газетами, я также купила толстый телефонный справочник. Наутро принялась звонить, к десяти утра я была готова к телефонным переговорам: оделась, причесалась, сделала макияж.

Этап первый: обзвонила объявления, где требовался редактор. Их было всего два. В одном месте сказали, что объявление – ошибка, в другом намекнули, что им нужен работник помоложе.

- Возраст? Сорок...шесть. Извините.

Потом мне объяснили, что такое или кто такие секретари-референты или же помощники руководителей предприятий. Мой английский и французский были им не так важны как «рост не менее...объем не более...». Это понятно. Нашла еще одно привлекательное объявление, где требовались как раз мои данные - диплом МГУ, французский, английский в совершенстве.

- Возраст? Сорок...пять, шесть уже. Простите.

Если ты не достиг ничего к сорока пяти, то можно не начинать, я так поняла.

Тогда я сделала хитроумный ход: стала звонить подряд в крупные газеты и журналы.

Мне казалось, что если удастся устроиться в любое приличное издание, хотя бы корректором или младшим редактором, то со временем там можно «вырасти». В двадцати изданиях, куда удалось дозвониться, требовались курьеры и распространители. Без младших редакторов и корректоров они, судя по всему, легко обходились. Я честно отработала на телефоне восемь часов и была готова делать это каждый день, так долго, как потребуется.

Через три дня меня пригласили на собеседование.

Собираясь на него, я выбрала стиль «сдержанная классика» и репетировала перед зеркалом выражение лица. Главное изобразить не жалкий, а ликующий воодушевленный взгляд. Энергетический. Мои приготовления были продиктованы идеями, почерпнутыми из популярных женских журналов: голову держать прямо, смотреть собеседнику в переносицу, задом не вилять, не одеваться броско, не...Обдумывание этой чепухи немного успокаивало нервы.

К офису процветающей рекламной фирмы я пришла заранее. Волосы гладко зачесаны, черная юбка ниже колена, наглухо застегнутая серая кофта, туфли дорогие на низком каблуке.

Погуляв вокруг здания сорок пять минут и войдя в положенное время, я обнаружила, что девушки и малочисленные юноши, работающие там, одеты более чем фривольно. У них в ходу были открытые и полупрозрачные одежды, прически всех цветов и конфигураций, сережки в неожиданных местах и голые животы. Офис был огромным залом, сотрудники разделены маленькими перегородками. В центре зала стоял

огромный аквариум и рядом – нарядно разрисованный мотоцикл. У меня было впечатление, что я оказалась в Майами в ночном клубе с не очень хорошей репутацией. Интересно, как они в такой обстановке деньги зарабатывают? Одна из сотрудниц устремилась ко мне с поддельной прокисшей улыбкой:

- Вы в бухгалтерию?

- Я к господину Мохонько.

- К госпоже, – захихикали все, кто слышал мой ляп.

Еще ничего не сказав, я произвела впечатление. От смущения уронила на пол папку со своими эссе, листы рассыпались по полу, разлетелись во все стороны. Я собирала листки на столах, около урн, под креслами. Сотрудники продолжали активно перемещаться, переговариваться, - но никто мне не помогал. Наконец, мне указали на прозрачную будку у окна, кабинет руководителя, той самой госпожи Мохонько. Это было единственное полностью огороженное пространство, похожее на стакан.

Там сидела женщина лет на десять моложе меня в чем-то бесформенно-спортивном.

Едва взглянув в мою сторону, она процедила:

- На должность бухгалтера? Пройдите к менеджеру по персоналу.

Ну почему я для них так похожа на бухгалтера?

- Н-нет, я рекламой, - промямлила я, - хочу заниматься.

- Тогда проходите, я Наталья!

На лице руководительницы появилась фирменная прокисшая улыбка, и она протянула мне маленькую ладошку. На каждом ногте нарисовано по аккуратному цветочку. Я держалась скованно.

- Ирина.

- Оч приятно, Ирина, - Наталья открыто рассматривала меня. - Нас прежде всего интересует креативность и самопрезентативность соискателей. Как вы охарактеризуете подобные свои качества, есть ли у вас опыт работы в масштабных маркетинговых проектах? Давайте сюда ваше резюме.

Вот это называется «села в лужу»! Думала про нюансы внешности и забыла о самом главном и естественном, - резюме, «сиви». Я готова была – как пишут в романах – провалиться сквозь землю от стыда.

- Но у меня нет. С собой. Видите ли, я неделю назад вернулась из Штатов.

- Извините, Ирина, но откуда вы вернулись – из Штатов или из других мест, не столь отдаленных, меня интересует мало, - отбарабанила Наталья безжалостно.

Она нажала кнопку громкой связи:

- Крохину ко мне. Понимаете, - это уже Наталья говорила мне, - если вы отнимаете мое время, то это означает, что вы претендуете как минимум на должность экаунт директора или проджект менеджера. У нас очень мало грамотного маркетинга, не быдлярского, мало кто способен работать креативно, вовремя репозиционироваться, при этом укладываясь в необходимый тайминг. Это совершенно не мешает мне жить, но иногда – бесит. Я понятно выражаюсь?

Я кивнула. Наверное, это и есть новый русский язык. Я не знаю его пока.

В кабинет робко заглянула девушка неопределенного возраста в модных штанах, приспущенных по самое никуда.

- Ты пригласила на собеседование даму?

- Наверное, - робко промямлила Алёна.

- Не ответ, - властно отрубил Наталья. – К слову, твою вчерашнюю презентацию можно назвать «Один день из жизни церковно-приходской школы». Зайдешь позже, обсудим.

Девушка тихо выскользнула, а Наталья без предупреждения выпала из беседы, уставившись на экран компьютера. Я долго ждала, пока она вернется. Глядя на ее украшенные ромашками ногти, я невольно задумалась, насколько трудно сохранять их невредимыми.

- Ирина, произошло недоразумение, - произнесла Наталья наконец. Она сказала это таким значительным тоном, будто меня по ошибке в качестве резидента забросили не в ту страну. - Но раз уж вы здесь – ладно. Может, вы обладаете соответствующими

связями и способны привести новых корпоративных клиентов? Нет, как я вижу, - Наталья вздохнула и снисходительно добавила, - давайте, чтобы вы сами все поняли, я задам вам свой любимый вопрос: как бы вы, Ирина, действовали, если бы понадобилось продать партию телевизоров обществу слепых? Когда я уходила из офиса, все опять улыбались. Я чувствовала себя замшелой и наивной.

Оказавшись в центре, бродила по родным улицам; глазела на новое, отыскивала знакомое. *Ник, ты всегда говорил мне красивые слова, высоко ценил мои якобы способности. Всегда казался мне мудрым. Но выясняется, что я такой же, как ты, устаревший романтик, из тех, что всюду отстают, упускают свое время, может, это врожденный порок? Так нужна твоя поддержка, добрый мой друг.*

Боже, причем здесь Ник? Я обязана сейчас все сделать сама. И не допускать мысли, что в мире людей, где все обустроено всего лишь другими людьми, для меня не найдется подходящей полочки, пусть и не самой удобной.

Ник, прости меня, пожалуйста, для меня очень важно освободиться от одного навязчивого сна. Из воспоминаний о тебе остался сон, приходящий часто: я поднимаюсь в ветхом явно московском старинном здании по деревянной лестнице вверх. Лестница делает поворот, и надо идти дальше, потому что там в неопределенно обозначенной комнате – ты.

Там Ник. Я иду к нему просить. Просить, просить. Ник поможет. Опять испытываю тягучее чувство приниженности и стыда. Откуда оно возникло и когда можно будет от него освободиться?

Я осознала, что в ближайшее время в «белые воротнички» пробиться не удастся. Предстояло еще срочно устроить Митю в школу, так что пока надо браться за любую работу, продолжая искать то, что нужно.

На продовольственном рынке недалеко от моей новой квартиры, я решила обратиться к девушке, весело торгующей овощами:

- Вы не подскажете, нельзя ли здесь устроиться на работу?

- Щас Ашот подойдет – тогда поговорите, он парень добрый вообще, - ответила она приветливо.

- А можно узнать, сколько у вас в месяц получается? Примерно.

- Да по-разному, как зарабатываешь.

Подошел пожилой человек и долго выбирал гроздь бананов. Когда продавщица взвесила бананы, пенсионеру показалось, что его обманули. Между ними завязался скандал. «Понаехали тут и обвешивают!» - «Не нравится – отойди, что ты орешь, дед!». Я долго ждала доброго Ашота, но не дождалась.

Вечером звонила маме. Она сообщила, что Митя играет с дедушкой в шахматы. Мама посоветовала мне связаться со Светланой Владимировной, которая сотрудничает с Ником. Я не сомневалась, что мама уже созвонилась со своей подругой и все обсудила. Ей очень хотелось прямо сейчас продиктовать мне хитроумно добытые московский телефон и адрес офиса Ника. Пришлось записать, чтобы не спорить. *Как когда-то: сижу перед номером твоего телефона, смотрю на спасительные цифры. Что же, опять ты моя единственная надежда?*

Здравствуй, милый, я не прошу денег, но я действительно могу пригодиться в твоей фирме. Давай трудиться вместе. Да-да-да... Ты меня еще любишь? Твоя жена, дочка, твое спокойствие – все побоку...

Нет. На сей раз – нет. Я больше не хочу тебя использовать, Ник. Ты мне дорог и ты где-то рядом, всегда будешь очень близко. Надеюсь, за моим правым плечом.

Вечером зашла в супермаркет. Пока в России я не бывала в таких магазинах, и мне было интересно рассмотреть ассортимент, сравнить цены. Чтобы питаться каждый день, мне явно придется найти магазин поскромнее. Но кое-что я выбрала и здесь – диетический сахар и проращенные зерна, хлеб с отрубями. Народу в магазине в этот

час было мало, кассирше хотелось поболтать:

- Что люди едят, это же с ума можно сойти, - посетовала она, пробивая продукты из моей корзины. – Посмотришь, чего тащут, – обхохочешься. Словно страусы! Как их там, австралийские. Я, например, не могу без хорошего мяса, без колбасы приличной. А как же вы обходитесь?

- Не знаю. Привыкла.

Улыбка кассирши мне понравилась, и я решила спросить:

- Скажите, здесь можно найти работу?

- Вы грамотная? В смысле образование есть?

- Да.

Я не стала говорить «филфак», «МГУ», понимая, что это не имеет значения.

- Прописка или регистрация у вас имеется?

А этот вопрос застал меня врасплох. У меня есть старый советский паспорт – и какой теперь у него статус?

- Хотя – мне-то какое дело. Вон там старшая сидит, пойдите и поговорите.

Я поблагодарила и отправилась к старшей, думая только о своих документах. На ходу давала себе команды: «Соображай, не теряйся, должен быть какой-то выход!».

В пятницу вечером опять отправилась на дачу к Татьяне. Я смотрела вокруг уже не только испуганно, но и с любопытством. В электричке мне нравилось любоваться в окно на подмосковные леса, я наблюдала за продавцами всякой ерунды, проходившим по вагону, немного правила свои рукописи, с которыми не расставалась.

Миновав ажурные ворота усадьбы, сразу увидела Митю. Наверное, он ждал давно и сразу бросился ко мне, в обнимку мы пошли по аллее. В беседке дедушка сидел за шахматной доской, рядом стояла Настя. Я поцеловала ласковую девочку, и она ко мне прижалась.

- Я научил Настю рисовать голубя, - сообщил Митя.

- Хорошо получилось?

- Плохо пока, - застеснялась Настя.

- Мне нравится, - сказал Митя.

Он разговаривал по-русски!

Я пообещала детям, что мы все вместе пойдем в зоопарк, чтобы рисовать животных. Тигра, например.

- Вместе с Настей? – уточнил сын.

- Конечно.

Настя хотела, чтобы мы втроем сфотографировались, мы попросили дедушку сделать снимок. Я прижала детей к себе.

Татьяна повела меня на кухню перекусить, мама пошла с нами.

- Собирайся, мама, - объявила я о главном своем достижении, - я теперь при работе.

- Что за работа? – поинтересовалась Татьяна.

- Упаковщицей в супермаркете. И главное - повезло, взяли только на основании свидетельства о рождении. Сказала, что паспорт потеряла, так что буду работать и потихоньку оформлять документы. Кроме того, там надо пройти медкомиссию. Тогда через полгода можно стать товароведом.

Я заметила, что мои слушательницы постарались справиться со своими лицами, они даже не высказались по поводу моей новой работы. Таня, посмотрев в окно, попросила:

- Может, пока оставишь маму и Митю здесь, хотя бы на неделю? И Настя у меня, сейчас ведь каникулы.

- Доча, пожалуйста, - сказала мама жалобно, - а то страшно, так сразу - и в Москву. Знаешь, Настя с Митей вместе читают русские книги!

- Мам, все равно придется. Но на неделю оставайтесь, ладно. Тогда я сейчас поеду обратно, мне хочется найти поблизости библиотеку и начать писать.

Они хором стали упрашивать меня остаться до утра, и я согласилась.

- Арсений приехал, за обедом познакомитесь, - настаивала Татьяна. – Кстати, у тебя тексты с собой?

- Да, я с ними работаю.

- Ты обещала дать почитать.

- Почитай, конечно. Хотя надо все переделывать, - призналась я. – И для этого мне нужно просмотреть несколько книг по французской поэзии.

- А можно дать их Арсению? – спросила Татьяна.

Мама запрыгала от восторга:

- Такой симпатичный, интеллигентный!

Мне было страшно. Но отказаться я, конечно, не могла. Татьяна пообещала прочесть быстро и позвонить мне, и еще она записала адрес моей квартиры:

- Буду в городе по делам – заеду, мы поболтаем.

Это было так по-московски, так приятно, что-то из нашей молодости.

Весь день мы гуляли с мамой, с детьми. Настинного отца я так ни разу и не увидела, но представляла как он, надев очки, читает мои незрелые опусы.

К вечеру все собрались в большом зале на обед. Я немного опоздала, постаралась привести себя в порядок. Место Арсения за столом оказалось напротив меня. Настя представила мне своего отца, но Арсений едва кивнул и тут же уставился в тарелку. Меня обескуражило его невежливое приветствие, и все же я отметила длинное лицо, тонкие и тоже длинные кисти и пальцы - облик показался византийским. Даже борода и усы не скрадывали, а облагораживали черты лица. Но как бы там ни было, этот благородный с виду человек не соизволил взглянуть в мою сторону. Хотя несколько часов назад ему в руки попало самое сокровенное: мои мысли и чувства. Беззащитные слова.

- Ириш, я уже передала твою рукопись Арсению, - произнесла Татьяна громко.

- Правда? – притворно оживилась я. Улыбнулась наклоненной голове моего визави, голова не поднялась.

Илья на сей раз увлеченно читал книгу и не утруждал себя никакими репликами. Мама стала лепетать про «настоящую» американскую писательницу, которая «была другом нашего дома в Майами». Мне еда не лезла в горло.

- Думаю, вам будет о чем побеседовать с Арсением. У него в издательстве большой штат сотрудников.

Молчание. Татьяна повторила попытку завести светскую беседу:

- Ты говорил, что у тебя будет свой журнал, Арс?

- Посмотрим. - Арсений упорно не слышал ее подсказок. – Будьте добры, передайте мне сок.

Происходящее было для меня крайне унижительно.

Куда я лезу? Наверное, он из жалости не хочет честно сказать свое мнение – и отводит глаза, чтобы не врать. Какой стыд! Почему он не считает нужным даже взглянуть на меня? Откуда такое высокомерие?

Сославшись на усталость и извинившись перед хозяевами, я попросту сбежала в свою комнату:

- Митя, если хочешь, чтобы я тебе почитала, пожалуйста, не задерживайся, - произнесла я, встав из-за стола.

Мама и Татьяна переглянулись и воскликнули хором: «А как же чай?». Арсений еще ниже опустил голову к тарелке. Девочка Настя вдогонку пожелала мне спокойной ночи. Господи, как же мне было плохо. Сколько ни готовь себя к испытаниям - такой шквал унижений вынести трудно. Хорошо, что ни мама, ни Митя в тот вечер не тревожили меня; они вполне освоились и, по-видимому, неплохо проводили время. Необходимо было взять откуда-то силы: я включила Баха, вышла на балкон, смотрела на небо. Просила помощи и сил.

Из поместья уехала рано утром и, вернувшись в город, устраивала квартиру, составляла план занятий с Митей, чтобы подготовить его к школе. Даже пыталась

записать какие-то новые мысли. Через несколько дней такой «правильной» жизни пришло вознаграждение.

Позвонила Татьяна и озвучила свою рецензию на мою рукопись:

- Мне, честно говоря, кажется что ты пишешь сложновато. Слишком заумно, и это иногда в ущерб ясности мысли. Но Арсений говорит, что по твоему тексту виден уровень. Ему понравилось как ты там цитируешь очень к месту этого, как его, ну не помню. Арсений приглашает тебя в издательство на собеседование, ему нужен специалист по романо-германской литературе. Эй, слышишь меня? Шанс уникальный, Ир. Надо ехать сегодня же! А, погоди, у него еще журналы в Питере, Риге и в Таллине, он их финансирует.

Внутри меня ухнуло - и одновременно я увидела себя в зеркале. Отражение показало мне ясно:

Я не могу, не выдержу еще один провал. Пусть все идет так, как я придумала.

Работа ради хлеба насущного у меня уже есть - документов пока нет.

Я вздохнула и сказала то, что должна была сказать:

- Нет, Танюш, сегодня у меня смена в супермаркете.

- Сдурела? – возмутилась подруга. – С головой, Ир, у тебя все в порядке?

Я быстро, чтобы она не успела меня остановить, выпалила свои аргументы:

- У меня документы пока не в порядке, боюсь подвести твоего знакомого, а врать не имею права. Может быть, потом? Когда оформлю паспорт и прописку? Спасибо, Танюш, я тебе стольким обязана! Целую! – и повесила трубку.

Я была права. Но поступать правильно иногда тяжело физически: произнеся эту тираду, я так и осталась сидеть на полу, скрючившись словно от боли.

Прийти в издательство, где люди работают над красивыми книгами, претендовать на что-то и быть с позором изгнанной? Потерять такой шанс? Ну нет! Пусть Арсений – знакомый Татьяны, но он обязательно спросит о резюме. Допустим, будет вежливо беседовать со мной, даже благожелательно, удобно расположившись за массивным столом, и вдруг:

- Ирина, могу я взглянуть на Ваше резюме?

И что тогда? Даже если я отпечатаю эту несчастную бумагу, то начнется она хорошо: образование, языки, издательство «Колос», а потом – бутик, бутик, магазинчик на Линкольн-роуд, 24 бис. Продавец магазина готового платья с десятилетним стажем? Куда ты лезешь?

- Благодарю Вас, Ирина, - скажет Арсений мягко, - сейчас нет подходящих вакансий, но, возможно, мы будем расширяться... Тогда вам позвонят. А пишете вы, в общем, сложновато, но мне было небезынтересно ознакомиться.

Ладно. Это только начало. Теперь надо просто хорошо упаковывать эти самые продукты, побольше заниматься Митькой и ходить в библиотеку в свободное время.

Впервые Арсений увидел ее в бинокль – когда рассматривал на стрельбище мишени.

- Кто эта женщина? – спросил он у Ильи, но его приятель и сам толком не знал, кто гуляет по аллеям с его женой. Илья присмотрелся.

– По-видимому, это Танькина старинная подруга, забыл как зовут, - сказал Илья и прицелился в мишень, - Она, кажется, с семьей вернулась из Штатов. За обедом познакомись. Или сейчас подойдем?

- Постреляем еще.

Не дожидаясь обеда, Арсений попрощался с дочерью и уехал в Москву.

Испугался и сбежал. В самолете он вспомнил о своем бегстве, его даже позабавило, что оказывается, в душе еще может что-то зазвенеть, и всего-то от взгляда на лицо незнакомой женщины. «Случайность. Возможно, бинокль дал некое искажение, которое на меня подействовало», - определил он и забыл об этом, погрузившись в планирование встреч и выступлений на книжной ярмарке. Презентация книг его

издательства прошла успешно, а вечером Арсений был приглашен на прием в дом графа Палена. Он пошел, потому что надо было встретиться кое с кем из немецких коллег.

- Подобный формат изданий как раз сейчас востребован в России. Книге остались верны ценители, для которых важны оформление и информативная нагрузка.

Появились и коллекционеры, это перспективная группа потребителей, - разговаривая с главой крупнейшего издательства, Арсений обратил внимание на эффектную даму, которая переходила от одной группы гостей к другой.

- Это хозяйка дома, – пояснил коллега. - Я представляю вас.

Графиня с бокалом в руке подошла к ним и, выслушав комплименты, сказала Арсению:

- Господин Носов, позвольте мне выразить восхищение вашими изданиями, это произведения искусства.

- Я польщен, графиня, и благодарю за возможность присутствовать на вашем приеме.

- Всегда приятно принимать у себя соотечественников, тем более таких как вы.

Наконец он понял, почему немецкий язык графини кажется ему таким правильным.

- Значит, это правда? – спросил Арсений по-русски.

- Что именно?

- Что вы русская! Мне сказали об этом вчера, передавая приглашение, но увидев вас, я подумал, что это ошибка.

- Почему? Я недостаточно красива для русской?

- В вас чувствуется порода, и я думал, что лишь несколько поколений аристократии способны научить держаться столь естественно и изящно. Быть истинной хозяйкой салона.

- Моя мама работала барменшей в приморском городе: в определенном смысле она для многих, конечно, была аристократкой.

- Вы меня разыгрываете, графиня.

- Зовите меня Полиной. А вы...?

- Я Арсений.

- Значит, Арсений, вы отказываетесь верить. Лестно, честное слово.

Полина вручила ему свой бокал, повернулась на каблуках и исчезла. Она вернулась с фотографией в рамке; на фото была группа людей рядом с горой чемоданов.

- Посмотрите, самое начало перестройки. Меня провожают в Шереметьево. Вот моя мама и подруги.

Арсений увидел лицо, которое рассматривал в бинокль три дня назад.

- Можно узнать кто это?

- Моя подруга Ирина, живет в Штатах. Интересное лицо, не правда ли? Такие встречаются редко.

- Просто удивительно похожа на мою бывшую жену.

- Любовь моя! – требовательный голос супруга призвал графиню продолжить исполнение обязанностей хозяйки вечера. Она поспешила на зов голоса долга.

Фотографию сначала трогательно зажала подмышкой, потом – Арсений следил за ней - отдала кому-то из слуг. За время приема они еще лишь однажды поприветствовали друг друга издали. Арсений уехал в отель рано, на следующий день ему предстояло подняться в пять утра.

Вернувшись из Германии, он сразу поехал на дачу к Илье. Арсений знал, что Настя скучает без него, и всегда торопился забрать ее от друзей. На сей раз дочь сама уговорила его погостить в усадьбе несколько дней, ей было приятно проводить время с Митей.

- А где Митина мама? – решил спросить Арсений.

Настя не знала, но «тетя Ирина» ей очень нравилась, так она сказала.

Получив от Татьяны рукопись, Арсений почувствовал себя еще хуже. Половина его натуры корчилась от смеха, глядя на юношеское оцепенение второй половины. Он боялся разочароваться, обнаружив внутреннюю пошлость в этой женщине. Но прочитав понял, что необходимо заставить себя сделать шаги навстречу Ирине. А правильнее, - подумалось ему под утро, - бежать зажмурившись к такому человеку, и

будь что будет. Хуже упущенных возможностей все равно ничего в жизни не бывает, встречи на мгновения, на дни, на годы - это главное. Но страшно как: опять потеря спокойствия, травмы, риск.

Остаток ночи Арсений бродил по июньскому лесу, иногда взглядывая на окна гостевых комнат: туда, где она. Было очень странно и одновременно сладко сознавать, что он способен так глупо волноваться. Утром на пробежке Арсений встретился с Татьяной и имел возможность убедиться в способности женщин читать по глазам.

- Поговорил с ней? – спросила Татьяна, не успев выровнять дыхание.

- С кем?

- Не притворяйся, Арсений, душой меня считаешь? С Ириной, конечно. Ты же хотел пригласить ее в издательство на собеседование.

Арсений не мог припомнить, чтобы они с Татьяной обсуждали столь важный вопрос.

- Ну что, Арсений? Что происходит? Вчера ты заснул на стуле во время обеда, а ведь я намекнула, что для Ирины сейчас это важно. Ей срочно нужна работа, такая, какой она заслуживает. - Татьяна рассмеялась и присела перед одним из пекинесов, поглаживая его.

- Я не знал, как начать разговор.

- Детский сад штаны на лямках. Первый раз вижу, чтобы человек стеснялся предложить хорошую работу.

Арсению очень захотелось рассказать Татьяне о своем наваждении:

- Таня, ты не понимаешь. Да, мне нужны такие люди и в издательстве, и в редакции.

Но, возможно, для меня все серьезнее. Она дико похожа на мою бывшую жену, я даже испугался немного.

Татьяна мгновенно оставила собаку, встала и посмотрела ему в глаза.

- Ах, вот как. И ты покраснел? Дела! – в ее тоне явно читалась зависть. - Плохи твои дела, я хочу сказать. Или наоборот?

Арсений успел пожалеть о своей откровенности и добавил поспешно:

- Но насчет работы, ты права, сейчас же пойду и поговорю. Хотя бы скажу, что мне понравилась ее рукопись. Потом про вакансию. Хочет – может работать в издательстве, хочет – в журнале, хочет... придумаю еще что-нибудь.

- Она уже уехала, Арсений. Трудиться на ниве этой, как ее, промышленной упаковки. Гордая она у нас, понимаешь?

- Понимаю. И восхищаюсь, - не сдержался Арсений. Взрослый трезвый человек внутри него явственно обозвал его «идиотом».

Татьяна продолжала внимательно смотреть на Арсения, удивленно подняв брови.

- Да, ребята. Вижу, без моей помощи вам не обойтись, - произнесла она наконец.

Телефон за дверью звонил, но я не могла справиться с замком и отчего-то боялась, что телефон замолкнет, а я не узнаю, кто же хотел со мной поговорить. И почему я так дергаюсь? Маме всегда можно перезвонить, Татьяне тоже, другую работу я пока искать не собираюсь. Решила уже – сперва надо оформить документы. Сейчас, если не смогу открыть, то пойду в ДЭЗ или как там оно теперь называется, вернусь со слесарем, добрым и подвыпившим. Или наоборот, слесарь окажется интеллигентным молодым человеком. Мы поговорим: о квантовом скачке, например, может, он лучше меня знает, что это такое. Можно про коллайдер или как его, наверное, это сооружение посложнее чем мой замок... говорят, в нем застрял французский батон. Заодно взломаем дверь. Но я не шла за слесарем, а сидела на лестнице, пригорюнившись. Телефон трезвонил, наверное, не протяжении десяти минут. Потом умолк, конечно. Я встала, легко вставила ключ – и открыла. Просто его надо было вставить в другое отверстие. Сразу пошла в душ, устала после смены. Только намылила голову – телефон зазвонил опять. Он надо мной явно издевался, этот перемотанный изолентой инвалид на коротком поводке. Пришлось выскочить мокрой. Кто бы это ни был – а скорее всего мама – я разозлилась.

- Ирина Пална, это Антон, шофер Татьяны Юрьевны.

- Привет, Антон.

- Я тут стою у вашего дома, давно уже.

- А зачем?

Первая мысль ужасная: что-то случилась с Митей или с мамой.

- Татьяна Юрьевна приказала отвезти вас на Ордынку куда-то. В издательство.

- Антон. Я не могу, голова мокрая, и устала после работы.

- Понимаете, мне сказали конкретно: не отвезешь, не сможешь уговорить поехать - уволим.

- Татьяна...Юрьевна так шутит, что ли?

- Какие шутки! Вы ее давно знаете? Она реально может.

- Знаешь что, Антон, скажи ей так: Ирина просила передать, что это шантаж...и она не собирается...

- Ирина Пална, очень прошу, вам трудно, что ли? Я и обратно вас привезу.

- Беда. Ладно, выйду через четверть часа.

В машине, слушая рассуждения Антона, - а его вдруг настиг приступ водительской разговорчивости, - я смотрела на чистую Москву. Старательно бездумно, совершенно бездумно. Я решила жить и радоваться жизни вокруг.

